

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- Солодкин Я.Г.* ТОБОЛЬСКИЕ КНИЖНИКИ XVII ВЕКА О МАСШТАБАХ ХРИСТИАНИЗАЦИИ СИБИРИ (К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СТЕПЕНИ ДОСТОВЕРНОСТИ ЛЕТОПИСНЫХ ИЗВЕСТИЙ)..... 3
- Цысь В.В., Цысь О.П.* РЕЛИГИОЗНОЕ ПОДВИЖНИЧЕСТВО И МИЛОСЕРДИЕ РУССКИХ ЖЕНЩИН – ПАЛОМНИЦ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧ. XX ВВ. ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СОВРЕМЕННИКОВ .. 7
- Кругликов А.С.* РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ПРИХОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ГРАДО-БЕРЕЗОВСКОГО ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА)..... 12
- Белоус П.В.* К ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ЦАРСКОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ПОДГОТОВКИ ПОМЕСТНОГО СОБОРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1906–1917 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ) 26
- Силаева И.А.* О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ТОБОЛЬСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА В ТРУДАХ Н.Н. ОГЛОБЛИНА..... 36
- Борозенец Т.А.* ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ В ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОМ ПРИХОДЕ ХРАМА В ЧЕСТЬ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ»..... 41

СЛОВО МОЛОДОМУ ИССЛЕДОВАТЕЛЮ

- Лаптенко М.Д.* РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В РАСПРОСТРАНЕНИИ И УТВЕРЖДЕНИИ ХРИСТИАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII–XIX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЛОФЕЯ ЛЕЩИНСКОГО И ПРОТОИЕРЕЯ П.А. ПОПОВА)..... 48
- Сипайлов И.Д.* ИЗ ИСТОРИИ ХРИСТИАНИЗАЦИИ БАШКИР ОРЕНБУРГСКОЙ И УФИМСКОЙ ГУБЕРНИЙ, ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ В 1859–1917 ГГ..... 59
- Кременский Д.В.* ТЕМА ПАЛОМНИЧЕСТВА В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ Х.М. ЛОПАРЕВА 68
- Сапко Д.А.* СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РОССИИ ТИХОН И ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА (1918–1925 ГГ.) 75
- Клюкина М.С., Филоненко П.Л.* ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И ОСВЯЩЕНИЯ В Г. СУРГУТЕ СОБОРНОЙ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ (1745 г.) И СВЯТО-ТРОИЦКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА (2023 г.): СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ..... 85
- Кортузов А.Е.* ИСТОКИ НИЖНЕВАРТОВСКОГО ХРАМОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА 94

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор
доктор психологических наук, профессор
доктор исторических наук, профессор
доктор педагогических наук, профессор
доктор философских наук, профессор
кандидат исторических наук, доцент
кандидат исторических наук, доцент
кандидат богословия и филологии, доцент

В.В. Цысь (главный редактор);
М.Я. Дворецкая;
А.Г. Еманов;
Т.С. Комиссарова;
С.В. Гутова;
О.П. Цысь;
П.В. Белоус;
П.М. Шитиков

Общественный совет:

Митрополит Ханты-Мансийский и Сургутский *Павел*
доктор физико-математических наук, проф. *С.И. Горлов*

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»
Адрес редакции: Россия, 628602, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56

*Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в
печать 0.1.10.2025
Формат 60×84 1/8. Бумага для
множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 11.
Тираж 250 экз.
Заказ 1755*

*Отпечатано в Издательстве НВГУ
Россия, 628615, Ханты-Мансийский
автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Жукова, 4.
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail:
izdatelstvo@nvsu.ru*

ISSN 2500-3143

© Нижневартовский государственный университет, 2025

**ТОБОЛЬСКИЕ КНИЖНИКИ XVII ВЕКА О МАСШТАБАХ
ХРИСТИАНИЗАЦИИ СИБИРИ (К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СТЕПЕНИ
ДОСТОВЕРНОСТИ ЛЕТОПИСНЫХ ИЗВЕСТИЙ)**

Аннотация. Как утверждали подобно патриарху Иову тобольские летописцы XVII в., начиная с Саввы Есипова, даже если не с его предшественника – автора утраченного, вероятно, «писания», после экспедиции Ермака развернулась масштабная христианизация Сибири, вылившаяся в массовое крещение коренного населения и широкое церковное строительство. Такой взгляд, вопреки заключению И. Л. Маньковой, следует считать безусловным преувеличением, ведь численность перешедших в православие «иноземцев», согласно документальным источникам, до наступления следующего столетия являлась незначительной, подавляющую же часть христиан в Азиатской России составляли русские служилые и посадские люди наряду с крестьянами.

Ключевые слова: Есиповская летопись Основной редакции; вторичные разновидности этой повести «О Сибири и Сибирском взятии»; тобольские книжники XVII в. о времени и масштабах крещения «иноземцев» и церковного строительства на востоке России; христианизация Сибири в первые десятилетия ее русской колонизации; новокрещены; служилые татары; принявшие христианство.

Сведения об авторе: Солодкин Янкель Гутманович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории комплексного исследования социальных систем, Нижевартовский государственный университет, г. Нижевартовск.

Тобольские летописцы XVII – первой половины XVIII вв., начиная с автора ОЕЛ (повести «О Сибири и о Сибирском взятии»), возможно, и создателя более раннего, вероятно, утраченного, «писания», «распространенного» в 1636 г. дяком недавно учрежденного в Тобольске архиерейского дома Саввой Есиповым, единодушно утверждали, что вслед за экспедицией Ермака «Сибирская земля», которая «древле ... идоложертвием помрачися», засияла благочестием, «отпаде бесовская служба и требища идолския сокрушишася, богоувидение всадися», «мнози ж невернии ... крестишася ... и от неверия верни бысть», «множество православных христиан разсеяшася по лицу всея Сибирския земли», там уже со времени основания Тюмени и Тобольска стали строиться церкви [12, с. 42, 51, 65, 69, 72, 89, 91, 97, 109, 120, 137; 15, с. 4; 16, с. 195; 14, с. 51 – 52]. Если следовать вторичному относительно ОЕЛ Погодинскому летописцу, сохранившемуся, по определению Е. К. Ромодановской, в единственном списке 1680-х гг., то «в Сибири бусурманская вера умалилась, а православная крестьянская вера распространилась». В Забелинской редакции «Сказания» Есипова мы читаем о том, что «иноверцы, в сибирьских городех живущии, ... прияша веру христианскую ... и приложишася от тьмы во свет», ныне там «жители христиания». Автору предисловия к Головинской редакции СЛС казалось, что в результате похода «дружины» Ермака за «Камень» в бывших владениях Кучума «кумиропоклонение попраша», воздвигнуты города и храмы, «и нача новопросвещенная земля Сибирская от неведения в свет блистания прилагатися», «от неверия и от идолослужения бусурманского обновлятися, ... и изыде на благолепие и доброту» [17, с. 116, 129, 178, ср. 150, 153, 194, 238, 261, 380]. В Нарышкинской, Шлецеровской, Академической редакциях того же летописного свода, который велся как минимум при нескольких архиепископах и митрополитах Сибирских и Тобольских, констатируется, что немало «агарян» с женами и детьми, другие «языки» крестились, в городах, селах и

деревнях живет множество православных 17, с. 231, 238, 255 – 258, 279, 289, 301, 315, 345, 356, 366, 368; см. также: 5, с. 89, 90, 145; 3, с. 272].

Считается, что христианство стало проникать в среду коренного населения с конца XVI в. [6, с. 170] или с самого начала следующего столетия [4, с. 158]. Первая из этих датировок предпочтительнее: известно, что в 1596 г. тюменским новокрещеном был, видимо, местный татарин Дмитрий Токманаев [8, с. 29]. Мысль о том, что Москва уже в конце XVI в. навязывала христианство коренным сибирским этносам [1, с. 427], нельзя, однако, признать оправданной.

Согласно Ремезовской летописи, когда их «прегордый» хан погиб, «бусурманы кучумляна, живущие по степи, ... приидоша ко граду Тобольску и приложишася ясак платити ... овии же крестишася во христианство и поверстаны в службу в новокрещеной список»; на государеву службу зачислили и 300 «мурз и мурзичей», сохранивших свою веру [13, с. 568]. Приведенное сообщение, вопреки, к примеру, мнению З. А. Тычинских [28, с. 46; 27, с. 33, и др.], не отличается достоверностью [24, с. 27 – 28, и др.]. Так, о «новокрещеном списке» (подразделении), объединявшем 30 татар, «литвинов» и «немцев», в структуре тобольского гарнизона документально известно лишь с конца 1620-х гг.; тогда атаманом этих служилых являлся К. Петров [12, с. 33; 20, с. 49; 10, с. 20 – 21]. Официальные «разряды» сохранили сведения (восходящие, очевидно, к воеводским отпискам) о том, что в 1624/25 г. и в течение двух последующих лет в Тобольске насчитывались 32 конных новокрещена во главе с атаманом, в Нарыме – 6, в Томске и Сургуте, как вскоре в Тюмени и Кузнецком остроге, – по 1. Затем их численность в Тюмени и Томске увеличилась до 3, 4 и 6, в Нарыме уменьшилась до 5, но следом опять-таки достигла 6. В 1633 г. «новокрещеный список» Тобольска включал 25 человек [19, с. 82; 18, с. 55; 28, с. 50 – 51; 7, с. 134, 247; 2, с. 184, и др.]. По данным за середину – вторую половину 1610-х гг., в «стольном» Тобольске значился 31 новокрещен (что составляло, как подсчитал А. С. Хромых, 4,3% общего количества служилых людей), в Тюмени их было 16 (4,7%), в Таре – 5 (1,2 %), в Пельиме – 7 (7,7 %), в рядах сургутского гарнизона встречается 1 новокрещен (0,5 %). К 1638 г. в «царствующем граде» Сибири числились 23 новокрещена, к середине XVII в. – 27, в 1663 г. – 19, а в самом конце того же столетия – от 42 до 48 [20, с. 49; 18, с. 55, и др.].

Как нетрудно видеть, опрометчиво заключать [5, с. 420], будто крещенные «иноземцы» в составе сибирских гарнизонов достаточно быстро начали признаваться властями (московскими и тобольскими) своими – русскими служилыми людьми.

И. Р. Нигматзянов полагал, что в ОЕЛ идеологически обосновано утверждение христианской веры в Сибири. Вместе с тем этот казанский историк находил, что оно в глазах Есипова происходит или произойдет [11, с. 73, 74]. С точки зрения И. Л. Маньковой, в XVII в. заявление «слогателя» ОЕЛ (представившего «церковную концепцию истории похода Ермака») о крещении «неверных» сделалась реальностью [9, с. 359, 361]. (Такая оценка этой «концепции» может считаться по меньшей мере односторонней, тем более что она близка к суждениям автора синодика «ермаковым казакам» редакции начала 1620-х гг.) Подобно ряду ученых [5, с. 341 – 342, ср. 396; 29, с. 118, 120, и др.] недавно названная уральская исследовательница признала, что в XVII в. новокрещены в Сибири являлись еще малочисленными [2, с. 309, 311, 314 – 330; ср. 148 – 150, 281]. Стало быть, свидетельство Есипова, повторенное редакторами его сочинения, в том числе открывающего СЛС, про широкое обращение в православие «иноземцев» тенденциозно; как и московские дипломаты конца XVI в., создатели поздних разновидностей Строгановской летописи, дьяк трех кряду тобольских архиепископов допустил очевидное преувеличение, когда упоминал о восторжествовавшем в Сибири христианстве [22, с. 194, 196; 25, с. 80 – 81]. К тому же «обращение в православие коренных жителей края не провозглашалось официально» в XVII в. целью присоединения к России земель, раскинувшихся к востоку от Урала, да и московские власти к этому в то время и не стремились [21, с. 273; 2, с. 144].

Список источников и литературы

1. АИЮ. Югра в XI – XVI веках. Ханты-Мансийск: Изд. дом «Новости Югры». 2024. Т. 2, 600 с.
2. АИЮ. Югра в составе Московского государства. Ханты-Мансийск: Изд. дом «Новости Югры». 2024. Т. 3, 416 с.
3. Богданов А.П. Общерусское летописание конца XVII века. Ч. 2. М.: Изд-во «Альма Матер», 2024. 926 с.
4. Главацкая Е.М. «Потому что от мечетей церквам Божиим бывает перешкода»: Из истории этнорелигиозных контактов в Западной Сибири в XVII – начале XVIII вв. // ТН. Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 156-160.
5. Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: ИПЦ Новосибирского государственного университета. 2017. 444 с.
6. Иванцова Г.И., Коновалова Е.Н. Противомусульманская миссия новокрещенного Ефрема Елисеева в Тобольской епархии // ТН. Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 170-172.
7. История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2014. 1032 с.
8. Люцидарская А.А. Толмачи в Сибири. Период начала колонизации территории // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 27-31.
9. Манькова И.Л. Православный ландшафт городов Западной Сибири в XVII веке. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного университета, 2020. 394 с.
10. Население Сибири и Урала XVI – XX вв. Коллективная монография. Шадринск: Изд-во Шадринского государственного педагогического университета, 2019. 115 с.
11. Нигматзянов И.Р. Имагология хана Кучума в Есиповской летописи и исторические реалии // ИЭК. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2017. С. 70-74.
12. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1988. 254 с.
13. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М.: Изд-во «Художественная литература», 1989. 704 с.
14. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Изд-во «Наука». 1972. 394 с.
15. ПСРЛ. Т. XIV. Первая половина. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. 154 с.
16. ПСРЛ. Т. 34. М.: Изд-во «Наука», 1978. 303 с.
17. ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М.: Изд-во «Наука», 1987. 255 с.
18. Пузанов В.Д. Служилые люди города Тобольска//СР. 2010. № 1 (21). С. 55-67.
19. Пузанов В.Д. Тюменский уезд в XVII в.//СР. 2007. № 1 (15). С. 79-87.
20. РСНЮ. 2007. М.: Изд-во «Галерея». 591 с.
21. Солодкин Я.Г. «Беседуя к вашей любви ...». Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного университета, 2017. 331 с.
22. Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного университета, 2015. 234 с.
23. Солодкин Я.Г. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI – XVII столетий: очерки ранней истории. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного университета, 2018. 142 с.
24. Солодкин Я.Г. Начало складывания контингента служилых татар в городах «русской» Сибири//Военно-юридических журнал. 2014. № 12. С. 26-29.

25. Солодкин Я.Г. Первые новокрещены Северо-Западной Сибири // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб, 2019. Вып. 30. С. 70-81.
26. Солодкин Я.Г. Становление и эволюция сибирского летописания. XVII век. Избранные труды. М.: Изд-во «Квадрига», 2025. 324 с.
27. Тычинских З.А. Мурзы Кульмаметевы. Власть и могущество (XVII – XVIII вв.). Тюмень: Изд-во ТюмГУ – Press, 2024. Кн. 1. 208 с.
28. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII – XIX вв.). Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2010. 288 с.
29. Ярков А.П. XVII век. Сибирь. Ислам и государственность // ИЭК. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2017. С. 117-121.

Список сокращений

- АИЮ** – Академическая история Югры. В 8 т.
- ИЭК** – История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции: г. Курган, 21 – 22 апреля 2017 года
- ОЕЛ** – Основная редакция Есиповской летописи
- ПСРЛ** – Полное собрание русских летописей
- РСНЮ** – Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.: исследовательские материалы и документы
- СЛС** – Сибирский летописный свод
- СР** – Северный регион: наука, образование, культура
- ТН** – Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9 – 11 декабря 2002 г., г. Тобольск)

*Y.G. Solodkin
Nizhnevartovsk State University
Nizhnevartovsk, Russia*

TOBOLSK BOOKMEN OF THE 17TH CENTURY ON THE SCALE OF THE CHRISTIANIZATION OF SIBERIA (ON ASSESSING THE RELIABILITY OF CHRONICLE REPORTS)

Abstract. As asserted by Patriarch Iov and echoed by Tobolsk chroniclers of the 17th century, starting with Savva Esipov and possibly even his predecessor—the author of a probably lost "narrative"—a large-scale Christianization of Siberia unfolded after Yermak's expedition. This was purported to involve the mass baptism of the indigenous population and extensive church construction. Contrary to the conclusion of I.L. Mankova, this view should be considered an unequivocal exaggeration. Documentary sources indicate that the number of inozemtsy ("foreigners") who converted to Orthodoxy before the turn of the next century was insignificant; the overwhelming majority of Christians in Asiatic Russia were, in fact, Russian servicemen, townspeople, and peasants.

Keywords: Esipov Chronicle of the Basic Redaction; secondary versions of this "Tale of Siberia and the Siberian Conquest"; Tobolsk bookmen of the 17th century on the timing and scale of the baptism of inozemtsy and church construction in Eastern Russia; Christianization of Siberia in the first decades of its Russian colonization; the newly baptized (novokreshcheny); service Tatars; converts to Christianity.

About the author: Yankel Gutmanovich Solodkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Research Laboratory for the Comprehensive Study of Social Systems, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia. E-mail: roshist@mail.ru

**РЕЛИГИОЗНОЕ ПОДВИЖНИЧЕСТВО И МИЛОСЕРДИЕ РУССКИХ
ЖЕНЩИН – ПАЛОМНИЦ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –
НАЧ. XX ВВ. ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СОВРЕМЕННОКОВ**

Аннотация. В статье отмечено, что важными чертами русских женщин – паломниц в Святую Землю (Палестину) являлись милосердие, искреннее религиозное чувство, временами – жертвенность, сочетавшиеся с наивностью и суеверностью. Делается вывод, что большинство богомолки влекли желание прикоснуться к святыням, известным им с ранних лет по библейским текстам, искренняя и возможно по-детски наивная вера в Спасителя, в то, что дальнейшее путешествие поможет им достичь душевного покоя, обеспечить благополучие в потусторонней жизни родным и близким. Основной для исследования послужили оставленные современниками записки, мемуары, документы, авторами которых, как правило, являлись мужчины.

Ключевые слова: Святая Земля, Палестина, паломничество, источники личного происхождения, гендерные исследования.

Сведения об авторах: Цысь Валерий Валентинович, orcid.org/0000-0002-9695-3900, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и документоведения ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск, Россия, roshist@mail.ru; Цысь Ольга Петровна, кандидат исторических наук, orcid.org/0000-0002-6351-8259, доцент кафедры истории России и документоведения ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», г. Нижневартовск, Россия, tsyso@rambler.ru.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 25-28-01056

История паломничества россиян в Святую Землю (Палестину) насчитывает не одно столетие. Но лишь с середины XIX в. оно приобрело характер массового явления, главными действующими лицами которого были русские женщины, в основном старшего возраста, выходцы из простонародья, представлявшие разные губернии необъятной Российской империи. В поездке, вдали от родной земли и привычного окружения проявлялись и становились заметными некоторые, наиболее яркие, типичные черты характера русского православного человека. Свидетельства об этом оставлены в многочисленных записках и мемуарах, а также документах, авторами которых, как правило, являлись мужчины.

Какими же чертами наделяли их современники, как русские, так и иностранцы, наблюдавшие паломниц по пути в Святую Землю или непосредственно в местах земной жизни Иисуса Христа? Отмечаются такие качества как *милосердие, стремление оказать бескорыстную помощь ближнему*. Проявить эти свойства иногда предоставлялась возможность уже в дороге. Так, один из паломников делился своими наблюдениями: «На пароходе... с торговцами как то проскользнул мальчишка, пассажир без билета, почти раздетый и без шапки; увидели его, когда пароход уже тронулся... богомольцы и богомолки сжалились над ним и начали его кормить и одевать (очень холодно и ветер)... две бабы повязали его голову двумя платками по бабьи, а он, грязный, побитый, и словно не в своем уме, дико озирается и крестится кулаком. Добрый русский народ! Сам едет с сухариками, сам собирает милостыню и сам делится» [8, с. 26].

О своей встрече с прокаженными, проживавшими на окраине Иерусалима, рассказывала паломница, педагог и просветительница Е.Ф. Бадрова (ум. 1876): «Я нашла их в маленьких избушках похожих на будки, которые строят в России для цепных собак...

Я отдала Арабу пять золотых монет; он их бросил в толпу прокаженных. Тут поднялся просто вопль. С рыданием несчастные поднимали изувеченные руки свои к небу и благословляли Московию. (Так называют в Палестине Россию)» [3, с. 6].

Многие отмечают высокое, искреннее *религиозное чувство*, присущие русским женщинам. «Бесспорно, куда чище и привлекательнее, а главное для глаз приятнее, западный богомолец, и грязна, и неопрятна, и груба русская паломница, но твердо верю, что если взвесить на весах ее молитву, ее веру, – куда далеко перевесят они столь привлекательных западных богомольцев», – отмечал секретарь и фактический основатель Императорского Православного Палестинского общества В.Н. Хитрово (1834–1903) [15, с. 254].

Духовный писатель (ранее – революционер-народник) И.П. Ювачев (1860–1940) утверждал, что «женщины-паломницы в Святой земле подогревают религиозный энтузиазм в каждом русском богомольце и составляют тот восторженно-благочестивый фон, который придает особенную окраску всей картине паломничества» [16, с. 223].

Эти выводы подтверждаются наблюдениями других паломников и путешественников. «Вот изнеможенная маленькая бабенка с клюкой в руке, со страданием и болью, застывшими в морщинистых складках ее давно отцветшего, но терпкого лица. – делился впечатлениями писатель Е.Л. Марков (1835–1903), – Она не хотела умереть, не поклонившись христовым страданиям, и прибрела сюда христовым именем, одолев все, пересилив все беды» [9, с. 203].

Д.А. Скалон, сопровождавший великого князя Николая Николаевича в поездке в Святую Землю в 1872 г., писал: «Русские женщины-богомолки на паровой палубе не сидят празднично. Они обыкновенно вяжут чулки, либо чинят свою одежду, а то, усевшись особыми кружками, читают молитвенники и душеспасительные книжечки; это последнее чтение прерывается иногда разговорами и рассказами бывалых людей о прежних “хождениях”, о разных приключениях во время оных, о своих русских святынях» [12, с. 77].

Как отмечал член Географического и Православного Палестинского обществ, военный врач, литератор и путешественник А.В. Елисеев (1858–1895), «Паломницы, предводительствуемые начетчицею, поют целые псалмы и молитвы по требнику и триоди; часто прочитываются и пропеваются целые акафисты» [5, с. 55].

Вид благочестивых русских паломниц вызывал соответствующие чувства и у мужчин. Писатель и педагог В.К. Каминский (1808–1865), человек эмоциональный и религиозный делился произведенным на него впечатлением: «Три женщины русские в черных одеждах пошли в Пещеру [Кувуклию] молиться. Это напомнило мне трех блаженных Марий и также счастливых мироносиц. Кто знает, думал я, может быть, под этими черными покровами кроется так же безграничная любовь к Господу, которою была проникнута Магдалина. Но в наш век и самую любовь надо прятать, хотя они заняли то место, куда я хотел идти, и начали громко читать Псалтирь, что мне всегда казалось неловким, но я нисколько на этот раз не почувствовал досады, а, напротив, радовался молению этих жен, продолжая сидеть на том месте и воображая подобные евангельские события» [7, с. 299].

«По узеньким улицам Иерусалима, – вспоминал публицист и театральный критик В.С. Дорошевич (1865–1922), – вереницей одна за другой бродят паломницы и поют: – Христос воскрес... Растроганные умиленные они идут с глазами, обращенными к небу часто с зажженными свечами в руках, по узеньким улицам, полным священных воспоминаний. Двигутся медленно как лунатики с открытыми глазами видящее золотые сны. И поют своими старческими дрожащими умиленными голосами тихую песнь воскресения» [4, с. 39].

Иногда эта вера приобретала *характер жертвенности*, переходящей даже в *подобие самоистязания*. Как отмечал тот же Е.Л. Марков, «женщины всегда способны пристыдить малодушие мужчины; у них всегда окажется лишней против нас запас энергии, если не сил» [9, с. 201].

Примечателен пример, который произвел, судя по всему, большое впечатление на иностранцев, т. к. он освещен сразу в нескольких источниках. Английский путешественник, писатель, религиозный деятель Лоренс Олифант (1829–1888) наблюдал такую картину: «Передо мной появился какой-то большой предмет, который медленно тащила толпа людей, которые, очевидно, не были коренными жителями страны... я обнаружил, что это был огромный колокол, весом в семь или восемь тонн, искусно украшенный библейскими и священными узорами..., и который, помещенный на тележку с низкими колесами, тянули около восьмидесяти русских крестьян, более половины из которых были женщины. Глядя на эту необычную группу людей с грубыми чертами лица, со светлыми волосами и калмыцкими лицами, можно было внезапно почувствовать себя перенесенным с холмов Палестины в степи Южной России. Мужчины были одеты в высокие сапоги, мешковатые брюки, длинные пальто с широкими подолами, узкие в талии, и плоские шапки, а женщины – в мрачные и безвкусные одежды, обычные для русского крестьянского класса» [17, р. 290–291].

Об этом же случае оставила свидетельство одна из жительниц «американской колонии» (христианского квартала) в Иерусалиме: «Для колокольни был привезен отлитый в России колокол, весом 12 тысяч фунтов. Прошлой зимой его тянули из Яффы на вершину Масличной горы русские паломники, в большинстве женщины. Им потребовалось три недели, чтобы доставить колокол до места назначения. У этих русских крестьян чудесные голоса, и они пели на протяжении всего пути» [18, р. 92–93; см. также: 13].

Для поклонения святыням богомольцы иногда готовы были даже рисковать жизнью. Игумен Вениамин (Лукиянов) (1815–1897) в ответе князю К.А. Вяземскому, опубликованному в 1895 г., сообщал, что при переходе паломнического каравана в Назарет два года назад из-за непогоды погибло 25 чел., «почти все женщины в преклонном возрасте» [6, с. 278].

Известный издатель и журналист А.А. Суворин (1834–1912) рассказывал о следующем случае: «На обратном пути из Яффы у поклонников в изголовье их коек можно увидеть фонарики с теплящимися свечками – это “святой огонь”, который везется из Иерусалима на родину... Иной раз при этом неожиданно для попечительного начальства возникают потрясающие сцены: в печати был рассказан случай, когда одна женщина, у которой матрос потушил ее фонарик, вдруг сошла с ума...» [14, с. 73].

В то же время отмечается *простодушие и наивность* русских женщин, нередко обманывавшихся своекорыстными людьми. Едва ли не общим местом в описаниях современников являлось осуждение греческого духовенства Иерусалимской патриархии. Как указывал архимандрит Леонид (Кавелин) (1822–1891), используя русскую щедрость и простоту, нечистые на руку представители греческого духовенства ловко выманивали деньги у паломников и особенно паломниц. Простоты последних хватало поверить молодым диаконам, что их дядя – митрополит г. Петры Аравийской есть «сам апостол Петр, имеющий у себя ключи от ада и рая» [Цит. по: 2, с. 268]. Этот так называемый «святой Петр», за определенную плату совершал монашеские постриги. Одна старушка заплатила митрополиту несколько тысяч за схиму.

Известный художник В.В. Верещагин (1842–1904), посетивший Палестину в 1883 г., отмечал, что уговорами, ласковым обхождением «они [греческое духовенство] ловко выманивают деньги у наших поклонников и поклонниц, особенно у последних... Набожны русские, слова нет, говорил мне знакомый настоятель одного греческого монастыря, но уж и просты-же, ой, как просты!» [1, с. 442, 443].

Иногда проявлялась *суеверность*, столь характерная для малообразованных людей. Как считал В.Н. Хитрово, для наших паломниц все знание Священного писания «ограничивается тем Евангелием, которое они слышат в церкви, и полусказочными апокрифическими сказаниями» [15, с. 258]. Эти рассказы затем передавались из уст в уста, обрастая различными подробностями.

А.В. Елисеев рассказывал о разговоре на пароходе: «Одна старушонка... задала мне вопрос, заставивший меня растеряться. – А видал ли ты, батюшка, лестницу, которую Иаков во сне видал?... Вижу, что ты не видал, а вот я так сподобилась узреть ее... Около Ерихона стоит, и прямо идет на небо от Иордана. Больших подробностей об этой чудной лестнице мне не удалось узнать, и я остался под подавляющим впечатлением такого абсурдного представления, которое, я и не понимаю как, могло зародиться в голове паломницы» [5, с. 338].

Еще одну подобную встречу упоминает писатель В.И. Немирович-Данченко (1844–1936): «В центре одной из палубных групп сидела старушка, вся сморщенная, вся сгорбленная, вся немощная... – Бродяжка я, голубчики... Всю землю крещеную обошла и везде Божиим угодничкам молилась. В Ерусалиме-граде была, слыхала там, как грешники во аде мучаются, Гробу Господнему поклонилась» [11, с. 39].

В воспоминаниях И.Ф. Тюменева (1855–1927) передается рассказ его бабушки Василисы Васильевны, тоже паломницы, уверявшей, что «она сама была у двери в юдоль плачевную в Иерусалиме, в самом Храме Гроба Господня. Дверь простая железная, а за нею ясно слышно, как, точно ветер, воют души терзаемых в аду грешников» [Цит. по: 10, с. 43], а по дороге на Иордан она с некоей странницей отстали от каравана и очутилась одна в пустыне. Они стали плакать и молиться. «Вдруг является мальчик в белой рубашечке – ангел (вероятно, посланный кавасом), в руке у него прутик, и он начинает подгонять упрямого ослика. Тот прибавляет шаг; вскоре они нагоняют караван и спасаются от опасности, “ангел” же, сделав свое дело и, вероятно, скрывшись в толпе погонщиков, стал вдруг невидимым» [Цит. по: 10, с. 44].

Разумеется, можно найти и другие примеры, отражающие не вполне благонравное поведение паломниц из России. Однако, как нам кажется, большинство богомолков отправлялось в Святую Землю не за сомнительными приключениями или вследствие жажды наживы. Их влекли желание прикоснуться к святыням, известным им с ранних лет по библейским текстам, искренняя и возможно по-детски наивная вера в Спасителя, в то, что дальнейшее путешествие поможет им достичь душевного покоя, обеспечить благополучие в потусторонней жизни родным и близким. Оставленные свидетельства говорят нам о высоких душевных качествах русской женщины.

Список источников и литературы

1. Воспоминания художника В.В. Верещагина. На дальнем востоке, в Палестине // Русская старина. 1889. № 8. С. 439–445.
2. Глинских С.С. Архимандрит Леонид (Кавелин) о нравственном состоянии паломничества во время реализации «Иерусалимского проекта» 1857–1864 гг. // Церковь. Богословие. История. Материалы VII Всероссийской научно-богословской конференции, посвященной 100-летию мученической кончины святых Царственных страстотерпцев и их верных спутников. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2019. С. 265–270.
3. Два письма из Иерусалима русской поклонницы св. Гробу Господню. СПб.: в тип. Императорской Академии наук, 1858. 28 с.
4. Дорошевич В. В Земле Обетованной. (Палестина). М.: типогр. Тов-та И.Д. Сытина, 1900. 232 с.
5. Елисеев А.В. С русскими паломниками на Святой земле весною 1884 года: [Очерки, заметки и наблюдения]. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1885. [2], 365 с.
6. Игумен Вениамин (Лукиянов), Севастопольский и Иерусалимский, в документах и переписке (подгот. текста и коммент. Н.Н. Лисового) // Православный Палестинский сборник. Вып. 109. М., 2014. С. 219–288.
7. Каминский В.К. Четвертый путь в Иерусалим (подгот. текста и коммент. Н.Н. Лисового) // Православный Палестинский сборник. Вып. 109. М., 2014. С. 289–305.
8. Корчагин А.Е. В Иерусалим! (Письма с пути). Тула: тип. губ. правления, 1900. 58 с.

9. Марков Е. Путешествие по Святой земле: Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии. СПб.: Типография Стасюлевича, 1891. 523 с.
10. Михайлова Е. Воспоминания И.Ф. Тюменева о путешествии в Палестину (исследование и публикация текста) // Иерусалимский православный семинар. 2019. № 9. С. 39–59.
11. Немирович-Данченко В.И. Наши монастыри. Очерки и рассказы. 5-е изд. СПб.: П.П. Сойкин, 1904. 584 с.
12. Путешествие по Востоку и Святой земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году / [Соч.] Д.А. Скалона. СПб.: печ. в Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1881. XVI, 328 с.
13. Рехав Рубин. Свидетельства нероссийских источников о русском паломничестве в Иерусалим в XIX веке // Православный Палестинский сборник. Вып. 105. М., 2007. С. 184–191.
14. Суворин А.А. Палестина. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1898. [6], 352 с.
15. Хитрово В.Н. Доклад о положении Русских подворий в Иерусалиме. 1899 г. // Статьи о Святой Земле. Из истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2011. С. 230–268.
16. Ювачев И.П. Паломничество в Палестину к Гробу Господню: Очерки путешествия в Константинополь, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет и Грецию. СПб.: Тип. СПб. акц. о-ва печ и писчебум. дела в России «Слово», 1904. 366, XV с.
17. Olifant L. Haifa or Life in Modern Palestine. Edinburgh and London: William Blackwood and sons, 1887. 370 p.
18. Stafford B. Vester. Our Jerusalem: An American Family in the Holy City. 1881–1949. London, 1951. 332 p.

V.V. Tsys, O.P. Tsys
Nizhnevartovsk, Russia

RELIGIOUS ASCETICISM AND CHARITY OF RUSSIAN WOMEN PILGRIMS IN THE HOLY LAND IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: ACCORDING TO CONTEMPORARIES' ACCOUNTS

Abstract. The article highlights that key characteristics of Russian women pilgrims to the Holy Land (Palestine) were charity, sincere religious feeling, and at times self-sacrifice, which coexisted with naivety and superstition. It is concluded that the majority of pilgrims were driven by the desire to touch the holy relics known to them from their early years from biblical texts, a sincere and perhaps childishly naive faith in the Savior, and that a long journey would help them achieve peace of mind and ensure well-being in the afterlife for their family and friends. The study is primarily based on notes, memoirs, and documents left by contemporaries, the authors of which were typically men.

Keywords: Holy Land, Palestine, pilgrimage, personal narratives, gender studies.

About the author: Valeriy V. Tsys, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Document Science, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia; ORCID: 0000-0002-9695-3900; roshist@mail.ru

Olga P. Tsys, Candidate of Historical Sciences (PhD in History), Associate Professor, Department of Russian History and Document Science, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia; ORCID: 0000-0002-6351-8259; tsyso@rambler.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ПРИХОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ГРАДО-БЕРЕЗОВСКОГО ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реализации принципов приходского самоуправления в условиях арктического региона. Выполнен обзор современной отечественной историографии, который показывает наличие полярных суждений у ученых относительно темы исследования. В качестве материалов использованы материалы Российского государственного исторического архива, Государственного архива в городе Тобольске и государственного архива Тюменской области. Впервые вводятся в научный оборот данные, касающиеся приходского попечительства Градо-Березовского Воскресенского собора: проанализирован социальный состав прихожан собора, из которых большую половину составляли инородцы; расселенные на большом расстоянии от церкви; выявлены основные ктитория и жертвователи; представлен анализ пополнения доходной и расходной частей бюджета попечительства. Показано, что требовавшие постоянного ремонта, из-за суровых климатических условий, ветшавшие церковные здания, нуждавшиеся в постоянном внимании со стороны духовенства, стали индикатором необходимых внутренних структурных изменений в приходском самоуправлении и более активном участии в этом вопросе прихожан. На примере деятельности приходского попечительства при Градо-Березовском соборе показан процесс эволюции основных принципов приходского самоуправления в соответствии с нормами законодательства, кодифицировавшими их в 1864 г. в нормах Положения о приходских попечительствах при православных церквях.

Ключевые слова: Арктика, Тобольская епархия, приход, церковно-приходское попечительство, приходское самоуправление, Градо-Березовский собор, инородцы.

Сведения об авторе: Кругликов Александр Сергеевич, Orcid: 0000-0002-3661-3402, SPIN-код: 4309-8380, AuthorID: 1085820, аспирант кафедры истории России и документоведения Нижневартовского государственного университета.

Поместный собор 1917–1918 гг. и, предварявшее его деятельность, работа Предсоборного Присутствия в 1906 г., сформулировали основные положения будущих церковных преобразований, которые сосредоточили свое внимание на активизации и оживлении церковной жизни в низовой структурной единице церкви – православном приходе, за счет привлечения прихожан к реализации основных принципов приходского самоуправления, как таковых практически не кодифицированных в них до этого времени. Журнал заседаний № 1 первого отдела Предсоборного Присутствия от 14 марта 1906 г. сохранил обращение председателя отдела Херсонского архиепископа Димитрия к членам отдела. Владыка обратил внимание присутствующих на «преобладающее количество мирских членов в составе отдела, чем само собой ослабляются громко выражавшиеся опасения одностороннего, в сословном интересе, обследования и освещения в Присутствии лицами духовного сана вопросов, имеющих получить решение на Соборе» [8, с. 19].

Стоит отметить, что и личность самого председателя была выбрана не случайно. Херсонский архиепископ исполнял обязанности церковного псаломщика на протяжении 35 лет и только 1896 г. был рукоположен в священный сан. «Поэтому, он питает надежду, что в предстоящих рассуждениях он уберется от узкой односторонности и сможет подействовать беспристрастному, научно-объективному выяснению богословских

вопросов в собрании, состоящем из членов духовных и мирян» [8, с. 19–20]. Однако, с одной стороны, подобные настроения в церковной среде возникли не сами собой, а явились следствием прошедших преобразований в период Великих реформ, где церкви, в общем, и духовенству, в частности, отводилась определяющая роль, а с другой – постепенная либерализация общественных и церковных институтов посредством распространения через широкую сеть периодических печатных изданий дискуссий, охватывающих огромный пласт проблемных взаимоотношений между государством и церковью, явились лишь необходимым следствием последующих изменений.

Внимание ученых и исследователей к указанной исторической проблематике начинается только в нач. XXI в., когда появляются первые публикации, освещающие деятельность церковно-приходских попечительств, характеризующиеся авторами в контексте активизации приходской жизни за счет привлечения прихожан к решению локальных церковных вопросов и реализации основных принципов приходского самоуправления, заложенных в Положении о приходских попечительствах при православных церквях в 1864 г.

Первый подробный анализ глобальной деятельности попечительств в рамках реформирования православного прихода за 30-летний период их существования осуществлен А.Л. Бегловым. По мнению автора, новые приходские учреждения были направлены «прежде всего на изменение статуса и материального положения православного духовенства империи, приход же рассматривался лишь как источник возможного повышения благосостояния священно- и церковнослужителей» [2, с. 105]. Однако подчеркивая разобщенность клира и мира, А.Л. Беглов говорит, что свой потенциал попечительства реализовать не смогли, и «к началу 1890-х гг. их уже не рассматривали как структуру, которая могла бы способствовать возрождению приходской жизни» [2, с. 120].

Имеющие схожие характеристики в контексте урбанизационного процесса нач. XX в., приходские попечительства в крупных городах могли располагать похожими специфическими функциями. Так для попечительств Москвы, Томска и Иркутска, реализующих свою деятельность в условиях сложной городской благотворительной структуры, видом основной деятельности, по информации М.Е. Грабко [6] С.Г. Зубановой [9] и А.А. Дериземли [7], стали не столько благотворительные, сколько просветительские проекты, а Н.И. Гавриловой [3] и А.М. Адаменко [1] основное внимание уделяется структуре и социальному формированию приходских попечительств в городской среде Сибири.

Анализ деятельности приходских попечительств, имеющих только узконаправленное целевое назначение, например ремонт кровли или обновление иконостаса, представлен в исследованиях С.А. Иконникова [10], Т.А. Катциной [11], П.П. Пуглеева [18], а характеристика структуры расходов церковно-приходских попечительств представлена в работах церковного историка М. Кокарева [12, 13], М.В. Хланта [22], В.Н. Якунина [23] и Н.В. Федорова [21], которые подчеркивали тенденцию к одностороннему распределению расходной части бюджета попечительств, денежные средства которой тратились в основном на благоустройство храма и храмовой территории, однако подобный паттерн как раз указывает на единство представлений прихожан на реализацию своих прав в вопросе приходского самоуправления.

Данная публикация является логическим продолжением наших исследований [15, 16] в области деятельности в Тобольской епархии церковно-приходских попечительств и активизации деятельности прихожан в наименьшей структурной церковной единице – православном приходе.

Положение духовенства до середины XIX в. стало предметом обсуждения и критики как со стороны светских, так и церковных властей. Низкое социальное положение священников мешало проведению плановых реформ государством. Проявления будущих изменений начали проявляться одновременно на разных концах империи: конфликт между православием и католицизмом на западе, а также бедность духовенства на востоке, стали

предпосылками для улучшения положения церковных служителей. Разработка новых правил для заботы о приходах была проведена на собраниях Присутствия по улучшению условий православного духовенства. После долгих обсуждений был принят компромиссный проект, подписанный членами Присутствия в конце мая 1863 г. и утвержденный императором 2 августа 1864 г. после серии поправок и корректировок. [19, Ф. 804. Оп. 1. Р. 3. Д. 470. Л. 182–186 об.].

Епископам была поручена организация работы приходских попечительств, что давало возможность постепенной реализации закона с учетом местных особенностей и «по мере удобств и возможности». Положение также предусматривало возможность изменения или дополнения к существующим правилам организации приходских попечительств, при условии получения разрешения установленным порядком. В первом пункте положения были определены цели создания попечительств: «благоустройство и благосостояние приходской церкви и причта в хозяйственном отношении, а также устройство первоначального обучения детей и для благотворительных действий в пределах прихода» [17, 1864, № 41144], для решения которых было необходимо выполнить задачи: «содержание и удовлетворение потребностей приходской церкви, поиск средств для восстановления церковных зданий и строительства новых вместо устаревших, забота о финансовом обеспечении приходского духовенства, создание жилых помещений для церковных служителей, финансирование школы, больницы, приюта и других благотворительных учреждений в приходе, предоставление помощи бедным прихода, похороны малоимущих умерших и содержание кладбища» [17, 1864, № 41144]. Эти меры были предназначены для решения насущных проблем прихода.

Первые упоминания об открытии приходских попечительств в Тобольской епархии относятся к 1864 г. [4, Ф. И–114. Оп. 1. Д. 313. Л. 3]. Среди активно действующих попечительств обращает на себя внимание работа попечительства при Богоявленской церкви г. Тобольска в решении хозяйственных задач: исправление причтовых домов, обивка колокольной железом, устройство угольника у колокольной и другие хозяйственные работы по благоукрашению храма и храмовой территории [4, Ф. И–78. Оп. 1. Д. 43. Л. 7-8], а так же попечительства в единоверческих приходах Курганского и Ишимского уезде, где «состояло 10 попечительств, которыми сделаны расходы на поддержание и украшение храмов в сумме 9921 рублей, на ремонт причтовых домов в сумме 926 рублей, на содержание причтов 11020 рублей» [4, Ф. И–694. Оп. 1. Д. 237. Л. 5–7].

Попечители, хоть и стремились улучшить финансовое положение духовенства, но в основном не достигли своей цели. Их инициативы вызвали недоверие со стороны духовенства и многих верующих, особенно крестьян, и стали рассматриваться как чужеродные элементы в структуре церковного прихода. Само духовенство опасалось, что попечители могут пытаться оторвать их от участия в приходских делах. Недостаток средств со стороны верующих, особенно в сельской местности, вместе с медленным принятием попечительских идей и внутренними разногласиями только усугубляли ситуацию и уменьшали эффективность деятельности попечителей. Полученные за год деньги из различных источников финансирования тратились в том же году, иногда приводя к дефициту средств. Как это происходило, например, в кафедральном соборе г. Тобольска, где приходская благотворительная структура, являвшаяся основной в епархии и использующая административные ресурсы для увеличения своего бюджета, вела списки людей, «уплачивающих торговые пошлины с указанием годовой выручки и суммы получаемой чистой прибыли в год на капитал, на которые должны были быть распространены призывы с листами для сбора пожертвований» [4, Ф. И-539. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-4 об.], однако и этого оказалось недостаточным и приводило к дефициту издержек по сравнению с доходами.

Приходские попечительства решали конкретные задачи благоукрашения храма, ремонта церковных зданий и благоустройств территории при храме, а также финансовой

помощи священно-церковнослужителям. Подобные инициативы были характерны и, в условиях недостаточности средств, и особенно важны для церквей арктического региона.

В соответствии с клировыми ведомостями, камень в основание Березовского собора был заложен в 1787 г., а освящен пятью годами позднее [4, Ф. И-156. Оп. 19. Д. 158. Л. 47–48]. К кон. XIX – нач. XX вв. социальный состав Градо-Березовского Воскресенского собора выглядит следующим образом (Таблица 1).

Таблица 1

Социальный состав Градо-Березовского Воскресенского собора
[4, Ф. И-156. Оп. 19. Д. 158. Л. 85]

Социальный состав	Число дворов	Число душ	
		мужских	женских
Духовенство	1	4	3
Статские	10 ^{1/4}	41	40
Купцы	0 ^{3/4}	3	7
Мещане	48	192	209
Крестьяне	7 ^{3/4}	31	29
Иностранцы	65 ^{1/4}	261	226
Итого:	133	532	514

Как видно из представленных данных социальный состав церкви насчитывает чуть более 1000 человек, из которых половину составляли иностранцы, расселенные по 11 юртам на расстоянии от 25 до 95 километров от приходской церкви, а их окормление со стороны приходского священника всегда было сопряжено с рядом сложностей и в зимнее, и в летнее время и было практически трудноосуществимо [4, Ф. И-156. Оп. 19. Д. 158. Л. 86]. Зданий и построек, которые принадлежали бы собору и приносили доход не было. Подобная ситуация не могла благоприятно сказываться на материальном положении собора и духовенства, которое начало получать жалованье от казны только с 1904 года: оба священника по 440 рублей, диакон – 293 руб. 33 коп., псаломщик – 146 руб. 66 коп. [4, Ф. И-156. Оп. 19. Д. 53. Л. 1об.], не менявшееся вплоть до 1917 года [4, Ф. И-156. Оп. 19. Д. 64. Л. 1]. Для привлечения верующих в храм, а соответственно и для увеличения дохода, в соборе хранились две святыни, «составляющие не только историческую давность, но и предмет благоговейного почитания местных жителей: иконы архистратига Михаила и святителя Николая. Они принесены казаками, посланными в 1592 г. царем Федором Иоанновичем, для покорения северной Сибири и положившими основание Березову» [4, Ф. И-156. Оп. 19. Д. 51. Л. 2].

Требовавшие постоянного ремонта, из-за суровых климатических условий, ветшавшие церковные здания, нуждались в постоянном внимании со стороны духовенства и прихожан. В 1881 г. собор был отремонтирован за счет горожан, но к началу XX в. вновь потребовался ремонт, о чем и было возбуждено ходатайство через открытое в 1900 г. приходское попечительство при Градо-Березовском Воскресенском соборе, «существовавшее на основании общих положений и правил Высочайше утвержденных 2 августа 1864 г. По инициативе бывшего настоятеля собора, благочинного Березовских и окружных церквей, протоиерея отца Михаила Вишневого, прихожанами Березовского Воскресенского собора приговором, были избраны: Председателем попечительства настоятель собора, протоиерей отец Михаил Вишневский, членами: березовский мещанин Иван Андреевич Нижегородцев, Харитон Васильевич Первов и Вячеслав Григорьевич Буторин, каковыя лица указом Тобольской Духовной консистории, от 26 августа 1901 г. за № 9461 и были утверждены в этих должностях, но вследствие перемещения настоятеля собора в Березовскую Богородице-рождественскую церковь, от этой обязанности освободить. 10 февраля 1902 г. после литургии и соборного молебствия, в котором участвовали клир, члены попечительства, члены полиции, члены городского общественного управления, многочисленного стечения молящихся и вообще всех жителей

города Березова, попечительство открыло свою деятельность» [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 41. Л. 1а–1а об.]. Председателем стал новый настоятель протоиерей Георгий Поникаровский [4, Ф. И–156. Оп. 19. Д. 52. Л. 1–2].

На заседании означенного благотворительного приходского учреждения от 13 февраля 1902 г. было заслушано сообщение специально созданной экспертной комиссии по ремонту собора, которая определила масштаб предстоящей реконструкции: В наружных стенах храма во многих местах трещины и щели; известка отпала с наружных стен храма; штукатурка на стенах кладовой отпала, тесовая обшивка сгнила; у Никольского алтаря стена внизу выступила на улицу; у крыльца паперти каменные стенки развалились, железная крышка на опоре разрушена, крыша крыльца требует исправления и окраски; железная крыша на зимних алтарях во многих местах продырявлена, отчего во время дождей бывает сильная течь; в походной церкви бывает от дождей постоянная течь, вследствие разошедшейся деревянной обивки; на крыше всего храма на куполах окраска смылась; деревянные карнизы кругом храма сгнили; потолки и балки на зимнем храме, алтаре, кладовой и сторожке вследствие течи крыши сгнили; кресты на главах храма стоят неправильно; арка в алтаре главного храма между престолом и иконостасом треснула и угрожает падением; в куполах внутри храма из-за течи оказались пятна; известка на стенах храма и алтаря вследствие сырости отпала; в алтаре и храме холодного предела полы в щелях и шатаются; во всем зимнем храме и алтаре полы вследствие осадки балок сели окраска потерлась; штукатурка на стенах зимнего храма с окраской во многих местах отпала; внутри зимнего храма обшивка многих потолков холщевая во многих местах отпала и вследствие течи крыши сгнила; колоды во всех дверях и окнах, а также рамы плохие; полы на паперти требуют перестилки и окраски; позолота у иконостасов во многих местах отвалилась, и окраска потемнела; фундамент снаружи всего храма, во многих местах храма вывалился целыми кирпичами [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 39. Л. 771–773об.].

Как видно из экспертной оценки состояния собора, храм требовал не просто ремонта, а находился в аварийном состоянии и проводить богослужения было просто опасно. Для такого масштабного ремонта требовались значительные финансовые средства. Ближайшим источником денежных и материальных средств попечительства служило:

1. Пожертвования от прихожан и от посторонних лиц в приходе собора по подпискам и без оных, деньгами и материалом;
2. Кружечный сбор, собираемый во время богослужения в соборе в праздничные дни и выставленной на паперти кружке;
3. Выданные, по разрешению Тобольского епархиального начальства церковные деньги, сбереженные бывшим церковным старостой из остатков церковных расходов, хранящихся в государственном банке в количестве 1500 руб.;
4. 4) от продажи старого железа, снятого с крыши храма [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 41. Л. 1а об.–2].

Пополнение бюджета приходского попечительства на указанные цели требовало от членов значительных усилий, ведь только за счет прихожан, вносящих добровольные пожертвования, сделать этого не удалось бы. Через благочинного, от Тобольского епархиального попечительства о бедных духовного звания, были получены кресты и гайтаны на сумму 31 руб. 35 коп. [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 39. Л. 118об.–119], были разосланы подписные листы на сборы пожертвований в пользу приходского попечительства о нуждах Градо-Березовского Воскресенского собора на сумму 16 руб. 35 коп. [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 39. Л. 659–659об.], а также испрошено благословение «Его преосвященства на разрешение сбора через воззвание и подписные листы по всей Тобольской епархии» [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 39. Л. 714об.] и на «учреждение кружки с надписью “В пользу попечительства”, чтобы поставить ее при входе на паперти, чтобы в престольные праздники Собора и в день открытия попечительства 10 февраля 1902 г. произвести во время богослужений в соборе сборы “в пользу попечительства”, а также разрешение разослать подписные листы в тех же целях» [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 39. Л. 770]. Пополнение бюджета шло медленно. В таблице 2

отображен список лиц, сделавших пожертвование попечительству с 10 февраля 1902 г. по 10 февраля 1903 г.

Таблица 2

Список жертвователей попечительства в 1902–1903 гг.

[4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 41. Л. 8]

Фамилии жертвователей	Пожертвовано			
	Деньгами		Материалом	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Нижегородцев И.А.	140		360	
Молоков И.	1			
Худяков М.Е.	1			
Силин К.	1			
Бабиков Н.		6		
Котовщикова О.К.	5			
Гущин А.Л.	3			
Старков О.Н.	50			
Шахов О.А.	1			
Падерин Е.И.		10		
Никитин Д.Д.	2			
Котовщиков А.И.		15		
Панаев О.А.		75		
Артемьев С.Л.		95		
Шахов И.К.	12			
Неизвестных	13	45		
Всего	181	96	360	

Отдельной позицией жертвователей на ремонт собора числились инородцы, которых по списку значилось 26 человек, сделавших целевое пожертвование на сумму 11 руб. 40 коп. и лесом, который всегда оставался в дефиците, в количестве 73 бревен [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 41. Л. 8об.]. В течении означенного времени, попечительством, за неимением средств, были совершены целевые займы у «Ивана Нижегородцева – 700 руб., у Вячеслава Буторина – 515 руб., из которых возвращено, первому из означенных лиц – 400 руб. и второму – 270 руб.» [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 39. Л. 680].

Кроме того, отдельного внимания заслуживает инициатива прихожан по дополнительному самообложению в пользу приходского попечительства в 1902 г. Сборы на трапезника и отопление храма были очень ограниченными вследствие того, что многие из прихожан, постоянно уклоняются от «необременительного сбора» в 40 коп. Вследствие уклончивости от уплаты этого сбора, по ограниченности средств храм не имел никакой возможности содержать трапезника и отапливать храм. Вследствие чего было решено: «обложить всех нас, числящихся по исповедным росписям прихожан разных сословий на содержание трапезника и отопление храма по издревле заведенному обычаю на 1902 г. по 50 коп. с каждого прихожанина, каковой сбор считаем для себя необременительным и обязательным. А в случае неуплаты своевременно кем-либо из нас этого сбора, взыскивать с тех лиц через содействие полиции. Сбор этот должен проводиться по составленному причтом списку с лиц, имеющих не менее 17 лет возраста и не старше 60 лет» [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 39. Л. 765]. Подобное решение было принято также в 1904 г. [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 39. Л. 814]. В таблице 3 показана динамика поступления денежных средств в бюджет приходского попечительства Градо-Березовского Воскресенского собора.

Таблица 3

Динамика поступления денежных средств в бюджет приходского попечительства Градо-Березовского Воскресенского собора

[4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 39. Л. 660–662об.]

Год	Месяц	Число	Приход	Наличные	
				Руб.	Коп.
1902	Февраль	12	Высыпано из кружек в пользу попечительства	11	91
		28	Получено от церковного старосты по подписному листу на ремонт Собора	133	60
В феврале месяце поступило				145	51
1902	Март	16	Поступило от инородцев пожертвований по подписному листу на ремонт Собора	4	
В остатке от февраля				93	20
В марте поступило				4	
Всего				97	20
В течении Апреля месяца прихода денег не было					
1902	Май	19	Высыпано из кружек в пользу попечительства	10	45
			Получено от церковного старосты по подписному листу на ремонт Собора	161	
В остатке от апреля месяца				11	
В мае поступило				171	45
Всего				182	45
1902	Июнь	4	Получено от церковного старосты по подписному листу на ремонт Собора	19	61
		12	Получено от церковного старосты (вновь потупившего) из государственного банка с разрешения епархиального начальства по подписному листу на ремонт Собора	1500	
		20	Получено по подписному листу	3	
В остатке от мая месяца				45	37
В июне потупило				1522	61
Всего				1567	98
1902	Июль	12	Получено по подписному листу		10
		15	Получено по подписному листу	2	

			Получено по подписному листу	1	
			Получено по подписному листу		20
			Получено по подписному листу		15
			Получено по подписному листу		95
			Получено по подписному листу		45
В остатке от июня				1369	73
В июне поступило				4	85
Всего				1374	58
1902	Август	12	Получено по подписному листу		30
В остатке от июля				919	57
В августе поступило					30
Всего				919	87
1902	Сентябрь	16	Получено по подписному листу	12	
			Получено по подписному листу		70
В остатке от августа				820	14
В сентябре поступило				12	70
Всего				832	84
1902	Октябрь	20	Получено по подписному листу		50
			Получено по подписному листу	1	
			Получено по подписному листу	1	
			Получено по подписному листу		40
			Высыпано из кружек в пользу попечительства	12	23
			Получено арендной платы	9	
			Выручено от продажи старого железа, снятого с крыши Собора	10	40
В остатке от сентября				177	80
В октябре получено				34	53
Всего				212	33
В течении Ноября месяца прихода денег не было					
1902	Декабрь	22	Высыпано из кружек в пользу попечительства	11	35
В остатке от ноября				194	47
В декабре потупило				194	47

Всего				205	82		
1903	Январь	21	Получено пожертвование от инородца	1			
			Получено пожертвование от инородца	1			
		22	Получено пожертвование от инородца	1			
			Получено пожертвование от инородца	1			
			Получено пожертвование от инородца	1			
			Получено пожертвование от инородца	1			
		В остатке от декабря				203	32
		В январе поступило				6	
Всего				209	32		
1903	Февраль	Даты нет	Получено арендной платы за квартирование в церковном доме	8	35		
В остатке от января				209	32		
В феврале поступило				8	35		
Всего				217	67		

Как видно из представленных данных, попечительство пыталось максимально использовать имеющиеся скромные финансовые ресурсы. В виду недостатка финансовых средств, в мае 1902 г. было принято решение о зачислении в члены попечительства собора только после уплаты входного взноса в 1 руб., о чем было возбуждено ходатайство перед епархиальным начальством [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 39. Л. 714–714об.], так как подобная практика не встречается в Положении о приходских попечительствах 1864 г., которое, как показано выше, предусматривало внедрение региональных инициатив по усмотрению управляющего епархий епископа [4, 1864, № 41144], и с июля эти поступления начинают появляться в статье прихода. Вступительный взнос, уплачиваемый инородцами, позволяет говорить о сочувственном отношении коренного населения Тобольского Севера, основные принципы христианизации и катехизации которого начинали претерпевать серьезные эволюционные изменения, к благотворительным инициативам попечительства по ремонту зданий культового назначения. С течением времени попечительство расширяло свою деятельность и уже за отчетный 1906 г. удалось аккумулировать сумму в размере 1277 руб. 14 коп. [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 39. Л. 820], а за десятилетний период своего существования – 7391 руб. 9 коп. [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 39. Л. 679].

Собранные финансовые средства помогли реализовать намеченные планы по реконструкции ветхих и аварийных зданий Градо-Березовского Воскресенского собора, а после ремонта и изменить структуру расходов, выделив дополнительные суммы на устройство причтовых домов и церковно-приходской школы и содержание причта [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 39. Л. 820]. «Уповая на милость Божию и надеясь на помощь истинно христолюбивых православных жертвователей, попечительство решило во что бы ни стало

привести в надлежащий вид Воскресенский собор, по мере возможности насколько будут позволять средства попечительства хотя и не в один год, и с первого же дня своего существования попечительство озаботилось нанять подрядчика кровельных и малярных работ, заготовку необходимых материалов. Работы же плотничные производились различным образом, наймом поденщиков» [4, Ф. И-716. Оп. 1. Д. 41. Л. 3]. За два года удалось привести в надлежащее положение здание собора, церковную территорию и храмовые постройки. Были осуществлены каменные, штукатурные, плотничные, кровельные, малярные, печные и земляные работы, включавшие в себя следующие позиции: Разобран большой каменный бык у фундамента и стены храма с наружной стороны в уровень земли и очищен более прочный и годный к употреблению кирпич с уборкой от мусора, из коего вышло 6400 штук кирпича; устроен вместо большого разобранного быка небольшой контрфорс; облицован цоколь и стены около уровня фундаментов с выломкою ветхих кирпичей и заменю новыми на известковом растворе; заделаны щели и трещины в каменных наружных стенах, в некоторых местах кирпичами на известковом растворе; треснувшие перемычки под окнами заделаны в необходимых местах новым кирпичом; под треснувшей аркой в алтаре летнего храма подведена новая арка из кирпича на известковом растворе; в летнем храме устроен каменный подпрестольник на известняке; отбита старая известка со всех наружных стен храма и отштукатурены вновь, и выбелены на 2 раза; в зимнем храме из 6 окон вынуты старые изгнившие деревянные подоконники и сделаны из алебаstra; отбита в летнем храме отпавшая на станах сводах известка, вновь отштукатурены и выбелены известкой на 2 раза; отбита отпавшая известка в сторожевой сторожке, отштукатурена и вновь выбелена на 2 раза; разобраны на зимнем храме потолки, все концы балок в стенах высмолены смолой, для подкрепления нескольких погнивших балок положены поперечные балки, вновь постланы потолки; вынуты из 4 окон зимнего храма и 2 дверей старые косяки и заменены новыми и у 2 окон сделаны новые приставки к нижней части косяков; крыльцо у входа с западной стороны обшито тесом с 6 окнами и дверями; старая тесовая обшивка на наружных стенах кладовой отбита и обшита новым тесом; со всего зимнего храма, алтарей, сторожевой сторожки, кладовой снята старая железная крыша, сгнившие стропилины и заменены новыми; старые карнизы вокруг всего храма заменены новыми; старые полы и балки в летнем храме и алтаре убраны и устроены новые столбы под балки и настлан с подводкой под иконостас новый пол; старый пол в сторожевской посредством новых балок заменен новым; с верх потолка кладовой устроена кладовая для хранения архивов старого иконостаса и прочих ветхих вещей собора, с перегородкой и дверями; заготовлен строевой для плотничских работ в количестве 200 штук; заготовлено распиловкой тес плахи; старая железная крыша на 3-х алтарях храма, на всем зимнем храме, кладовой и сторожевской, снята и покрыта новым железом и выкрашена краской на 2 раза; сделаны новые водосточные трубы и выкрашены зеленой краской, но вследствие позднего осеннего времени еще не навешаны; купола и главы на зимнем храме и алтарях выкрашены водостойкой краской на 3 раза; очищены от пыли и грязи более половины иконостаса в летнем храме; в сторожевской вследствие ветхости печи, сложена на каменном фундаменте, новая русская печь; вновь переложены трубы от печей зимнего храма и сторожевской; заготовка покрытий, перевозка глины, кирпича, песка и воды; уборка щебня от разборки быка и мусора от разных работ; подвозка глины, песка и деру. Заготовка материалов начата с 10 февраля, производство плотничных работ с 7 мая и окончена 21 октября, каменные и штукатурные работы начались 31 мая, кончены 15 сентября, кровельные и малярные – с 20 мая по 1 сентября [4, Ф. И-716. Оп. 1. Д. 41. Л. 3-5об.]. В таблице 4 представлено помесечное изменение динамики расходов на ремонт Градо-Березовского Воскресенского собора.

Таблица 4

**Помесечное изменение динамики расходов на ремонт Градо-Березовского
Воскресенского собора**

[4, Ф. И-716. Оп. 1. Д. 39. Л. 704–713об.]

Месяц	Расход		Остаток	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Февраль	52	31	93	20
Март	56	32	40	88
Апрель	29	88	11	0
Май	137	08	45	37
Июнь	198	25	1369	73
Июль	455	01	919	57
Август	99	73	820	14
Сентябрь	655	04	177	80
Итого	1683	62		

Таким образом, основные строительные работы производились в летние и осенние месяцы. По мере того, как реставрационная деятельность заканчивалась, в структуру расходов добавлялись новые позиции. В 1906 г. на деньги, собранные приходским попечительством, был простроен дом для причта на сумму 1108 руб. 4 коп., а с 1907 г. начались отчисления из бюджета на учреждение и деятельность церковно-приходской школы [4, Ф. И–716. Оп. 1. Д. 39. Л. 820]. Обсуждение текущих вопросов членами попечительства производилось не реже одного раза в месяц.

Церковно-приходские попечительства вызывали полярные суждения среди исследователей как до революции, так и сегодня. Попытки духовенства улучшить материальное положение мирян с помощью реформ не увенчались успехом, однако они привели к осознанию своих прав прихожанами на участие в управлении приходом, что косвенно подтверждается структурой расходов этих благотворительных обществ.

Несмотря на начинания по привлечению мирян к участию в приходской жизни, попечительства не смогли в полной мере реализовать эти усилия, углубляя разрыв между верующими и духовенством, однако попечительства были жизнеспособны в решении локальных задач и в этом преуспели.

Деятельность церковно-приходского попечительства Градо-Березовского Воскресенского собора является ярким свидетельством реализации принципов приходского самоуправления в условиях арктического региона, отличительной особенностью которого было участие не только русскоговорящего, но и коренного, инородческого населения Тобольского Севера в деле реконструкции Градо-Березовского Воскресенского собора. В условиях недостаточности финансовых средств членами попечительства неоднократно принималось решение не только о ежемесячных взносах на уставную деятельность, но и добровольном самообложении в пользу прихода. Из всех действовавших на территории Тобольской епархии церковно-приходских попечеств, именно попечительство Градо-Березовского Воскресенского собора в тяжелых условиях арктического региона смогло на практике реализовать основные принципы приходского самоуправления, объединив вокруг себя сложное по своей структуре и социальному составу приписанное к приходу население.

Список источников и литературы

1. Адаменко А.М. Образование и деятельность церковно-приходских попечеств на территории Томской епархии // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3(15). С. 34–37.
2. Беглов А.Л. Приходские попечительства при православных церквях Российской империи в 1890-е гг.: итоги 30-летней деятельности // Российская история. 2014. № 6. С. 104–127.
3. Гаврилова Н.И. Церковно-приходские попечительства как структурная единица благотворительной деятельности локальных сообществ города // Социальная компетентность. 2019. Т. 4, № 1(11). С. 65–71.

4. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области государственный архив в городе Тобольске (ГБУТО ГА). Ф. И–78. Оп. 1. Д. 43; Ф. И–156. Оп. 19. Д. 51; Оп. 19. Д. 52; Оп. 19. Д. 53; Оп. 19. Д. 64; Оп. 19. Д. 158; Ф. И–539. Оп. 1. Д. 1; Ф. И–694. Оп. 1. Д. 237; Ф. И–716. Оп. 1. Д. 39; Ф. И–716. Оп. 1. Д. 41.
5. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГАТО). Ф. И–114. Оп. 1. Д. 313.
6. Грабко М.Е. Церковное благотворение и миссия в городском пространстве: история и перспективы // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. № 25. С. 240–242.
7. Дериземля А.А. Роль приходских попечительств Москвы в социальном служении Церкви в начале XX в. // Церковный историк. 2020. № 2(4). С. 133–143. DOI 10.31802/СН.2020.4.2.008.
8. Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Том 1. Открытие заседаний Присутствия: Журналы заседаний Первого, Второго, Третьего и Четвертого отделов. Москва: Общество любителей церковной истории: Издательство Новоспасского монастыря, 2014 г. 896 с.
9. Зубанова С.Г. Социальная деятельность приходского духовенства в условиях огосударственной православной церкви в Российской империи XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 4. С. 145–156.
10. Иконников С.А. Церковно-приходские попечительства и их роль в материальном обеспечении приходского духовенства центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX века // История: факты и символы. 2018. № 4(17). С. 77–85. DOI 10.24888/2410-4205-2018-16-3-77-85.
11. Катцина Т.А. Становление православных приходских попечительств в Восточной Сибири (1864–1914 гг.) // Человек в Российской повседневности: история и современность: VIII Международная научно-практическая конференция: сборник статей, Пенза, 25–26 марта 2015 года / Отделение историко-филологических наук РАН; Научный совет по исторической демографии и исторической географии; Институт российской истории; Пензенский государственный университет архитектуры и строительства; Межотраслевой научно-информационный центр; научный редактор: С.Д. Морозов, В.Б. Жиромская. Пенза: Пензенская государственная сельскохозяйственная академия, 2015. С. 38–42.
12. Кокарев М. Церковно-приходские попечительства в Русской Церкви во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Самарской губернии) // Двадцать четвертые Иоанновские чтения: Материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, Самара, 09 октября 2019 года / Составители: О.И. Радченко, Д.И. Овчинников. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2020. С. 3–14.
13. Кокарев М.С. Приходское церковно-общественное самоуправление в России на рубеже XIX–XX вв. // Модернизация культуры: знание как инструмент развития: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Самара, 20–21 мая 2019 года / Министерство культуры Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный институт культуры»; под редакцией С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Том Часть I. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2019. С. 304–311.
14. Кошелева А.И. Церковно-приходские попечительства в Пензенской и Самарской епархиях в 1880–1890-е гг. // Вестник Пензенского государственного университета. 2015. № 2(10). С. 9–13.
15. Кругликов А.С. Деятельность приходских попечительств Тобольской епархии во второй трети XIX – начале XX веков // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 3. С. 463–487. DOI 10.24224/2227-1295-2024-13-3-463-487.

16. Кругликов А.С. К организационно-правовым аспектам деятельности церковно-приходских попечительств на примере Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. // *Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы X Международной научно-практической конференции, Нижневартовск, 10–11 ноября 2022 года* / Отв. редактор Д.А. Погоньшев. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2022. С. 122–130. DOI 10.36906/KSP-2022/17.1

17. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание (1825–1881): Т. 39. Ч. 1. № 41144.

18. Пуглеев П. П. Благотворительность церковно-приходских попечительств в конце XIX-начале XX века // *Наукофера*. 2021. № 4–1. С. 8–14. DOI 10.5281/zenodo.4663373.

19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 804. Оп. 1. Р. 3. Д. 470.

20. Терскова А.А. Общественная и просветительская деятельность священнослужителей в приходах во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Енисейской губернии) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2010. № 4–2(68). С. 215–219.

21. Федорова Н.В. Деятельность церковно-приходских попечительств Донской и Новочеркасской епархий в сфере благотворительности и общественного призрения в 1860–1870-е гг. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 2–1(28). С. 200–204.

22. Хланта М.В. Материальное положение Православной Церкви в Российской империи во 2-ой половине XIX века // *История. Историки. Источники: электронный научный журнал*. 2016. № 1. С. 15–24.

23. Якунин В.Н. Православные благотворительные и просветительские организации Самарской епархии во второй половине XIX - начале XX вв. // *Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья: Материалы Международной научно-практической конференции, Чита, 16 мая 2019 года*. Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. С. 23–26.

A.S. Kruglikov
Nizhnevartovsk, Russia

IMPLEMENTATION OF THE KEY PRINCIPLES OF PARISH SELF-GOVERNANCE IN THE ARCTIC REGION

Abstract. This article examines the implementation of the principles of parish self-governance in the Arctic region. A review of contemporary Russian historiography reveals a wide range of conflicting opinions among scholars on the research topic. The study draws on materials from the Russian State Historical Archive, the State Archive in Tobolsk, and the State Archive of the Tyumen Region. For the first time in academic discourse, data concerning the parish trusteeship of the Gradoberezovsky Voskresensky (Resurrection) Cathedral is introduced: the social composition of the parishioners is analyzed, showing that more than half were inorodtsy (non-Russian natives) residing at a great distance from the church; key churchwardens (ktitors) and donors are identified; an analysis of the revenue and expenditure parts of the trusteeship's budget is presented. It is demonstrated that church buildings, which required constant repair and deteriorated rapidly due to harsh climatic conditions, necessitating ongoing attention from the clergy, became an indicator of the need for internal structural changes in parish self-governance and for more active involvement of the parishioners in this matter. Using the example of the parish trusteeship at the Gradoberezovsky Cathedral, the process of evolution of the key principles of parish self-governance is shown, aligning with the norms of legislation that codified them in 1864 in the «Regulation on Parish Trusteeships at Orthodox Churches».

Keywords: Arctic, Tobolsk Diocese, parish, church-parish trusteeship, parish self-governance, Gradoberezhovskiy Cathedral, inorodtsy.

About the author: Alexander S. Kruglikov, ORCID: 0000-0002-3661-3402, SPIN code: 4309-8380, AuthorID: 1085820, PhD Student, Department of Russian History and Document Science, Nizhnevartovsk State University.

К ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ЦАРСКОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ПОДГОТОВКИ ПОМЕСТНОГО СОБОРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1906–1917 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ)

Аннотация. Предметом исследования являются церковно-государственные отношения, которые рассматриваются через призму подготовки к Поместному Собору Русской православной церкви, ожиданиями которого жило церковное общество после первой русской революции. Методологией исследования выступает цивилизационный подход, который, в терминологии А. Тойнби выражается формулой «вызов» – «ответ». Вызовом предреволюционного времени явился внутренний кризис, на который Россия не смогла дать ответ и одной из составляющих этого кризиса, помимо государственной власти, явилась и Русская православная церковь. По результатам работы автор приходит к выводу о разочарованности духовенства по отношению к церковной политике государства, когда, несмотря на колоссальную работу, проведенную Предсоборным присутствием и Предсоборным совещанием, активность духовенства и даже Государственной Думы, царская власть так и не санкционировала созыв Собора. При этом все более увеличивающаяся десаκραлизация царской власти приводила к усилению кризиса, охватившего Российскую империю в начале XX в. Духовенство могло бы сыграть свою консолидирующую роль в обществе, но подобный аспект не был принят во внимание государственной властью, что приводило лишь к усугублению масштабных кризисных явлений.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Поместный Собор, духовенство, обер-прокурор, революция, десакрализация, кризис.

Сведения об авторе. Белоус Павел Владимирович, кандидат исторических наук, БУ ВО «Сургутский государственный университет», старший преподаватель.

«Если Церковь возвышает свой голос, то едва ли министерство должно вставать на дыбы» [12, л. 4].

П. А. Столыпин

Великий государственный деятель, Петр Аркадьевич Столыпин, вовсе не был противником Русской Православной Церкви. Но на первом месте его мысли и деятельности всегда стояло честь и слава государства: «мне дорого достоинство православной церкви, но оно должно быть согласовано с государственным достоинством» [12, л. 5 об.]. Подчинению всего в стране государственным интересам Россия была обязана еще более великому реформатору – Петру I.

В 1721 г., согласно мнению многих церковных историков, император Петр Алексеевич низвел Русскую Церковь, представлявшую собой мощную и достаточно самостоятельную структуру, до уровня одного из министерств. Или, если быть точнее, – «коллегий». «Коллегиум духовное» [13] – такое название получила Церковь, вскоре преобразованная в «Святейший Правительствующий Синод». Отныне Церковь являлась в определенном смысле орудием в руках самодержца и рассматривалась лишь как часть государственного аппарата. Церковные каноны отныне ставились во второстепенное положение, главную же роль играли государственные законы, за соблюдением которых должен был следить обер-прокурор, чье попечительство очень быстро обратилось в тяготившую Церковь опеку [19, с. 115]. Любая попытка Церкви что-либо изменить упиралась в стену правительственного контроля с железной дверью обер-прокурорской

власти и сложными замками государственного устройства. Представители высшего духовенства, недовольные реформой, либо лишались сана, либо ссылались. К концу правления Анны Иоанновны (1740 г.) сопротивлению духовенства практически был положен конец [0, с. 155].

Высшей инстанцией Русской Церкви в XVII в., как и ранее, являлся Поместный Собор. Теперь же вместо института патриаршества и Соборов учреждался малый собор – Святейший Синод, на 200 лет ставший высшим органом церковной власти. Но Синод был полностью подконтролен государству, следовательно, высшей властью для Русской Церкви являлось государство. Синод при этом действовал не только как орган церковной власти, но и как правительственное учреждение, а все его распоряжения выходили под штемпелем «По указу Его Императорского Величества», а также подлежали визированию со стороны обер-прокурора [22, с. 84–87].

Поместные Соборы, которые, по церковным канонам должны собираться регулярно, не собирались в России более 200 лет. Православный епископат (не говоря уже о белом духовенстве и монашествующих) имел весьма слабую возможность каким-либо образом влиять на законодательные решения, касающиеся Церкви; практически не имел права политического голоса. Хотя государство и прислушивалось временами к голосу иерархов Синода.

Вследствие зависимости от государства к началу XX столетия в Церкви накопилось множество проблем, которые не позволяли ей продуктивно внутренне функционировать, страдали многие сферы церковной жизни – от внутриприходской деятельности до епархиального управления. Проблемы внутрицерковной жизни усугублялись тем обстоятельством, что российское общество начала XX в. переживало определенный многофакторный кризис, затронувшем политику, религиозность, нравственность и другие сферы общественной и политической жизни [10, с. 142]. Опосредованность возможностей Церкви влиять на духовное здоровье русского общества имела одной из причин «ненормальность» ее административного устройства. К примеру, приход в императорской России не имел статуса юридического лица, не имел собственности. На священников были возложены в т. ч. и политические обязанности, следствием чего стал разрыв священника с паствой [11, с. 269]. Кастовая замкнутость духовенства, низкий уровень дохода и поборы, вынужденно проводимые при требоисправлениях, усугубляли проблемы духовенства и прихода.

К началу XX в. явственно созрела необходимость серьезных и масштабных церковных преобразований. Отметим, что преобразования в государственной сфере происходили (учреждение Государственной Думы, в церковной – нет). Очевидной необходимостью стало решение множества наболевших церковных вопросов: разделение территории империи на митрополичьи округа; пересмотр законоположений об организации епархиального управления и суда; реформа прихода; усовершенствование духовных школ; пересмотр законов о церковной собственности; о епархиальных съездах. И, конечно, – вопрос высшего церковного управления. Решить указанные проблемы мог только Поместный Собор. Но собраться он мог только с разрешения государственной власти.

Начало XX в. являлось временем усиливающегося развития русского самосознания, когда уже общественное мнение неминуемо остро поставило вопрос: «стыдно и невозможно Руси Святой жить при таком ненормальном строе церковного управления» [6, с. 70]. Необходимость реформ церковного устройства стала настолько очевидной, что оставить дела в текущем положении казалось невозможным.

Первыми о реформах Церкви заговорили даже не иерархи и не духовенство. На волне культурного ренессанса, Серебряного века, вместе с интересом к культуре у части интеллигенции пробудился интерес к духовной жизни. А через это и к осмыслению устройства и проблем Церкви. Все чаще стали звучать слова о необходимости реформировать ущербную как с канонической, так и с практической точки зрения форму высшего церковного управления. Мысль о созыве Поместного Собора стала овладевать

умами иерархов, священнослужителей, ученых-богословов, церковно-общественных деятелей, мыслителей и философов [21, с. 301].

С 1901 по 1903 гг. в Петербурге проходили религиозно-философские собрания, на которых разочаровавшаяся в материализме интеллигенция вела диалог с профессорами богословия и священнослужителями [21, с. 328]. Но собрания были закрыты по настоянию обер-прокурора К.П. Победоносцева, посчитавшим их неблагонадежными. Победоносцев понимал, что страна на всех парах мчалась к реформам и Конституции. Но, как убежденный консерватор, он принял единственное решение: ничего не делать и как можно дольше тормозить этот процесс.

17 апреля 1905 г. вышел указ «Об укреплении начал веротерпимости», по которому Православная Церковь в России, ранее занимавшая привилегированное положение, уравнивалась с другими вероисповеданиями, которым были предоставлены ранее не имеющиеся у них права. Русская Православная Церковь осталась единственной в империи религиозной организацией, юридически подчиненной светской власти, но не пользовавшейся свободами внутреннего самоуправления. Правовое положение в государстве унижало Церковь как, по существу, так и психологически, в умах русских людей. Объявление свободы совести означало «всем развязать руки, а деятелей Церкви оставить связанными» [7, с. 193] – писал епископ Сергей (Страгородский). Церковь, по словам С.Ю. Витте, превратилось в «мертвое бюрократическое учреждение» [3, с. 330].

В результате указа в некоторых районах империи православие оказывалось в худшем положении, чем другие религии. К примеру, в Галичине 2/3 униатского прихода дозволяется перейти в православие, но оставшаяся 1/3 оставляет за собой и храм, и священника. Если же 1/3 решит перейти в православие, то они не имеют права на открытие самостоятельного прихода. «Вот и поймите логику этой веротерпимости и эту свободу вероисповедания!» [16, 1915, №14, с. 381] – отмечалось в статье под названием «По поводу десятилетия вероисповедной свободы», опубликованной весной 1915 г.

Именно в предреволюционные годы мы видим принципиальную позицию духовенства. В июле 1915 г. Тобольские ведомости опубликовали статью со словами упрека в адрес правительства и указа 17 апреля: «Дайте и нам, православным, *подобно старообрядцам* [выделено в оригинале – П.Б.], возможность свободно и ежегодно иметь соборы, свободно и беспрепятственно открывать новые епархии, назначать туда епископов; дайте и нам, как это *дано сектантам*, право свободно открывать новые приходы-общины и на 50 человек иметь священника» [16, 1915, № 14, с. 386].

Далее открыто, хотя и сдержано, авторы статьи высказываются против государственного контроля и полномочий обер-прокурора: «Дайте и нам внутреннюю свободу в делах собственно-церковных; дайте нам ту свободу, о которой писали и мечтали благородные славянофилы... И верьте: Православная Церковь *никогда* не нуждалась в каких-либо искусственных подпорках, или полицейской охране и покровительстве, не нуждается в этом и теперь» [16, 1915, № 14, с. 386]. Недовольство государственной политикой относительно Церкви будет в дальнейшем накапливаться. И наряду с продолжительной Первой мировой войной и ухудшением общего положения в стране, в т. ч. экономического, раздражение священнослужителей будет направляться и в сторону самодержавной власти.

Для дальнейшего прояснения ситуации в церковно-государственных отношениях вернемся в 1905 год. Осенью революция захватывает всю страну. Неизбежность политических реформ становится очевидной, в частности, потому, что «левые» настроения высказывали даже те слои населения, которые никогда ранее не выступали в оппозиции к монархии. Таковыми были и некоторые представители православного духовенства [18, с. 183]. Архиепископ Антоний (Вадковский) однажды откровенно сказал товарищу (заместителю) обер-прокурора В.К. Саблеру: «Знаете, Владимир Карлович, мы вас любим, но у нас камень за пазухой против засилья обер-прокурора» [5, с. 154]. «Засилье» учреждалось и не ликвидировалось императорской властью, поэтому недовольство

духовенства бюрократизацией Церкви переносилось и на императора. В 1905 г. обсуждался вопрос о создании союза священников, который позже должен был войти во Всероссийский Союз союзов. Поскольку целью последнего был созыв Учредительного собрания, избранного всеобщим прямым тайным равным голосованием, то участие в нем священников выглядело бы как выступление против существующего монархического строя.

17 октября 1905 г. был подписан Манифест, дарующий определенные свободы и учреждавший Государственную Думу. Премьер-министром был назначен граф С.Ю. Витте, который поддерживал митрополита Антония. Проект церковной реформы к этому времени был уже готов. На особом совещании товарищ обер-прокурора В.К. Саблер согласился со всеми положениями проекта. «В воздухе точно повеяло весной... Расцвела надежда на новую эру в русской церковной жизни» [5, с. 154]. 19 октября 1905 г. Победоносцев ушел в отставку [18, с. 184]. С его уходом закончилась целая эпоха в жизни Русской Церкви.

И все ждали наступления новой эпохи, когда множество накопившихся церковных проблем и надежд как высшего, так и рядового духовенства наконец-то будут решены. Правительство вынуждено было обратить внимание на нужды Церкви в связи с законодательством о свободе вероисповедания. Во многом благодаря активной деятельности первоприсутствующего члена Святейшего Синода, митрополита Антония (Вадковского), была организована и разрешена работа Предсоборного присутствия, которое, начав заседания 8 марта 1906 г., выработало проекты решений по множеству вопросов церковной жизни: от восстановления патриаршества до организации приходов и церковно-приходских школ. Но по року судьбы процесс возрождения церковной жизни оказался «заморожен» государством. После подготовки Присутствием материалов для предстоящего Поместного Собора ему было предложено закончить работу и передать материалы в Святейший Синод. 15 декабря 1906 г. Предсоборное присутствие завершило свою деятельность.

После 1906 г., когда спало пылающее пламя революции и укрепилось положение власти, утихли и правительственные действия относительно допущения церковных реформ. Правительство всерьез опасалась реформ, особенно Поместного Собора и восстановления патриаршества, считая, что преобразования приведут к антагонизму между светской и духовной властью, подхлестнут смуту в текущее беспокойное время. Лишь небольшое число государственных деятелей положительно относились к идеям церковного реформирования. Выход из положения был найден простой, быстрый, «победоносцевский» – ничего не трогать. 25 апреля 1907 г. Синод предоставил императору доклад о программе занятий предстоящего Поместного Собора. Но резолюция императора повелевала отложить его созыв «ввиду переживаемого ныне тревожного времени» [21, с. 310].

В 1907 г. Церковь входила уже не с такими надеждами на созыв Собора, как в предшествовавшие два года. Правительство в лице обер-прокурора П.П. Извольского говорило о своем долге содействовать проведению Поместного Собора, но формальные заявления не подкреплялись конкретными действиями. Власти рассматривали вопрос о созыве Собора лишь гипотетически, когда наступит «благоприятный момент». Более того, обер-прокурор докладывал царю об опасностях созыва Собора и о распаде в настоящее время церковной дисциплины: «Труды Предсоборного Присутствия – докладывал Извольский – сами по себе очень интересные, вскоре обнаружили, что в правящих кругах Церкви канонический строй понимался не как внутренняя ее самостоятельность, а как новая форма власти». Царская же власть вовсе не собиралась отказываться от прерогатив главы церковного ведомства.

Хотя в 1907 г. вопрос о созыве Поместного Собора еще поднимался церковной печатью, но уже в ноябре-декабре 1908 г. в газете «Колокол» была размещена статья под названием «Возможность и преимущество церковной реформы без созыва Собора». Чаяния архиереев и православного общества рассеивались, оставалась лишь слабая надежда: «когда настанет этот желанный час <...> знает только Всеведущий Бог» [6, с. 70].

Но, ранее подавленная государственной властью, церковная иерархия все более «возвышала свой голос» и вставала даже в некоторую (условную) оппозицию к власти. Правительство, в свою очередь, вмешивалось в церковные дела, вплоть до дел, напрямую граничащих с церковными канонами. Например, известно «скандальное» поведение Саратовского епископа Гермогена (Долганова), будущего Тобольского, которого в конце 1908 г. П. Столыпин предлагал вызвать в столицу и «не пускать его обратно, даже для прощания с епархией, так как неминуемо возникнет новый скандал» [12, Д. 132. Л. 10]. В 1911 г. по указам как Синода, так и императора, епископ Гермоген все же был отправлен в ссылку. Это происшествие хорошо иллюстрирует правовые проблемы, имевшие место быть в церковно-государственных отношениях того времени. Епископ Гермоген выступил против некоторых спорных с канонической точки зрения идей, которые проводились обер-прокурором и некоторыми членами Царского Дома. Поэтому данный случай является показательным – епископ, вставший на защиту канонов, но против власти, был сослан.

Следует уточнить, что пассивность правительства в деле созыва Поместного Собора и проведения церковных реформ имела своей причиной проблему политических возможностей их осуществления в «симфоническом» государстве, а не только лишь желание или нежелание императора. Страна недавно пережила революцию и власти более или менее обоснованно, но боялись новых потрясений. Ввиду этого «соборобоязнь» не следует считать лишь проявлением лицемерия светских властей [18, с. 396]. Даже съезды духовенства указывали на невозможность проведения масштабных реформ без внутренних потрясений. Восстановление соборности неминуемо означало бы «демонтаж старой системы церковно-государственных отношений» [18, с. 410], следовательно, действительно могло повлечь за собой новые потрясения.

В 1912 г. благодаря активной позиции нового обер-прокурора В.К. Саблера вновь возобновилась работа по подготовке Поместного Собора.

Саблер еще в 1905 г. выступил в поддержку православной иерархии, ввиду чего его назначение на пост обер-прокурора было воспринято духовенством с надеждой на долгожданные перемены [21, с. 310]. Действительно, по инициативе обер-прокурора, 28 февраля 1912 г. было созвано Предсоборное Совещание во главе с деятельным митрополитом Сергием (Страгородским), на котором тщательно исследовались и пересматривались документы Предсоборного присутствия 1906 г., а также проводилась подготовка для рассмотрения дел, не имевших место в работе Присутствия. Параллельно с работой Совещания состоялись два съезда, если угодно – два небольших «собора» – белого и военно-морского духовенства. Казалось бы, вновь вспыхнула искра надежды на скорый созыв Поместного Собора, тем более что работа Совещания получила высочайшее согласие и планировалась проводиться вплоть до созыва Собора. Но император отказался «предрешить срок созыва Поместного Собора», т.е. дата по-прежнему осталась открытой. Как выяснилось позже, работы и съездов духовенства, и Предсоборного Совещания были «положены под сукно» [18, с. 419]. В 1913 г. многие надеялись на положительное решение Николая II ввиду празднования 300-летия Дома Романовых. Но ни император, ни – что важно – церковные иерархи Синода даже не обмолвились о Соборе. «Тема эта так и заглохла вплоть до революционного переворота» [8, с. 58] – писал лидер кадетской партии, П.Н. Милюков.

Подготовка к созыву Собора была существенно подорвана в 1914 г. начавшейся Первой мировой войной. Несмотря на военное время, работы Совещания продолжались, хотя власти и отложили решения церковных дел на неопределенный срок. К 1917 г. Предсоборное совещание имело уже множество подготовленных для Собора материалов, включающих как переработанные заключения Предсоборного Присутствия 1906 г., так и собственные наработки. Оставался лишь вопрос о востребованности данных материалов. Прошедшее десятилетие ожидания реформ заставляла смотреть на сложившуюся ситуацию без оптимизма. Русская Церковь с 1913 по 1917 гг. пребывала в состоянии

неопределенности: с одной стороны, она готовилась к Поместному Собору, с другой – было совершенно неясно, когда он будет созван.

Если говорить о том недовольстве церковно-государственными отношениями в среде духовенства, которое несомненно имело место в царской России, то в начале «Великой войны» (как тогда называли Первую Мировую) каких-либо высказываний по этому поводу не удалось обнаружить в материалах Тобольской епархии. Вся страна, как неоднократно отмечалось в периодической печати того времени, объединилась, чтобы дать отпор сильному врагу. Даже обычного указания на тяжелое материальное положение священства в первый год войны не наблюдается. В апреле 1915 г. в статье, посвященной памяти С.Ю. Витте, содержалось благодарное упоминание о его речи в защиту церковных школ [16, 1915, № 14, с. 199]. Но – ни слова о его известной записке «О современном положении Православной Церкви» и конфронтации с обер-прокурором К.П. Победоносцевым.

Следует заметить, что под каждым номером епархиальных «Ведомостей» стоит многозначительная фраза: «Дозволено цензурою...» [16, 1915, № 16, с. 234]. Ввиду чего представляется довольно сложным выяснить отношение духовенства Тобольской епархии к самодержавной власти во время войны. Но можно предположить, что настроения, которые проявились в 1917 г., в 1914–1916 просто зрели, и вряд ли менялись кардинально на протяжении войны. Естественно, что Церковь, всегда стремившаяся к охранению общественного спокойствия, осуждала любые проявления революционных настроений у народа [16, 1915, № 15, с. 210]. «Пастырская задача настоящего дня» [16, 1915, № 18, с. 259] – таковы были заголовки статей. В публикациях речь шла не о проблемах, а о долге духовенства перед царем, родиной и Богом. Это не значит, что церковные власти не понимали или игнорировали существующие проблемы. Просто обстоятельства военного времени переводили данные неустройства в разряд второстепенных.

5 июля 1915 г. обер-прокурор В.К. Саблер ушел в отставку. Время его правления характеризовалось хорошими отношениями с архиереями. Но главными делами, решаемыми Синодом во время правления Саблера, стали дела о награждении духовных лиц. Внешнее обилие наград могло создать впечатление активной и плодотворной деятельности, особого расцвета церковной жизни. Но реальность была несколько иная. Саблер обращал внимание на второстепенное и внешнее, не замечая главного и внутреннего. Он мог ужаснуться пропуском стихир на богослужении в семинарии, но при этом не заметить распушенности студентов и упадка богословской мысли в конкретной духовной школе. Станным явлением стал феномен «ученого монашества», когда выпускники академий без должного рассмотрения кандидатур постригались в монахи и совершали быстрейший карьерный рост до сана архиерея. Это привело, по мнению современника, к обмирщению монашества, измельчанию архиерейства и развалу руководимых ими духовных учебных заведений [23, с. 283–284]. Т.о., время В.К. Саблера было малопродуктивно для Церкви, особенно в сравнении с огромным ростом других сторон русской жизни.

После отставки Саблера исполняющим должность обер-прокурора был назначен статский советник А.Д. Самарин. Уникальность этого «дивной души <...> чисто русско-православного человека» [15, с. 71], как его характеризовал генерал Спиридович, состояла в его принципиальной позиции упразднения обер-прокурорской должности как таковой. За 10 лет, прошедших с отставки К.П. Победоносцева, это был огромный прогресс мысли и дела в России [5, с. 154]. Но Самарин пробыл «исправляющим должность» обер-прокурора совсем недолго – с 5 июля по 26 сентября. С его отставкой, как писалось, «рушатся надежды на скорое устройство церковной жизни согласно с ожиданиями преданного ей русского народа». После недолгого пребывания в должности следующего обер-прокурора А.Н. Волжина (с сентября 1915 по 15 августа 1916 г.) 30 августа государь подписал указ о назначении на должность обер-прокурора Н.П. Раева. Раев был сыном Петербургского митрополита Палладия и являлся первым обер-прокурором из духовного сословия. Он был

хорошо осведомлен о состоянии Церкви, но, к сожалению, не был готов к крупной административной деятельности [14, с. 72].

При всех указанных сложностях и череде сменяющихся обер-прокуроров работа церковных институтов велась непрерывно. Деятельность Предсоборного совещания была объективно не бесполезной: «При отсутствии в настоящее время свода кодифицированных законоположений <...> отсутствие указанных законопроектов не могло не создавать для Собора весьма существенных затруднений» [18, с. 421]. Поместный Собор должен был работать с уже подготовленными материалами, и к сентябрю 1916 г. была проделана огромная работа. Но через несколько месяцев началась революция. На фоне потрясений, войны, экономической нестабильности, роста антиклерикальных настроений отсутствие нормального канонического строя Церкви было наиболее опасно: лишившись своего верховного ктитора, Церковь с одной стороны оказывалась беззащитной перед лицом внешнего мира, с другой – только она могла теперь инициировать созыв Поместного Собора.

Следует сказать несколько слов о взаимоотношениях Церкви и Государственной Думы. В первые годы после революции 1905–1907 гг. Правительство продолжало свой курс пассивного наблюдения за состоянием церковных дел. Депутаты же III Государственной Думы активно пытались разрабатывать законопроекты, касающиеся Церкви. Например: об отмене политических и гражданских ограничений, связанных с лишением священника сана, о старообрядческих общинах, о переходе в другое исповедание и прочее. Обсуждение в Думе вероисповедных законопроектов показывало явное неприятие «думцами» правительственной политики по отношению к Церкви. В результате Правительство в начале 1913 г. отзывает свои проекты уже из IV Думы и предлагает ее рассмотрению иные вопросы: о приходе, церковно-приходских школах, духовных учебных заведениях, содержании духовенства.

В период IV Государственной Думы, в феврале 1916 г., при обсуждении сметы на выделение средств для Церкви, депутаты высказали обер-прокурору А.Н. Волжину не финансовые, а политические пожелания, затронув при этом и внутрицерковные проблемы. В условиях Мировой войны Государственная Дума признала необходимым принять ряд мер, направленных на переустройство церкви, с широким применением местного самоуправления и скорейшим созывом Поместного Собора. Значимость и некоторая ненормальность ситуации, когда члены Государственной Думы вмешиваются в дела Церкви, объясняются здесь, видимо, настолько проявившейся необходимостью реформ, что члены Госдумы не могли обойти стороной этот вопрос. Хотя в их функции отнюдь не входило обсуждение внутрицерковных проблем.

Церковь прекрасно понимала необходимость реформ, но в силу включенности в государственный аппарат она не могла провести их самостоятельно. Что позволило думцам указывать на ненормальность положения православного духовенства как орудия внутренней политики государства. Обер-прокурор Синода, являвшийся представителем Церкви в Думе, предоставляя ежегодно в российский парламент смету на следующий финансовый год, учитывал не столько интересы Церкви, сколько понимание этих интересов «в сферах». Подобные обстоятельства позволяли депутатам смотреть на Церковь прежде всего как на политическую институцию, поскольку, как писал П.Н. Милюков, «вера была монополизирована официальным исповеданием» [8, с. 57]. Все указанные проблемы приводили «передовые общественные круги» к мнению о необходимости свободы Церкви, свободы веры и самоуправления верующих.

Епископ Андрей Уфимский (князь Ухтомский) на страницах Епархиальных ведомостей в 1915 г., указывал на ненормальность церковно-государственных отношений и писал о необходимости проведения реформ, разработанных Предсоборным присутствием. В противном случае, «если будет царствовать канцелярия» (понятен намек на власть обер-прокурора), люди будут искать религиозной жизни в сектах. С ним полемизировал профессор, архимандрит Иларион. Архимандрит указывает на

исключительно внешний характер реформ: «Святые люди жили и спасались без реформ и указов» [16, 1915, №32, с. 499]. «Неблагополучность» церковной жизни, по его мнению, связана не с недостатком реформ, а с патологическим нежеланием духовенства что-либо делать [16, 1915, №32, с. 500]. Он не против реформ, но только если они оправданы стесненными рамками, мешающими активной деятельности.

Указанные епископом Андреем и архимандритом Иларионом (оба были репрессированы советской властью) проблемы достаточно сложны. Действительно были священники, ничего не желающие делать [17, Д. 297. Л. 209; Д. 298. Л. 303; Д. 300. Л. 335-338; Д. 301. Л. 9], но были священники невероятно деятельные. А были пастыри, с трудом добывающие своей семье на пропитание. Действительно требовалось оживление внутрицерковной жизни, но и несомненно требовались церковные реформы, что с полной ясностью и показало обсуждение предшествующего войне десятилетия.

Несмотря на недовольство пассивностью власти в деле созыва Собора, духовенство предостерегало населения от активных политических действий – во время войны они не только бессмысленны, но и вредны [16, 1916, № 6, с. 100–101]; указывало на глупость патологического недовольства властью [16, 1916, № 6, с. 103]; говорило о притеснениях по отношению к православной Церкви со стороны местных властей [16, 1916, № 10, с. 165]. Отметим, что для большинства населения империи православная вера сохраняла свою традиционную значимость, и, что особенно следовало бы понимать власти, влияла не только на формирование национальной идентичности, но и определяла в определенной степени политический дискурс масс православных верующих [20, с. 184]. Для неграмотного в своем большинстве и религиозного населения авторитетной фигурой, в т.ч. в политическом контексте, являлся священник [4], что должна была учитывать власть, проводя столь косную (хотя и внутренне обоснованную) политике по отношению к духовенству, при том, что общий кризис в империи приводил в т.ч. ко все нарастающей десакрализации царской власти.

Сложная международная обстановка и все же, можно предполагать – нежелание властей – привели к тому, что синодальная система, несмотря на проведенную работу, до 1917 г. оставалась неизменной. Также следует отметить, что разговоры о необходимости реформ практически на всех уровнях привели к осознанию всем русским обществом необходимости созыва Поместного Собора, что являлось существенным фактором для практической реализации задуманного.

Лакмусовая бумажка необходимости церковных преобразований, погружаемая в бурлящий котел революции, неминуемо давала определенную реакцию. И в Церкви, никоим образом не являвшейся архаизмом или замкнутой в себе реликвией прошлого, также созревала своя «революционная ситуация». Церковь никогда не выступало против государственной власти, она не может этого делать по самой своей сути. Однако государственное устройство Российской империи насильно сделало ее орудием политики, частью государственной системы.

Имея все вышеуказанные проблемы, духовенство не бастовало, не устраивало демонстрации и не писало обличительные памфлеты. Но указанные проблемы не могли не волновать священников, архиереев, мирян. Не высказывая своего протеста, духовенство молча разочаровывалось в царской власти. Данная ситуация – государственного подчинения, неуважения со стороны общества (как высшего, так и простого народа), крайняя формализация и бюрократизация – конечно же, вызывала внутренний протест у всех безразличных к Церкви людей.

В 1905 г. возникла надежда – но не оправдалась. В 1911–1914 гг. звезда надежды появилась вновь – но и здесь она лишь мелькнула, не дав вдоволь на ее посмотреть. Духовенство устало, и эта усталость от неоправданных надежд ко времени Первой мировой войны носила объемлющий характер.

Таким образом, по мнению как историков, так и современников, Русская православная церковь на протяжении Синодального периода находилась в униженном положении [20, с.

18–44]. Духовенство не выражало открыто свою позицию, но молча разочаровывалась в царской власти, так и не пожелавшей созвать Поместный Собор на протяжении предвоенного десятилетия и в годы Первой мировой войны, несмотря на высказываемые ожидания и колоссальную подготовку на Предсоборном Присутствии 1906 г. и Предсоборном Совещании 1912–1917 гг. [9], а также активность самого духовенства и даже Государственной Думы. При этом священнослужители (за редким исключением) поддерживали государственную власть, выступали против революции и, закономерно, за успокоение общественных настроений.

Растущая десакрализация царской власти была явной в то время и отсутствие поддержки Церкви (несмотря на ряд положительных моментов, к примеру, увеличение жалования [2, с. 118–143]) приводила к усугублению многостороннего кризиса, охватившего Российскую империю в начале XX в.

После Февральской революции работа была активизирована, создан Предсоборный Совет, в августе 1917 г. начал свою работу Поместный Собор. Но это тема уже отдельного исследования. Духовенство еще не знало, что случится осенью 1917 г., в каких условиях придется работать делегатам Поместного Собора и как революция отразится на самой Русской Православной церкви...

Список источников и литературы

1. Алфеев Иларион, архиеп. Православие. Том I. 2-е издание, исправленное. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009.
2. Белоус П.В. Духовенство Тобольской епархии в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.): коллективная монография / А.С. Андриенко, И.В. Балюнов, П.В. Белоус и др.; под общ. ред. П.В. Белоуса, А.Ю. Конева. Издательство Тюменского государственного университета, 2020. С. 118–143.
3. Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Берлин, 1922. Т. I.
4. Гайда Ф.А. Манифест 17 октября 1905 г. оказался сюрпризом для всей страны [Электронный ресурс]: <https://pravoslavie.ru/87200.html>
5. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. М.: Моск. рабочий, 1994.
6. Император Николай II и Поместный Собор Русской Православной Церкви // Богословский сборник. Вып. 2. ПСТБИ. М., 1999.
7. Император Николай II. Церковь о Царской Семье. Житие и страдания Святых Царственных страстотерпцев Николая II и Его Семьи. Материалы Синодальной Комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви. СПб., М., 2002.
8. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Том 2.
9. Мраморнов А.И. Предсоборное совещание 1912–1917 гг. Православная энциклопедия [Электронный ресурс]: <https://www.pravenc.ru/text/2660716.html>
10. Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России (статьи из «Дневников» за 1910–1916 годы). Институт русской цивилизации. М., 2013.
11. Приход и приходское духовенство. XVIII–XIX вв. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». М., 2000.
12. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1569. Оп. 1.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 445.
14. Русская Православная Церковь. XX век. Сретенский монастырь. М., 2008.
15. Спиридович А. Великая Война и Февральская Революция (1914–1917 гг.). Нью-Йорк, 1962.
16. Тобольские епархиальные ведомости.
17. Государственной бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 156. Оп. 14.
18. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890–1918 гг.). М., 2002.

19. Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Институт развития цивилизации. М., 2009.
20. Фриз Г. «Губительное благочестие» российская церковь и падение империи. СПб., 2019.
21. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. Духовное просвещение. М.; 2004.
22. Цыпин В.А., прот. Церковное право: Курс лекций. М.: Круглый стол по религиозному образованию в Рус. Правосл. церкви, 1994.
23. Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1954.

P.V. Belous
Surgut, Russia

On the issue of church-state relations in tsarist Russia using the example of the preparation of the Local Council of the Russian Orthodox Church in 1906–1917 (based on materials from the Tobolsk diocese)

Abstract. The subject of the study is church-state relations, which are considered through the prism of preparation for the Local Council of the Russian Orthodox Church, the expectations of which the church community lived with after the first Russian revolution. The methodology of the study is a civilizational approach, which, in the terminology of A. Toynbee, is expressed by the formula "challenge" - "response". The challenge of the pre-revolutionary time was an internal crisis, to which Russia was unable to give an answer, and one of the components of this crisis, in addition to state power, was the Russian Orthodox Church. Based on the results of the work, the author comes to the conclusion about the disappointment of the clergy in relation to the church policy of the state, when, despite the colossal work carried out by the Pre-Council Presence and the Pre-Council Conference, the activity of the clergy and even the State Duma, the tsarist government did not sanction the convocation of the Council. At the same time, the ever-increasing desacralization of the tsarist power led to an intensification of the crisis that engulfed the Russian Empire at the beginning of the 20th century. The clergy could have played a consolidating role in society, but this aspect was not taken into account by the state authorities, which only led to the aggravation of large-scale crisis phenomena.

Keywords: Russian Orthodox Church, Local Council, clergy, chief prosecutor, revolution, desacralization, crisis.

About the author. Belous Pavel Vladimirovich, PhD in History, Surgut State University, Senior Lecturer.

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ТОБОЛЬСКОГО
АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА В ТРУДАХ Н.Н. ОГЛОБЛИНА**

Аннотация. Видным историком и архивистом рубежа XIX – XX столетий Н.Н. Оглоблиным были изучены, в числе прочих вопросов и темы, освещающие вопросы земледелия и землепользования в Тобольском Софийском доме.

Рассмотрев богатый фактический материал об экономическом строе Тобольского уезда XVII – начала XVIII вв., Н.Н. Оглоблин сделал ряд выводов и наблюдений, со временем получивших развитие в работах последующих исследователей.

Ключевые слова: Сибирь XVII – начала XVIII вв.; Русская православная церковь; Тобольский архиерейский дом; архиепископы; Н.Н. Оглоблин; Тобольск; Тобольский уезд; землевладение; землепользование; церковь; монастырь.

Сведения об авторе: Силаева Ирина Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России и документоведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижевартовский государственный университет», г. Нижневартовск.

Видным российским историком и архивистом рубежа XIX–XX вв. Н.Н. Оглоблиным в процессе изучения материалов фонда Сибирского приказа Московского архива Министерства юстиции, были рассмотрены многие вопросы истории Русской православной церкви в Сибири в первое столетие существования Азиатской России, в том числе о землевладении в Сибири XVII – начала XVIII вв. [4, с. 138, 299]. Интересными показались Н.Н. Оглоблину сведения о землепользовании и землевладении Тобольского архиерейского дома XVII – нач. XVIII вв., – сведения, сохранившиеся, в частности, в переписных, дозорных, писцовых, отказных, межевых книгах, книгах рыбных ловель, посадских людей, мерных оброчных. Исследователь выразительно показал, что данные о землевладении тобольского Софийского дома свидетельствуют о различных других сторонах ранней истории Тобольского архиерейского дома, а также ряда сибирских церквей XVII – первых лет XVIII вв.

Крестьяне находились на землях Тобольского уезда исключительно на свободных договорных условиях. Н.Н. Оглоблин отмечал, что в софийских архиепископских и монастырских вотчинах были крестьяне (закладчики). Крестьяне Тобольского уезда, как и остальные крестьяне Сибири, на государевых землях возделывали пашни, и обязывались обрабатывать государеву десятинную пашню (то есть являлись оброчными крестьянами, платившими оброчный хлеб).

На основе документальных свидетельств Н.Н. Оглоблин пришел к выводу о том, что сибирские служилые люди не всегда владели своими наделами, а если и имели участки, то в качестве или замены всего или части хлебного жалованья, а иногда на правах жилецких (посадских) людей, обязуясь платить в казну оборочный, выдельный хлеб.

С целью рассмотрения состояния земледелия Тобольского уезда Н.Н. Оглоблиным были изучены дозорные и переписные книги [2, с. 48].

Н.Н. Оглоблин рассмотрел, в частности, документы, сообщающие о постройке церквей и монастырей в Тобольске и Тобольском уезде. Так, в деле 1641/42–1644/45 гг. зафиксирован пожар и последующая отстройка тобольской Вознесенской церкви. [4, с. 85].

Архиепископом Нектарием (Теляшининым) в 1636/37 г. была составлена отписка, свидетельствующая об основании храма в селе Абалацком Тобольского уезда и именовании ее во имя иконы Знамения Божией матери [4, с. 22].

Перенесения церкви на новое место отражало дело 1661/62 г., рассмотренное Н.Н. Оглоблиным. Среди документов дела сохранилась челобитная служилых людей Кетского уезда, сообщающих о подмытии их храма водами, а также просьба перенести его. Известный архивист уточнил, что челобитья не были удовлетворены [4, с. 85].

Рассмотренное Н.Н. Оглоблиным обширное дело (1652/53–1654 гг.), сохранившее челобитные крещеных и некрещеных остяцких князьцов, и строителя пустыни старца Иванища, а также отписки архиепископа Симеона, указывало на открытие Троицкой пустыни в Кондинском городке Тобольского уезда [4, с. 52].

Духовные лица Тобольского архиепископского дома, как показал Н.Н. Оглоблин, часто обращались с челобитными относительно земель, слобод с деревнями и крестьянами, софийских рыбных ловель и хмелевых угодий [4, с. 134, 135].

Московским писцом стольником Л.М. Поскочиным в конце XVII в. помимо Верхотурского, Пелымского, Туринского, Тюменского и Тарского были описаны и земли Тобольского уезда. Как пояснил Н.Н. Оглоблин, целью описания являлась проверка соблюдения норм землевладения и обложения земель налогами (десятинной пашней, оброчным хлебом, денежным оброком) [3, с. 53]. Документы, составленные Л.М. Поскочиным, содержали описания земель Софийского дома, посадских, крестьян, детей боярских и других служилых людей, пашень, деревень, крестьянских дворов, сенокосов, описания слобод, а также сведения о межах, оброках, крепостных актах, подробные данные о деревнях и количестве лишних земель [3, с. 54].

Детями боярскими С. Французенином и М. Трубчаниновым, а также подьячим Т. Леонтьевым была составлена дозорная книга Тобольского уезда (1622/23 г.), которую рассмотрел Н.Н. Оглоблин. Последний отметил наличие в ней данных о земельных владениях ружников, детей боярских, подьячих, «литвы» и других служилых людей, посадских, пашенных и оброчных крестьян вдоль реки Иртыш, а также о землях Успенского (Знаменского) монастыря, имен землевладельцев и работных людей [3, с. 57]. Видный историк и архивист указал на то, что второй список данной книги 1622/23 г. хранился в Сибирском приказе [3, с. 58].

При изучении переписных книг Н.Н. Оглоблин рассматривал включенные в них перечни жителей городов, острогов, слобод, уездов (как по отдельности, так и вместе) [3, с. 72].

Так, в переписной книге Тобольска за 1622/23–1623/24 гг., по указанию Н.Н. Оглоблина, перечислялись дворы, лавки служилых и жилецких людей, содержалось описание церквей, монастырей, «казенных зданий» в городе и в остроге (съезжей избы, воеводского двора, гостиного двора).

Н.Н. Оглоблин обратил внимание и на переписную книгу Тобольска (1697/98 г.) дворянина И.Р. Качанова, включившего в этот документ перечень посадских людей города и данные о размерах их тягла.

Анализируя переписные книги Тобольска начала XVIII в., Н.Н. Оглоблин отметил, что в них, в отличие от предыдущих, содержались имена женщин наряду с мужскими именами. Так, в одной из книг указаны имена всех женщин во дворах причта церкви святого Михаила, имена их детей и других родственников, с пояснениями, у кого куплены дворы и по какой цене. В книге также имелось описание приходских дворов.

Н.Н. Оглоблин подчеркнул, что и другая переписная книга Тобольска начала XVIII в. содержала опись дворов служилых и жилецких людей (в приходах) с определением местоположения улиц и переулков. Книга содержала сведения о храме и монастырях, в том числе Рождественском девичьем, о приходских и частных местах богослужения [3, с. 74].

Как писал Н.Н. Оглоблин, сохранились целые сборники (за 1695/96 г.) с переписными книгами острогов и слобод Тобольского уезда, составителями которых являлись тобольский дворянин И.С. Полозов и подьячий Я. Лапин. (Сборники включали книги Катайского и Колчедановского острогов, Камышевской, Арамильской, Багаряцкой, Новопесчанской, Верхней Миасской, Чумляцкой, Средней Миасской, Окуневской слобод

и описывали укрепления, включали следующие статьи: перечни церквей, казенных зданий, описания пашень и угодий, содержали именные списки по дворам служилых и жилецких людей острогов и слобод) [3, с. 75].

Крупным историком и архивистом кон. XIX – нач. XX вв. была изучена переписная книга «Тобольского города архиепископской и келейной казне» за 1635/36 г., составленная после смерти архиепископа Макария по поручению тобольских воевод князя М.М. Темкина-Ростовского с «товарищами» [3, с. 81]. В книге перечислялось имущество владыки и сведения о его вотчинах в Тобольском уезде, вниз по Иртышу в деревне Киселевской, в Ницынской и Тавдинской слободах (с перечислением имен крестьян, сдающих оброк). Другая переписная книга Софийского дома (1636 г.) сохранила те же сведения, а также описание Софийского собора.

Среди многих документов Сибирского приказа, касающихся описания софийских владений, Н.Н. Оглоблину также встретилась и переписная книга архиерейской казны, людей и земель за 1650/51 г. [3, с. 83].

До нас дошла и дозорная книга софийских вотчин (1624/25 г.) Тобольского уезда, которую также изучил Н.Н. Оглоблин. Она была составлена сыном боярским В. Лутовиновым в связи с началом святительства архиепископа Макария. В книге содержатся подробные описания софийских пашен, сенных покосов, рыбных ловель, дворов, причем с замечаниями об истории деревень.

Благодаря сыну боярскому К. Павлуцкому, составившему дозорную книгу софийских вотчин по реке Тавде Тобольского уезда, нам известно описание храма, крестьянских дворов, пашен, покосов, список жителей, крестьянских дворов, пашен безымянной деревни на реке Бачкима [3, с. 84].

Как отмечал Н.Н. Оглоблин, сохранилась и объемная софийская дозорная книга, представляющая собой список с писцовых и переписных книг Тобольского уезда за 1683/84 г. со сведениями о домовых людях, крестьянах, землях, на которых они проживали. В книге описывались земли и жители Подгорной слободы над рекой Курдюмкой, в селах Комарицкой, Преображенской, Тавдинской слобод. В книгу, включающую описания вотчин тобольского Знаменского и других монастырей, вошли и перечни дворов, церквей, монастырских бобылей, ссыльных, перечень горожан, живущих на монастырских землях, там определялись меры и межи монастырских земель (по старой писцовой выписи и новому межеванию 1683/84 г.), имелось описание сенных покосов, рыбных ловель по реке Иртышу, монастырских деревень, приводились перечни владельцев дворов, сенных покосов, выделного хлеба. В книге имелись, как заметил ученый, и данные о ряде деревень (Смолинской, Дубровной и других), а также вотчинах Знаменского, Ивановского и Кондинского монастырей, землях Исецкого острога и Рафаиловой пустыни [3, с. 85].

О состоянии вотчин тобольского Знаменского монастыря, как заметил Н.Н. Оглоблин, свидетельствует переписная книга 1641/42 г., перечисляющая те земли и угодья, которыми было пополнено имущество монастыря после записи о нем в дозорных книгах 1620/21 г. М. Трубочаниновым и подьячим С. Полутовым. По наблюдению Н.Н. Оглоблина, книга была скопирована со «скаски» архимандрита Варлаама, записанной в тобольской воеводской палате. Книга содержала перечни владений монастырского имущества после 1613/14 г., например, вклад литвина И.П. Любимского (деревни с угодьями вверх по реке Шанталыку). Как пояснил ученый, эти новые земли и пашни были описаны подробно. Последний по времени перечень новых земель, ставших собственностью монастыря, содержащийся в книге, относится к 1640/41 г. В качестве приложений к книге Н.Н. Оглоблин назвал списки купчих, закладных, вкладных, выписей с дозорных и переписных книг, содержащие описания земель, межей, а также перечень населения [3, с. 87].

При изучении землевладения Тобольского архиерейского дома, Н.Н. Оглоблину встречались и доклады о разделении земель. Так, в проанализированном ученым докладе 1701 г., говорится о разделении имущества покойного митрополита Игнатия между государевой казной и Тобольским архиепископским домом. Подьячий Сибирского приказа

М. Маскин в том же году составил соответствующую опись домово́й казны, хранившейся в Симоновом монастыре, где скончался прежний тобольский владыка [5, с. 189–190].

Относительно обложения налогами софийской земельной собственности сохранились различные документы Сибирского приказа, обнаруженные Н.Н. Оглоблиным. Так, архимандрит Тарасий с братией составили челобитную в 1627/28 г. с просьбами о снятии оброка и изделья с земли, увеличения вотчин и причта, присылке церковных книг в Знаменский монастырь [4, с. 137].

Как отметила Н.С. Харина, Н.Н. Оглоблиным внесен значительный вклад в исследование переписных и дозорных книг Сибирского приказа. Эта современная исследовательница согласилась с выводом Н.Н. Оглоблина о том, что дозорные и переписные книги Сибирского приказа по своему содержанию и значению соответствовали «писцовым» и «переписным» книгам Московской Руси, а также поддержала мнение, что термин «дозорные» берет свое начало с обозначения тех книг, которые описывали земли, а переписные книги, помимо описания земельной собственности, включали перечень населения [7, с. 85–86].

При назначении на тобольскую кафедру архиепископов и митрополитов, владыкам направлялись указы, – предписания об осуществлении руководства вверенной им епархией.

Так, в одном из дел 1620/21–1624/25 гг. Н.Н. Оглоблин обнаружил, что при назначении Киприана Старорушанина на открывающуюся тобольскую архиепископию, ему был вручен наказ, но в приложенной отписке ошашковского воеводы Д. Плещеева со «скасской» (с подписью) бывшего сибирского архиепископа Нектария (Теляшина) констатируются отсутствие изначально у него наказа [4, с. 50, 51]. (Эти документы позднее были опубликованы [1, с. 281, 392–393]). В число обширных обязанностей, подробно перечисленных в наказах, в том числе и тобольского архиепископа Макария Кучина, входили функции защиты населения от непомерных налогов, которыми в XVII в., как указывалось Н.Н. Оглоблиным, зачастую облагали местные воеводы [6, с. 162–164]. Среди функций архиепископов, как указывал Н.Н. Оглоблин, была и постройка храмов, колоколен на Софийском дворе и за пределами Тобольского уезда [4, с. 19]. Так, ученый обнаружил память 1607/08 г. тобольских властей нарымскому голове с предписанием построить храм во имя Покрова Пречистые Богородицы и придел Василия Кесарийского. В памяти говорилось о последующей отправке попа из Вологды, а церковной утвари – из государевой казны [5, с. 140].

Вслед за П.Н. Буцинским Н.Н. Оглоблин изучал взаимоотношения тобольских архиепископов и митрополитов в XVII в. и русского правительства, однако московский историк раскрыл эту тему на более широком материале фонда Сибирского приказа. Видный ученый и архивист обратил внимание на то, что деятельность всех тобольских владык сопровождалась извещениями, что отрицательно сказывалось на отношении к владыкам, например, архиепископу Герасиму (Кремлеву) [6, с. 165]. Такие порочащие владык документы порой приводили к запрещениям служить, к примеру, архиепископа Симеона отстранили от служения на несколько месяцев после доносов домового дьяка И. Мильзина.

Согласно Н.Н. Оглоблину, зачастую светские власти вмешивались в духовные дела, что отражалось на компетенции духовных лиц. [6, с. 166].

Работы Н.Н. Оглоблина, касающиеся землепользования и землевладения Тобольского архиепископского дома, помогают определить статус владений архиепископией.

Среди привлекавших внимание ученого разнообразных аспектов истории Русской православной церкви в Сибири XVII – начале XVIII вв., в частности, нашли место вопросы истории Тобольского Софийского дома, свидетельствующие о ее роли в освоении нового края и утверждении там норм православия. Раскрывая взаимодействие между владыками и разрядными воеводами, нередко конфликтное, Н.Н. Оглоблин обращал внимание и на правоту духовных лиц, как заступников сибиряков перед светскими администраторами, часто чинившими произвол.

Обширный фонд Сибирского приказа, привлеченный ученым, позволил ему существенно уточнить роль тобольских архиереев в развитии землевладения и на землях тобольского Софийского дома в XVII – нач. XVIII вв.

Список источников и литературы

1. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К. Ромодановская и О.Д. Журавель. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 440 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 10).
2. Оглоблин Н.Н. Обзорение дел Разряда // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции. 6 выпусков. 1876 год. М., 1884. Кн. 4. Опись Сысского приказа и Розыскной экспедиции (до 1782). 757 с.
3. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592 – 1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин. М., 1895. Ч. 1. Документы воеводского управления. 421 с.
4. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). / Сост. Н.Н. Оглоблин. М.: Университетская типография, 1900. Ч. 3. Документы по сношениям местного управления с центральным. 389 с.
5. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). / Сост. Н.Н. Оглоблин. Б.м., б.и., 1901. Ч. 4. Документы центрального управления. 287 с.
6. Оглоблин Н. Н. Дело о самовольном приезде в Москву Тобольского архиепископа Симеона в 1661 г. // Русская старина. 1893. Октябрь. С. 162–184.
7. Харина Н.С. Социальная структура вотчин Тобольского архиерейского дома на основе материала дозорных и переписных книг XVII – начала XVIII в. //Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов II региональной молодежной научной конференции. 2003. Новосибирск: Изд-во Ин-та истории СО РАН, 2008. С. 85–91.

I.A. Silaeva
Nizhnevartovsk, Russia

ON SOME ISSUES OF LAND OWNERSHIP OF THE TOBOLSK BISHOP'S HOUSE IN THE WORKS OF N.N. OGLOBLIN

Abstract. The prominent historian and archivist of the turn of the 19th–20th centuries, N.N. Ogloblin, studied, among other topics, issues related to agriculture and land use in the Tobolsk Sophia House. By examining rich factual material on the economic structure of Tobolsk Uyezd in the 17th – early 18th centuries, N.N. Ogloblin made a number of conclusions and observations that were later developed in the works of subsequent researchers.

Keywords: Siberia 17th – early 18th centuries; Russian Orthodox Church; Tobolsk Bishop's House; archbishops; N.N. Ogloblin; Tobolsk; Tobolsk Uyezd; land ownership; land use; church; monastery.

About the author: Silaeva Irina Aleksandrovna – Candidate of Historical Sciences (Ph.D. in History), Senior Lecturer, Department of Russian History and Document Science, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.

**ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКЕ: ПРИХОД
ХРАМА В ЧЕСТЬ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ»**

Аннотация. Статья посвящена истории возрождения и становления православной церковной жизни в столице Югорского края с конца 80-х гг. XX в. до настоящего времени. Изложение темы осуществляется в широком историческом контексте, предваряется обзором истории Самарово и Ханты-Мансийска, старого Покровского храма и утерянной храмовой иконы Божией Матери «Знамение». Отдельное внимание уделяется гонениям на веру и подвигу исповедания Православия в советский период в Ханты-Мансийске. История образования первого после атеистического времени прихода в Ханты-Мансийске четко прослеживается с 1989 г. и длится до сегодняшнего дня. За это время знаменская община стала общиной-матерью для всех последующих церковных приходов города, базой для миссионерской, просветительской, благотворительной, культурно-массовой деятельности, неотъемлемой и значимой частью духовно-нравственной и культурной жизни Югры.

Ключевые слова: советские гонения на веру, возрождение Православия, приход храма в честь иконы Божией Матери «Знамение», иеромонах Зосима (Горшунов), иерей Сергей Кравцов, иерей Леонид Бартков, Тобольская епархия, Ханты-Мансийская епархия, митрополит Димитрий (Капалин), митрополит Павел (Фокин).

Сведения об авторе: Борозенец Тарас Анатольевич, кандидат философских наук, кандидат богословия, Югорский государственный университет, клирик Знаменского храма г. Ханты-Мансийска, иерей, г. Ханты-Мансийск, Россия, taru_bary@mail.ru.

Господь судил, чтобы после долгих и мрачных лет воинствующего богоборчества именно община храма в честь иконы Божией Матери «Знамение» положила начало возрождению православной церковно-приходской жизни в Ханты-Мансийске, стала одной из первых на Югорской земле.

От Самарово к Ханты-Мансийску

В XVI в. близ нынешнего расположения Ханты-Мансийска было существовало селение, названное по имени остяцкого князя Самара. В 1582 г., в связи с присоединением Сибири к России через посредство похода Ермака, самаровское княжество пало.

В 1637 г. был создан Самаровский Ям, или иначе Ямская слобода, положившая начало селу Самарово. Первыми жителями были 50 ямщиков с женами и детьми, прибывших из Олонецкого, Вологодского и Пермского краев.

В 1667 г. Самаровский ям впервые появился на географической карте.

В 1708 г. Самарово вошло в состав Сибирской губернии.

В 1782 г., с введением волостной системы, ям получил статус села и стал центром Самаровской волости. С развитием паромства село стало крупным торговым и рыбопромысловым центром.

В 1808–1816 гг. в Самарово был построен каменный храм Покрова Пресвятой Богородицы [5].

В 1931 г. рядом с селом вырос Остяко-Вогульск, который в 1950 г. объединили с Самарово в новый населенный пункт – город Ханты-Мансийск.

27 января 1950 г. село Самарово вошло в состав Ханты-Мансийска [3].

Покровская церковь

Первое упоминание о деревянной церкви относится к 1743 г. В 1808 г. жители села Самарово собрали деньги и написали прошение в Тобольск о постройке новой каменной церкви.

Здание было построено в 1816 г. по проекту тобольского архитектора Шаньгина в стиле сибирского барокко.

При советской власти в 1930 г. церковь была разрушена. Стены храма разобрали на кирпичи, из которых сложили здание рыбокомбината. На месте храма сначала построили клуб рыбаков, после же его сноса там был пустырь.

В 1994 г. были проведены раскопки, и обнаружен фундамент старого храма.

В 1996–2001 гг. храм был воссоздан на прежнем месте.

14 октября 2000 г. архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий освятил главный престол Покровского храма и два его придела – северный в честь Святителя Николая Чудотворца и южный, в честь Абалакской иконы Божией Матери.

Знаменская икона Божией Матери в Самарово

Икона «Знамение Богородицы» попала в Самарово в XVIII в. Считалось, что она чудотворная и предназначалась для Иркутска, но осталась в Самарово навсегда.

Три попытки вывезти икону заканчивались бурей, и это послужило для жителей знаменем, что иконе стоит оставаться в Самарово. Икона была древнего письма на холсте, украшенная дорогими ризами и серебряными приношениями, свидетельствующими об исцелениях людей, которые обращались к ней с молитвами о помощи. Сначала икона находилась в деревянной Самаровской церкви, которая сгорела при пожаре. Но святыню спасли и перенесли в новую – каменную церковь Покрова пресвятой Богородицы. В годы советской власти церковь была разрушена, а чудотворная икона «Знамение» была утрачена [7].

Вера в опале

После закрытия и разрушения властями храма Покрова Божией Матери в 1930 г. [9], в городе, по сути, не было организованной и открытой христианской богослужбной жизни. Остяко-Вогульск (с 1940 г. Ханты-Мансийск) стал местом массовой ссылки и расстрелов неугодных советской власти. Среди ссыльных и расстрелянных было много гонимых за веру [6]. Благодаря Господу, вера не умерла, она продолжала жить в сердцах местных и сосланных сюда христиан, которые с опасностью для своей жизни и свободы собирались на тайные молитвенные собрания по частным домам, хранили и читали книги Священного Писания, другую религиозную литературу, старались, насколько это было возможно в те времена, посещать священников в других населенных пунктах или приглашать их к себе [7].

Архимандрит Парфений (Невмержицкий)

В 1954 г. после тюрьмы в поселок Шапша был выслан игумен Парфений (Невмержицкий). Служил он в шапшинской церкви прп. Евфимия Великого и жил рядом в домике у реки. В поселке в то время проживали в основном одни женщины, шапшинский приход был небольшим. Верующие из Ханты-Мансийска приезжали на богослужения только в воскресные и праздничные дни. Василий Петрович Мосунов, например, вспоминал, что, когда ему было 17 лет, в апреле 1956 г. на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы он пять часов шел на службу на лыжах, приезжали прихожане и на лошадях.

Среди недели игумен часто уезжал в Ханты-Мансийск и служил по домам. Много верующих собиралось в доме у Петра и Татьяны Мосуновых по улице Безноскова, 21 (бывшая Луговая). Проходили службы и у Бабкиных в доме по ул. Комсомольской, рядом с нынешней трапезной, что по ул. Калинина, у Марии Епифановны Носовой по ул. Пионерской, у Тимариных и Полукеевых. Со временем игумен Парфений приобрел половинку избушки (она не сохранилась – сейчас на этом месте стоит кирпичный дом) по ул. Гагарина, 126 (рядом с автобусной остановкой), которая в то время называлась «Просека». Затем сделал к ней небольшой прируб и хотел поставить рядом молебельный дом. Для этого Петр и Василий Мосуновы летом 1956 г. срубили в Шапше большой дом и сплавили до Ханты-Мансийска по реке. Но в последний момент городские власти не разрешили его поставить.

В 1960-х годах отношение к священнику в городе было неоднозначным. Только в районе Перековки (нынешняя улица Розина и прилегающие к ней) батюшку ждали, приглашали его и встречали с радостью. Там жили сосланные из центральных районов России, в основном женщины, мужья которых находились в местах заключения. Многие были сосланы за веру. На Перековке батюшка освящал новые дома, крестил детей, совершал венчания и отпевания. А вот в районе нынешней улицы Гагарина люди относились к нему совсем по-другому. Батюшке приходилось терпеть оскорбления и насмешки.

После закрытия властями храма прп. Евфимия Великого в деревне Шапша и запрета построить храм в Ханты-Мансийске, в 1961 г. игумен Парфений вынужден был уехать на Украину, в город Жмеринка Винницкой области. Некоторые прихожане переписывались с ним, по письмам он молился за своих духовных чад, отпевал умерших [8].

Начало возрождения

Городская церковная община снова начала собираться с 1979 г. в доме у Носовой Марии Епифановны. По воспоминаниям, это были бабушки: Ольга Ведрова, Александра Осинцева, Агафья Рыбьякова, Екатерина Копылова и Елена Попова. Они читали молитвы, кто какие знал, пели песни, служили «обедницу». Эти пять женщин, по сути, стали основателями первой общины будущей Знаменской церкви.

Через три года в 1982 г. к ним присоединилась Анна Васильевна Медведева. Она возвратилась в Ханты-Мансийск из Конотопа, где прожила около семи лет и ходила в храм. Вернуться на прежнее место жительства ее благословили тамошние священники: отец Михаил и отец Феодосий.

Пребывая в сомнениях, она побывала у старца Иоанна (Крестьянкина). Во время двухчасовой беседы батюшка Иоанн уверил ее исполнить благословение, ехать и полагать начало просвещению Ханты-Мансийска и усердно просить Божию Матерь о помощи. «Она поможет Вам и не оставит Вас, ведь Россия – это ее удел» - таковы были пророческие слова старца.

Анна Васильевна привезла с собой около сотни рукописных тетрадей с акафистами, которые бабушки стали читать. Церковной литературы в те времена не было. Привезенные от отца Феодосия канонник, псалтырь, служебник и книжный том с полным собранием сочинений свт. Димитрия Ростовского стали бесценным вкладом в возрождение богослужебной жизни. Еще Анна Васильевна хорошо читала на церковнославянском языке, знала богослужебный устав. Собирались бабушки каждое воскресенье и по церковным праздникам. Община постепенно росла. Со временем в том доме, где собирались, стало тесно. Богослужения перенесли в частный дом, по улице 8 марта, принадлежавший Ольге Николаевне Ведровой, однако вскоре и его стало не хватать. И тогда община переместилась в комнату Полины (Пелагеи) Васильевны Судейкиной по улице Пионерской [10]. В 1989 г. появился первый пастырь общины – отец Зосима (Горшунов), который окормлял общину во время своих миссионерских поездок из Тобольска [0].

Иеромонах Зосима (Горшунов)

Сначала община с отцом Зосимой собиралась в доме у Пелагеи, потом у Геннадия Закалина в доме на углу улиц Калинина и Комсомольской. В свое время Геннадий ездил к владыке Феодосию (Процюку) в Омск и завещал свой дом общине. После его смерти администрация города выкупила дом у его матери Татьяны и передала православной общине. В этом доме и был обустроен первый православный храм в столице Югры. Потом в 1991 г. владыка Димитрий (Капалин) освятил его полным чином. Сегодня в этом здании находится трапезная, воскресная школа и бухгалтерия Знаменского прихода.

Места в новом храме было мало. Приход постепенно разрастался. Приходили все новые и новые люди. Ощущалась насущная необходимость в отдельном помещении для воскресной школы. Поэтому фактически сразу же после освящения первого храма приняли решение о строительстве второго. Тем более что рядом с домом был большой участок. Территория позволяла построить полноценный храм. Так и решили сделать. Готовясь

зарегистрировать православную общину, стали думать о названии прихода. Зная об утерянной чудотворной Знаменской иконе Божией Матери и приделе в ее честь в разрушенном Покровском храме Самарово, решили назвать новый храм во имя Знаменского образа Богородицы.

25 января 1992 г. Местная религиозная организация Православный приход храма в честь Иконы Божией Матери «Знамение» г. Ханты-Мансийска Ханты-Мансийского Автономного округа-Югры Тюменской области Ханты-Мансийской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) по ул. Калинина, д. 61 была официально зарегистрирована. Иеромонах Зосима (Горшунов) был организатором, руководителем, наставником и духовником первой и единственной в Ханты-Мансийске православной общины с 1989 г. по 1996 г. За это время многие жители города пришли к вере и приняли Святое Крещение. С 1992 г. по благословению отца Зосимы при храме начала свою работу первая воскресная школа для детей, организатором и первым преподавателем которой стала Баженова Татьяна Константиновна [1].

В 1995 г. была достроена деревянная Знаменская церковь, которая была освящена 8 декабря того же года архиепископом Тобольским и Тюменским Димитрием. Шесть лет деятельности отца Зосимы стали началом церковного возрождения в Ханты-Мансийске и Ханты-Мансийском районе. Кроме местных прихожан в этом деле ему помогали: псаломщица Акилина Евгеньевна Есняцкая, иеромонах Василий (Донец), иеромонах Симеон (Микушин), иерей Алексей Сидоренко. Отцом Зосимой вместе со всеми его помощниками и сподвижниками была заложена основа для последующего развития православной жизни в Югорском крае. Их дело продолжил иерей Сергей Кравцов, который был настоятелем Знаменского храма с 1996 по 2012 г.

Развитие приходской жизни при отце Сергии Кравцове

За шестнадцатилетний период настоятельства отца Сергия:

- существенно разрослась городская православная община;
- на своем историческом месте, на чудом сохранившемся фундаменте разрушенной церкви был отстроен храм Покрова Божией Матери со зданием воскресной школы (2000 г.);
- возведен собор Воскресения Христова с духовно-просветительским центром и зданием православной гимназии (2006 г.);
- построен кладбищенский храм в честь святого праведного Артемия Веркольского (2005 г.);
- основано и развивалось сестричество милосердия (с 2001 г.), первой старшей сестрой которого была Валентина Николаевна Бедерина, впоследствии ее сменила Александра Александровна Суворова, до сих пор несущая это послушание;
- создано местное отделение православного молодежного движения «Сибирь Молодая Православная» (с 1999 г.);
- начали свою работу православный детский сад (с 2003 г.) и православная гимназия (с 2006 г.);
- осуществлялись масштабные миссионерские и культурно-массовые мероприятия (рождественские и пасхальные театрализованные представления);
- организовывались паломнические поездки по святым местам России и зарубежья;
- под руководством матушки Лидии Кравцовой был создан и активно выступал детский ансамбль древнерусского знаменного пения «Анастасис» (с 1996 г.);
- под руководством Сергея Павловича Петрова образован Народный самодеятельный коллектив «Хор русской песни «Покрова» (с 2005 г.).

Ближайшим советником и сподвижником отца Сергия в вопросах строительства и налаживания отношений с властями был Семенов Владимир Семенович [11].

Если за первые шесть лет своего официального существования православная община твердо встала на ноги, то за последующие шестнадцать она значительно окрепла и увеличилась, так что ее деятельность вышла далеко за пределы стен храма. По итогам второго периода Знаменский приход стал заметным и влиятельным фактором

общественной и культурной жизни города и округа. Все это было достигнуто благодаря молитвам и трудам отца Сергия Кравцова и его помощников, как священнослужителей, так и мирян.

В Ханты-Мансийской епархии

В 2011 г. в границах Ханты-Мансийского автономного округа-Югры была образована Ханты-Мансийская епархия путем ее выделения из состава Тобольско-Тюменской епархии. Ее главой был назначен епископ Павел (Фокин). В конце 2014 г. епархия была преобразована в Ханты-Мансийскую митрополию, а ее глава был удостоен сана митрополита. Это сделало Знаменскую общину приходом столичного епархиального города, вдохнуло в нее новую жизнь, поставило перед ней новые задачи. Для осуществления этих задач в 2012 г. настоятелем храма был назначен иерей Леонид Бартков. Вот уже тринадцать лет он занимается развитием прихода. При нем были проведены масштабный ремонт и реконструкция храма и здания воскресной школы, была упорядочена и благоустроена прилегающая к ним территория. Воскресная школа, начавшая свою деятельность еще при отце Зосиме, и сестричество милосердия, основанное отцом Сергием, продолжили и расширили свою работу при отце Леониде. Творческий актив прихода ежегодно готовит и проводит несколько концертов для жителей города, приуроченных к церковным и церковно-государственным праздникам. Храм стал стартовой площадкой для уникального социального проекта, Православного гуманитарного центра «Твори добро» (с 2020 г.), осуществляющего масштабную благотворительную деятельность, а также базой для ежегодного проведения трех епархиальных шахматных турниров, посвященных Рождеству, Пасхе и Всероссийскому дню трезвости (с 2013 г.).

Святыни прихода

С 2012 г. в храме обретаются частицы мощей святителя Филарета, архиепископа Черниговского и Нежинского, прп. Нила Столобенского и мученика Александра Римского. С 2018 г. для молитвенного почитания выставлены частицы мощей четырех Киево-Печерских святых: прп. Агапита Печерского, врача безмездного, прп. Алипия Печерского, иконописца, преподобномученика иеромонаха Василия Печерского и прп. Нестора Летописца. Всего в храме находится семь частиц мощей святых. В храме также есть две чудесным образом обновившиеся иконы: Спас Нерукотворный, переданный приходу жителем Ханты-Мансийска в 1997 г. в виде темной доски, но впоследствии прояснившийся, и образ Трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, переданный жителем деревни Цингалы в конце 1990-х в виде почерневшей доски и преобразившийся в 2015 г.

Выводы

Возрождение общинно-церковной жизни в Ханты-Мансийске стало возможным в конце 1980-х годов и произошло «снизу», по инициативе активных верующих женщин во главе с Анной Васильевной Медведевой. Инициатива была деятельно поддержана тобольским миссионером, иеромонахом Зосимой (Горшуновым), который стал первым священнослужителем новообразованного Знаменского прихода. При нем приход обрел свой новый храм в 1995 г.

Первым официальным настоятелем храма в 1996 г. стал иерей Сергей Кравцов. В течение 16 лет его деятельности было построено три храма, образовано Сестричество милосердия, создан православный детский сад и православная гимназия, осуществлялась масштабная просветительская и культурно-массовая деятельность.

Вторым настоятелем Знаменского храма в 2012 г. стал иерей Леонид Бартков. При нем была проведена масштабная реконструкция здания воскресной школы, осуществлен ремонт храма, созданные ранее формы работы обрели новое дыхание, были усилены, расширены и дополнены.

С 1990 г. по 2011 г. приход входил в состав возрожденной Тобольской епархии по главе с владыкой Димитрием (Капалиным); с 2011 г. по настоящее время входит в состав Ханты-Мансийской и Сургутской епархии во главе с владыкой Павлом (Фокиным).

Ныне община Знаменского храма г. Ханты-Мансийска является одной из самых заслуженных и известных в Ханты-Мансийской епархии. В ней продолжают молиться и трудиться представители всех поколений православного народа. Отраднo, что среди знаменских прихожан все еще остаются православные ветераны-долгожители, носители исторической памяти прихода, стоявшие у самых истоков возрождения церковной жизни в городе.

Список источников и литературы

1. АУДИО. Отец Зосима о своей жизни. URL: [http:// https://clck.ru/3Mrj3Y](http://https://clck.ru/3Mrj3Y) (дата обращения 12.03.2025 г.).
2. Возрождение Православия в Ханты-Мансийске: свидетельства участников. Рукопись. Ханты-Мансийск, 2025 г.
3. Город Солнца: к 435-летию города Ханты-Мансийска. URL: <https://clck.ru/3MrjE7> (дата обращения 08.03.2025 г.).
4. Карманова Е. Рассказ Степаниды. URL: <https://clck.ru/3MrjdH> (дата обращения 15.03.2025 г.).
5. Лопарев Х.М. Самарово. Село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997.
6. Павел (Фокин), митр. Русская Голгофа: Политические репрессии в Югре. М., 2022.
7. Поливанова С. Вера в опале: по страницам газеты «Новости Югры». Ханты-Мансийск: Ред. газ. «Новости Югры», 2009.
8. Поливанова С. Свет Христов на Перековке: об архимандрите Парфении (Невмержицком) и его служении на Ханты-Мансийской земле. URL: <https://clck.ru/3Mrjs9> (дата обращения 02.04.2025 г.).
9. Поливанова Светлана Храм разломать, покойников выкопать, построить рыбокомбинат. Как сносили Покровский храм в Самарово. URL: <https://clck.ru/3Mrjxc> (дата обращения 04.04.2025 г.).
10. Санталова О. Знамение милости Божией. Освящению храма иконы Божией Матери «Знамение» 20 лет. Ханты-Мансийск, 2015.
11. Семенов В. «Строительство собора – работа всегда штучная». Воспоминания храмостроителя о возрождении Православия в Ханты-Мансийске. URL: <https://clck.ru/3Mrk9b> (дата обращения 12.04.2025 г.).
12. Трибушный Д., диак. «Верою побеждается все». О жизни архимандрита Парфения (Невмержицкого). URL: <https://clck.ru/3MrjUN> (дата обращения 04.03.2025 г.).

*T.A. Borozonets
Khanty-Mansiysk, Russia*

THE REVIVAL OF ORTHODOXY IN KHANTY-MANSIYSK: THE PARISH OF THE CHURCH IN HONOR OF THE ICON OF THE MOTHER OF GOD «THE SIGN» (ZNAMENIE)

Abstract. This article is devoted to the history of the revival and formation of Orthodox church life in the capital of the Yugra region from the late 1980s to the present. The narrative is set within a broad historical context, beginning with an overview of the history of Samarovo and Khanty-Mansiysk, the old Intercession (Pokrovsky) Church, and the lost church icon of the Mother of God "The Sign" (Znamenie). Particular attention is paid to the persecution of the faith and the confessional feat of Orthodoxy during the Soviet period in Khanty-Mansiysk. The history of the establishment of the first parish in Khanty-Mansiysk after the atheistic era is clearly traced from 1989 to the present day. During this time, the Znamenie parish community has become the mother

community for all subsequent church parishes in the city, a base for missionary, educational, charitable, and cultural activities, and an integral and significant part of the spiritual, moral, and cultural life of Yugra.

Keywords: Soviet persecution of faith, revival of Orthodoxy, parish of the Church of the Icon of the Mother of God «The Sign» (Znamenie), Hieromonk Zosima (Gorshunov), Priest Sergiy Kravtsov, Priest Leonid Bartkov, Tobolsk Diocese, Khanty-Mansiysk Diocese, Metropolitan Dimitri (Kapalin), Metropolitan Pavel (Fokin).

About the author: Taras A. Borozonets, PhD in Philosophy, PhD in Theology, Yugra State University, Cleric of the Znamenie Church in Khanty-Mansiysk, Priest, Khanty-Mansiysk, Russia, tary_bary@mail.ru.

**РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В РАСПРОСТРАНЕНИИ И УТВЕРЖДЕНИИ
ХРИСТИАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII–XIX
ВВ. (НА ПРИМЕРЕ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЛОФЕЯ
ЛЕЩИНСКОГО И ПРОТОИЕРЕЯ П.А. ПОПОВА)**

Аннотация. Статья раскрывает роль православных миссионеров: митрополита Филофея (Лещинского) и протоиерея П.А. Попова в распространении и утверждении христианства на территории Севера Западной Сибири в XVIII–XIX вв. Изучены особенности организации и трудности миссионерских поездок. Автором приводится статистика населенных пунктов, посещенных миссионерами, их маршрут. Анализируется материальное обеспечение миссионеров, необходимое для осуществления ими проповеднической деятельности на Севере Западной Сибири.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, митрополит Филофей Лещинский, протоиерей П.А. Попов, Обдорский край, Тобольская епархия.

Сведения об авторе: Лаптенюк Марта Дмитриевна, 3 курс бакалавриата, историческое образование (педагогическое образование), Нижевартовский государственный университет, г. Нижевартовск, laptенок05@inbox.ru

Православная вера всегда была средством повышения нравственности общества, она способствовала его объединению на основе общего мировоззрения. Благодаря православной вере, основанной на любви к ближнему, почтительному отношению к взрослым люди становились культурнее, искоренялись их пороки.

Одним из способов распространения религии было миссионерство. Оно предполагало продвижение христианства на территории своего государства (внутренняя миссия) или за его пределами (внешняя миссия). Целью миссионерства являлось приобщение людей к вере, просветительское служение Церкви, проповедь Евангелия, передача нравственных установок, культурно-созидательная работа (образование, письменность, книжность и многое другое). В результате просвещения людей «светом Христовым» наблюдалось избавление их от пагубных привычек, повышение уровня нравственности населения и его объединение на религиозной основе.

В современном мире наблюдается тенденция снижения духовности, наличие привычек, наносящих вред ментальному и физическому здоровью человека, потеря многими людьми смысла жизни. Христианская миссия и проповедь Евангелия способствуют нравственному оздоровлению общества, духовному совершенствованию человека, обретению душевного равновесия и поэтому являются актуальными и на сегодняшний день.

Утверждение христианства в любой период и на любой территории сталкивалось с трудностями разного характера. Особенно это относится к Сибири, где препятствиями для проповедников служили суровые природно-климатические условия, языковой барьер, особый кочевой уклад жизни местного населения. Специальный интерес представляет анализ материалов Духовной миссии в Обдорске, крайнем северном поселении Тобольской епархии в дореволюционный период. Изучение различных аспектов ее истории позволяет понять особенности взаимоотношений просветителей миссионеров и коренных народов края – носителей различных культур в условиях начавшихся модернизационных процессов, механизмы влияния на традиционный жизненный уклад хантов и ненцев.

В качестве основных источников использованы работы Г.А. Новицкого, сопровождавшего Филофея Лещинского в его миссионерских поездках, а также путевые журналы настоятеля Обдорской миссии протоиерея П.А. Попова.

Тема миссионерской деятельности Русской православной церкви на севере Тобольской епархии нашла отражение в работах дореволюционного историка А.И. Сулоцкого [11; 14; 16; 17]. В своих научных трудах он обращает внимание на жизнь и деятельность митрополита Филофея (Лещинского), раскрывая такие вопросы как управление им Тобольской епархией, способы улучшения материального положения духовенства, миссионерские поездки, воздвижение новых церквей и их украшение, улучшение внутренней организации управления сибирской церкви (внедрение определенных правил для духовенства).

Тема миссионерства на территории Обдорского края в XIX – начале XX вв. рассмотрена в работах Ю. Морозова, Р.Ш. Мавлютовой, В.Я. Темплинга, С.Н. Щербич, О.П. Цысь [1; 2; 3; 8; 18;19; 20;21;22]. Исследователи обращают внимание на историю и организацию миссии, методы наблюдения за «новокрещенными», деятельность миссионеров и их роль по налаживанию контактов и межконфессиональных связей среди коренного населения Сибири. Отдельные сюжеты истории Обдорской миссионерской деятельности середины XIX века связаны с личностью священника Петра Александровича Попова. Так, С.Н. Щербич, В.Я. Темплинг отмечают, что благодаря его «неустанной многолетней работе» был заложен в 40–60-е гг. XIX века «фундамент» Обдорской миссии. Они также считают, что, тем не менее, личность священника и его роль в миссионерской деятельности «не получили достаточного освещения и оценки в историографии» [22, с. 141].

Миссионерские поездки на территорию Севера Западной Сибири одним из первых совершил Филофей (Лещинский (в схиме Феодор)) –митрополит Сибирский и Тобольский. Он родился в Малороссии в 1650 г., образование получил в Киевской академии. После обучения вступил в брак и стал священником. Но после того, как овдовел, постригся в монашество в Киево-Печерской Лавре. За добросовестное отношение к делам и распорядительность он стал экономом Лавры.

В 1700 г. перед Варлаамом (Ясинским) появилась задача «поискать в малороссийских городах и монастырях из архимандритов и игуменов или иных знаменитых иноков человека не только доброго и благого непорочного жития, но и ученого, дабы он, будучи митрополитом в Тобольске, мог, Божиюпомощию, исподволь, в Китае и в Сибири, в слепоте идолослужения закоснелых человек приводить в познание истинного Бога» [Цит. по: 11, с. 7]. После длительного поиска ему удалось найти нужного человека для занятия поста митрополита. Им стал Филофей Лещинский. 4 января 1702 г. Святитель Филофей был посвящен в сан митрополита [23, с. 2].

Не менее интересной личностью, совершавшей миссионерские поездки на территорию Западной Сибири, был священник П.А. Попов. Он родился в 1825 г. в Тобольске в семье священнослужителя [7, с. 566]. С детства жил «среди остяцкого и самоедского народа, знакомясь здесь с их жизнью и наречием». Окончив образование и приняв сан священника, П.А. Попов отправился в Обдорский край на северную окраину Западной Сибири, где служил и активно занимался миссионерской деятельностью на протяжении 22 лет: с 1846 по 1868 гг. [5, с. 248]. Однако настоятелем Обдорской миссии стал лишь с 1854 г. [5, с. 250]. С 1868 г. П.А. Попов переведен на службу в Тобольск: сначала в Иоанно-Введенский женский монастырь, а затем в Воскресенскую церковь. Он составил «Словарь остяцко-самоедского языка», а в 1887 г. перевел на хантыйский («остяцкий») язык «Евангелие от Матфея» [1, с. 31–35]. Скончался в сане протоиерея 6 июня 1888 г. [7, с. 566–567].

История Обдорской миссии берет свое начало еще в 1828 г. 24 декабря Св. Синод издает указ «Об учреждении в Тобольской и Казанской епархиях миссионеров для обращения в православие инородцев» [8, с. 6]. За первый период существования миссии

(июнь 1832 – март 1833 гг.) было крещено только 17 человек. Причиной неудачи являлось противодействие со стороны «инородческой общины» [8, с. 7]. В итоге, миссия была прекращена. Возобновилась она лишь в 1854 г. при настоятеле П.А. Попове [8, с. 7].

По приезде в Тобольск, Филофей Лещинскому пришлось в одиночку управлять епархией, что было затруднительно из-за ее размеров: «Словом, Тобольская епархия тогда была растянута на пространстве слишком 300,000 квадр. миль, на котором в настоящее время существует почти 8 епархий», – отмечал А.И. Сулоцкий [11, с. 9]. Несмотря на все сложности, Филофей Лещинский старался улучшить состояние епархии. Он не раз обращался с просьбой к Петру I, чтобы тот выделил необходимые средства на строительство новых церквей, учебных заведений и их обеспечение. Зачастую большинство просьб удовлетворялось. Так, например, «в Тобольске при архиерейском доме, для образования духовного юношества и отчасти для обучения новокрещенских инородческих детей, была открыта Славяно-русская школа» [15, с. 362]. Помимо материального улучшения состояния епархии Святитель Филофей занимался религиозным воспитанием общества и духовенства: проповедовал Евангелие, вводил определенные требования для священнослужителей. Можно выделить следующее: во-первых, он восстановил Тобольский архиерейский дом на исходатайствованные у государя деньги; во-вторых, в период его управления в епархии было построено большое количество храмов с целью привлечения населения к православию: «число 160 церквей, существовавших при вступлении его в управление Тобольской епархией чрез 21 год по оставлении им сей епархии, является уже увеличившимся до 448» [11, с. 7]; в-третьих, святитель всегда следил за красотой храмов: воздвигались иконостасы, появлялись новые яркие иконы; в-четвертых, митрополит Филофей попросил у Петра I средства на обеспечение духовенства, в результате чего им начало снова выплачиваться жалованье, а священнослужителям в сельской местности стали выделяться пахотные земли.

Помимо этого, был введен еще свод правил, касающийся представителей духовенства и проведения ими богослужений. Одними из требований были: 1) обязанность священнослужителей обучать население основным молитвам: «Символу Веры», «Отче наш» и др.; 2) готовить просфоры из хорошей муки и обязательно ставить на них печать в виде четырехконечного креста; 3) священникам совершать богослужения в трезвом виде и др. Введение этих правил, строительство и украшение церквей, появление новых учебных заведений говорят о стремлении митрополита Филофея обучить людей основам православной веры и распространить ее на территории Тобольской епархии.

Одним из важнейших направлений его деятельности являлось также и миссионерство. Первыми, к кому отправился схимонах Федор, были Тобольские «остяки» Обского Севера. До принятия православия их верой являлось язычество. Они поклонялись множеству богов, делали идолов и приносили им жертвы. Если идолы им не помогали или день складывался не очень хорошо, остяки злились на них, обзывали, а те, у которых идола стояли дома, выносили их. Проведя проповедь, схим. Федор обратил внимание на беспомощность остяцких богов, в результате они сами разрешили сжечь их кумирницы. В свои первые миссионерские поездки Преосвященный в основном сжигал предметы языческого культа, а в последующие крестил всех желающих.

В 1713 г. схим. Федор поехал далее вниз по Иртышу и Оби к воспохольским, шокарским, казымским и др. остякам. Они также, послушав проповедь, отказались от языческой веры. Следующими к кому поехал преосвященный Федор были мало-атлымцы. В этой поездке вместе со схимонахом принимал участие Г.И. Новицкий, который оставил ее описание [4]. Г.И. Новицкий – один из образованных людей XVIII в., сосланный в Сибирь из-за участия в восстании Мазепы. Он сопровождал в некоторых миссионерских поездках схим. Федора, изучая при этом быт, хозяйственную деятельность коренного населения. Мало-атлымцы, по словам А.И. Сулоцкого, с радостью приняли новую веру, т. к. еще ранее главный шаман этих юрт якобы осознал ничтожность язычества и открыто произносил русские молитвы. В итоге практически все за небольшим исключением мало-атлымцы

приняли крещение. Далее миссионер и его помощники прибыли к осяткам, проживавшим около Самарово. Жители боялись смены веры, убегали и скрывались в лесах, но из-за нехватки продовольствия им приходилось возвращаться к себе домой. Осятки решили принять новую веру, считая, что так будет угодно Богу. С сильнейшим сопротивлением схим. Феодор столкнулся в среде больше-атлымцев. Они с ненавистью относились к миссионеру и православной вере: закрывали уши, не желая слушать проповеди Евангелия. Несмотря на такое неуважительное отношение, схим. Феодор продолжил проповедовать, опираясь на цитату из Евангелия «ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф. 7:8). На третий день он созвал больше-атлымцев. Благодаря терпению и крепкой вере, ему удалось с ними побеседовать и убедить в том, что не стоит так отрицательно относиться к вере и слушать враждебно настроенных людей. В результате, к радости преосвященного, многие больше-атлымцы приняли крещение. За ряд поездок 1713 г. ему удалось крестить около 3500 человек. Далее путь схим. Федора лежал в Пелым. Там он услышал историю о том, что у главного вогульского князя Сатыги заболели 2 сына, он пошел просить идолов об их исцелении, принес им жертву, но дети умерли. Воспользовавшись этим моментом, который показал ничтожность языческих богов, туда поехал схим. Федор. Но на его удивление жители не желали отказываться от своей веры, признавая ее единственно правильной. Преосвященный проповедовал Евангелие, но никто из жителей не хотел принимать крещение. Схим. Федор молился и терпеливо ждал обращения людей к истинной вере, но результата практически не было. Однако 17 марта после проведения литургии в честь Алексия Божия человека у Пелымской церкви собрались жители, желающие принять крещение. Схим. Федор крестил 200 жителей Тахтанской и около 400 Пелымской областей, а исполнив миссию «с великой радостью Просветитель сибирских инородцев поехал обратно в Тюмень».

Среди новокрещенных часто происходили исцеления от болезней, что, по мнению А.И. Сулоцкого, указывало на истинность принятой ими веры. Из-за различных чудесных историй принимали крещение все больше людей. Для крещенных схим. Феодор строил и украшал церкви и часовни. 12 июня 1714 г. он отправился к буренским осяткам, начал проповедовать Евангелие, но жители не хотели его слушать и говорили, что веру принимать не будут, так как у них уже есть вера – ислам, догмы которого их устраивают. Но проповедь все равно продолжалась. Буренские осятки, желая того, чтоб миссионеры покинули их территорию, взяли оружие и напали на помощников схим. Федора и нанесли им ранения. Старшина осятков решил убить самого преосвященного, но, когда он в него стрелял пуля не коснулась тела, а прошла сквозь него. Удивившись этому, осятки приняли крещение, всегда ждали и с радостью принимали просветителя. Через некоторое время схим. Феодор отправил своих помощников – монахов, учителей богословия к осяткам, проживавшим около г. Березова, крестить которых с первого раза не удалось. Но сейчас, слышав много историй про исцеление и видя большое количество крещенных людей на соседних территориях, они без сопротивления согласились принять христианство и истребить всех идолов. В 1715 г. схим. Федор поплыл в Нахрачевы юрты, в которых его встретили с ненавистью. Жители не хотели принимать новую веру, грозились убить миссионеров, говоря, что будут сражаться «до последней капли крови» [11, с. 50]. Но, несмотря на угрозы, миссионеры остались и проповедовали Евангелие. В результате жители этих юрт стали говорить, что могут принять новую веру, но только на своих условиях. Но так как эти требования противоречили православию, схим. Федор не стал с ними соглашаться. Это еще сильнее разгневало жителей и их старшин. Схимонах Федор безропотно и терпеливо ждал их вразумления. 15 июля в день равноапостольного князя Владимира жители решили принять новую веру: сначала к преосвященному пришли старшины Нахрачевых юрт, потом уже все остальные жители. На этот раз они не выдвигали никаких условий. Следующим местом пребывания схим. Федора были юрты на берегах Конды. Но за некоторое время до отправления, он узнал от послов Сатыги, что тот хочет устроить засаду вогуличей, чтобы убить преосвященного и его помощников. Несмотря на эту опасность, схим. Федор

отправился туда и успел добраться до берегов Конды до того, как Сатыга реализовал свой замысел. Поняв, что план не получится осуществить, Сатыга и его отряд убежали с территории Конды. В результате схимонаху Федору удалось крестить жителей данной местности. Преосвященный обладал рядом важнейших качеств: самоотверженностью, смелостью, добротой. Несмотря на постоянные угрозы его жизни, он оставался бесстрашным и продолжал проповедовать Евангелие.

Миссионерские поездки временно прекратились, т. к. Филофей Лещинский уезжал из Тюмени в Киев. Но в связи со смертью Иоанна Максимовича, который занимал пост Сибирского и Тобольского митрополита, Петр I попросил вернуться на этот пост схимонаха Федора. Последний принял эту просьбу со смирением и приехал в Тобольск. Так как Филофей Лещинский вновь стал управлять епархией, у него было значительно меньше времени для миссионерских поездок. Но это не мешало ему отправлять миссионеров для обращения язычников. Например, Антония Платковского он направил в Томск, Сургут и Нарым. Сам же схимонах Федор приезжал к «инородцам» в летнее и зимнее время в течение 1716–1720-х гг., фактически до конца своей жизни. За несколько лет он успел посетить Туруханск, Иркутск, Томск, Енисейск, др. населенные пункты. Он также продолжал крестить, рукополагать священников, строить и украшать церкви и часовни. Митрополит вел активную миссионерскую деятельность, несмотря на преклонные года и вредный для здоровья климат. Всего же ему удалось крестить более 30 тыс. сибирских «инородцев».

Спустя полтора века систематические поездки к коренным жителям Тобольского Севера были продолжены настоятелем вновь организованной Обдорской миссии протоиереем П.А. Поповым. Что важно отметить, П.А. Попов стал первым, кто начал встречаться с «инородцами» на регулярной основе, совершая длительные миссионерские поездки по местам их кочевий. Документом, раскрывающим в полной мере специфику его деятельности, являются «Путевые журналы миссионера» [8]. Они позволяют, во-первых, выявить направления и организацию миссионерских поездок; во-вторых, рассмотреть сложности и успехи миссионера в проведении бесед с хантами на религиозные темы; в-третьих, подсчитать количество «инородцев», участвовавших в таинствах церкви, а также проследить, как менялось число таких людей с течением времени; в-четвертых, охарактеризовать личные качества миссионера, его отношение к делу просвещения.

На основе путевых журналов священника П.А. Попова нами составлены таблицы, отражающие маршруты его поездок и результаты проведенной миссионерской работы (См.: Таблицы 1, 2).

Таблица 1

**Населенные пункты и местности, посещенные
св. П.А. Поповым во время миссионерских поездок**
[Составлено по: 6, с. 13–20, 21–25, 45–51, 52–60, 77–87, 96–100]

<i>Год</i>	<i>Населенные пункты и местности</i>
1860	«Тундры приуральские»; юрты – Холтыпугольские, Кеухат-пугольские, Вульпастинские, Воксарковы (100 верст от Обдорска); ватага Гылымподина; речной остров Нангинский, Индейский остров Обской губы, остров Яров (260 верст от Обдорска), мыс Хаманел (350 верст от Обдорска).
1861	юрты – Воксарковы, Ендырские, Вульпастинские, Неуттинские; тундры Тазовской губы и Полуденной горы, Янгутт.
1863	берега Оби, верховья рек Полуя и Куновата, Уральский хребет, Енисейская губа; кочевья - Нангинское, Неуттинское; юрты –Вульпастинские, Воксарковские и юрты по реке Надым.
1866	кочевья – Кеухато-Пугольское, Казымское, Варкуттинское, Ямбуриинское, Нангинское; юрты – Воксарковские, Вульпастинские, речной остров Нюмзи, Янгутт, Неуттинский залив.
1867	кочевья – князя Тайшина, Холтыпугольское, Нирги, Ямпольское, Обчая; юрты – Собские, Воксарковы; речной остров Нангинский, мыс Хаманел.

1868	Шурышкарские, Атлярские, Войкарские, Вандязские юрты и др. территории.
------	--

Документы не позволяют выявить определенный маршрут миссионера, по которому он разъезжал постоянно. Некоторые географические названия встречаются в записях миссионера лишь единожды и более не повторяются. Так, например, в журнале за 1861 г. говорится о посещении им Ендырских юрт в Котской инородческой волости Березовского округа, а в остальные годы эта местность, расположенная далеко на юг от Обдорска, не упоминается. Аналогичная ситуация повторяется и с некоторыми другими населенными пунктами, такими как Атлярские, Вандязские юрты и др. Также в отчетах отсутствует четкая последовательность посещения миссионером разных территорий. Первые и последние посещенные местности в отчетах практически нигде не совпадают. Все это не позволяет определить точный маршрут миссионера. Единственное, что можно отметить – территории, которые священник посещал наиболее часто. Такими являются юрты Вульпастинские, Воксарковы, Янгутт.

Как видно из приведенных топонимов, миссионерские путешествия охватывали огромные территории: местности южной части полуострова Ямал – от с. Обдорского до Полярного Урала (Уральского хребта) на западе и Тазовской губы на востоке, верховья Куновата, Таза и Полуя, верхнее течение Оби. Подобного рода дальние маршруты были связаны с перекочевками ненцев, юртовыми поселениями остяков. Систематически посещались районы в радиусе до 300 верст от Обдорска.

Путевые журналы миссионера за 1860–1861 гг. показывают, что пребывание миссионера на разных территориях отличалось по длительности и составляло от нескольких дней до месяца. Практически в каждой местности, где останавливался свящ. П.А. Попов, он сначала проповедовал христианское учение «об Едином Боге», затем для тех, кто изъявил желание принять крещение, проводил таинство крещения и «удерживал» на 3 дня для утверждения их в православной вере, после чего благословлял каждого иконой и отпускал [8, с.13–20; 21–25].

В журнале за 1866 год сообщается тот факт, что П.А. Попова «стечение остяков и самоедов в Обдорске для положения ясака» задержало в селе, а с другой стороны – образовавшийся «необычайный наст, бывший причиною значительного упадка оленей, делали поездку в тундры невозможною» [6, с. 52]. Первый свой выезд по кочевьям «инородцев» миссионер совершил лишь 1 июля этого года. Остановки на указанных в таблице № 1 территориях составляли в основном 3 дня, но встречаются и такие местности, где миссионер проповедовал чуть дольше – от 4 до 6 дней. Несколько раз в юртах совершался крестный ход [8, с. 52–60].

Журнал за март – ноябрь 1867 г. позволяет сделать выводы, что длина остановки колебалась от 1 до 8 дней; на каждой территории миссионер произносил проповеди и отправлял богослужения, лишь в некоторых стойбищах – крестные ходы и молебны [8, с. 77–87].

1868 год – последний в миссионерской деятельности священника П.А. Попова на территории Обдорского края. Но, несмотря на это, журнал за этот год является не менее насыщенным, чем другие. Миссионеру-проповеднику удалось привлечь аборигенов к богослужению и проповеди с целью их просвещения [8, с. 96–100].

В чем причины длительных остановок миссионера в тех или иных селениях? Ответ на этот вопрос можно найти в путевых журналах. Так, в источнике за 1860 г. миссионер указывает на то, что в январе он «предпринял поездку к новообращенным», но задержался из-за того, его проводник плохо знал местность [8, с. 14]. В этом же году, в июле, в Нангинском кочевье «значительное число обитателей, большая часть которых уже окрещенных, побудила остановиться на более продолжительное время» из-за желания участвовать в богослужениях, познавать христианскую веру [8, с. 58]. Также встречаются случаи, когда миссионеру приходилось переждать некоторое время из-за непогоды [См.,

напр.: 8, с. 81]. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что маршруты зачастую не повторяются ежегодно, а некоторые населенные пункты посещались за все время лишь однажды.

Причин этого опять же следует выделить несколько. Одна из них – враждебность населения. «Зверский вид, злобная недоверчивость и грубое обращение достаточно свидетельствовали, что пребывание наше небезопасно для нас...», – писал П.А. Попов о встрече с самоедами, кочевавшими у Енисейской губы [8, с. 46]. В дальнейшем миссионер старался избегать подобных встреч. Еще один фактор – особенности быта «инородцев», проявлявшиеся в тесноте, грязи и неприятном запахе в хантыйском жилище, что доставляло неудобства священникам [8, с. 97–98]. Некоторые селения, особенно «кочевья низовых самоедов», располагались в значительном удалении от Обдорска, в труднодоступных по транспортным возможностям районах, таких как Приполярный Урал, что также служило объективным препятствием для путешественника.

Посещение тех или иных территорий миссионером было в основном целенаправленным. В «Журнале» миссионер четко указывал, куда он собирается ехать. Но при этом свящ. П.А. Попов не всегда имел возможность следовать этому готовому плану, т. к. случались непредвиденные обстоятельства. Так, например, священник случайно попал в 1868 г. в Шурышкарские юрты из-за начавшегося ненастья [8, с. 97].

Конкретные результаты деятельности миссионера во время поездок могут быть выражены в следующих цифрах (см. Таблица 2).

Таблица 2

**Совершение христианской обрядности
св. П.А. Поповым во время миссионерских поездок**

[Составлено по: 6, с. 13–20, 21–25, 45–51, 52–60, 77–87, 96–100]

Год	Крещено	Исповедано	Причащено	Заклучено браков (венчано)	Отпето	Погребено
1860	-	23	23	2	-	-
1861	53	-	12	5	-	-
1863	33	27	55	4	2	
1866	30	75	143	3	-	-
1867	20	100	154	3	4	1
1868	4	289	339	-	-	-
Всего:	189	514	726	17	17	1

Нужно отметить, что приведенные в Таблице 2 статистические данные отражают результаты работы миссии за ограниченный период. Так, П.А. Попов в своем отчете за 1863 г. отмечает, что «с 1855 года идолопоклонников просвещено за 300 человек обоего пола» [8, с. 51]. Это значит, что в период 1855–1868 гг. было крещено более 459 человек. Вероятно, количество людей, принимавших участие в таинствах церкви, было гораздо больше, т. к., во-первых, миссионерские отчеты 1854–1859 гг., за 1862, 1864, 1865 гг. отсутствуют, а священник П.А. Попов указывает лишь на примерное количество просвещенных людей с 1855–1863 гг.; во-вторых, в дневнике миссионера описаны такие ситуации, когда «инородец» изъявил желание принять христианскую веру «со всем семейством», а количество человек в «Журнале» не указано и другие подобные случаи. Все это не позволяет сделать точных подсчетов о количественных показателях миссионерской деятельности миссионера П.А. Попова. Но все же, можно предположить, что за 2-й этап Обдорской миссии обращено в православие было примерно в 27 раз больше, чем в первый (17 чел.).

Кроме того, анализ миссионерских журналов свящ. П.А. Попова позволяет сделать еще ряд выводов.

1) На начальном этапе было важно окрестить как можно больше «инородцев», в дальнейшем на первый план выходило отправление христианской обрядности для

новообращенных, о чем наглядно свидетельствуют показатели таблицы № 2. Причем на первом месте находилось причащение Св. Таин. Заключение браков (венчание), а также отпевание и погребение не играло значительной роли в обрядности и традициях «инородцев».

2) Характерным признаком для всех миссионерских поездок свящ. П.А. Попова является ненасильственный метод распространения христианства, внимание миссионера к просвещению, использованию «инородческого» языка в произнесении проповедей и совершении таинств.

Во время поездок миссионеры нередко сталкивались с трудностями разного характера. Так, например, Филофей Лещинский не только встречался с сильнейшим сопротивлением, но и находился на грани смерти. Приведем примеры. Буренские остяки, желая того, чтоб миссионеры покинули их территорию, взяли оружие и напали на помощников схим. Федора и нанесли им ранения. Старшина остяков решил убить самого преосвященного, но, когда он в него стрелял пуля не коснулась тела, а прошла сквозь него. В 1715 г. схим. Федор поплыл в Нахрачевы юрты, в которых его встретили с ненавистью. Жители не хотели принимать новую веру, грозились убить миссионеров, говоря, что будут сражаться «до последней капли крови» [11, с. 50]. Однако Филофею Лещинскому удалось преодолеть все эти трудности.

Можно также выделить трудности, с которыми сталкивался свящ. П.А. Попов. К ним следует отнести суровые природно-климатические условия Обдорского края, непонимание со стороны коренного населения и нежелание их принимать христианскую веру, а также особенности быта «инородцев», которые доставляли дополнительные неудобства священнику, недостаток материальных средств [8, с. 51]. Из этого вытекает еще одна особенность организации Обдорской миссии, на которую обращают внимание С.Н. Щербич, Я.В. Темплинг – отсутствие достаточного количества финансов для осуществления успешной миссионерской деятельности [22, с.142].

Помимо вышеперечисленных неприятностей, можно отметить холодный прием миссионера «инородцами», а иногда и вовсе ненависть по отношению к нему. Так, в журнале за 1860 г. свящ. П.А. Попов обращает внимание на «нерадушное приветствие остяков-язычников по внушению их шаманов» [8, с. 15]. Если в данном случае миссионер указывает лишь на холодность к нему «инородцев», то в отчете за 1863 г. он пишет о зверском виде, злобной недоверчивости и грубом обращении «низовых самоедов» к миссионеру, отношение которых, как он считает, могло угрожать его жизни [8, с. 46]. Также свящ. Петр Попов указывает в одном из своих миссионерских отчетов на грязь, тесноту, отвратительный запах и холод в некоторых юртах Обдорского края [8, с. 97–98].

Все это негативно отражалось на миссионерской деятельности свящ. П.А. Попова. Тем не менее, он добросовестно относился к своему делу. Несмотря на некоторые неприятности, ему все же удалось улучшить отношения с местным населением и совершить несколько десятков выездов по тундрам и кочевьям. Так, если в начале своей миссионерской деятельности свящ. П.А. Попов встречал равнодушие со стороны коренного населения, то через некоторое время в путевых заметках можно найти свидетельства, о том, что «инородцы» ждали его и волновались за него. Доказать данный тезис позволяет отчет священника за 1868 г., в котором он отмечает, что сильно заболел, а местные жители очень переживали из-за чего «не отходили» от него «весь почти день» [8, с. 96]. П.А. Попов помогал «инородцам» во время «гортанной болезни», раздавая им лекарство – «деревянное масло», которое способствовало их выздоровлению и тем самым располагало к миссионеру.

Еще одним не менее интересным аспектом является организация миссионерских поездок. Наиболее подробно эта информация раскрыта в путевом журнале свящ. П.А. Попова.

Во исполнение Синодального указа Тобольская духовная консистория выпустила свой собственный, в котором, прежде всего, обратила внимание на то, что «некрещеные остяки и самоеды есть только в приходе Петропавловской церкви, стоящей вниз по течению

Оби, самой последней к Ледовитому морю и живущие здесь некрещенные инородцы постоянного жительства не имеют». Исходя из этого, была учреждена должность миссионера Обдорской церкви, в обязанность которого входили постоянные разъезды по «чумам инородцев» и их обращение к христианской вере. Одновременно и на приходского священника также были возложены отдельные миссионерские обязанности. Таким образом, предполагалось, что священник и миссионер поочередно будут выезжать в миссионерские поездки и вместе с тем, всегда кто-то будет проживать в Обдорске при церкви, совершать необходимые миссионерские действия, особенно в период массового приезда «инородцев» в поселок для сдачи ясака.

Для осуществления богослужений была необходима походная церковь. В Обдорской миссии она появилась в 1854 г. В путевых заметках свящ. П.А. Попова часто упоминается ее использование во время богослужения в «полевых условиях».

Г.Ш. Мавлютова ссылается на описание походной церкви, приводимое иером. Иринархом Шемановским. Передвижная церковь выглядела следующим образом: «палатка из ревендута с ревендутовой такой же крышей, на железных дугах, удобно расположенных по местам, где предположено совершать в ней Богослужение; вся с алтарем длиной 15 аршин, шириной 6 аршин (приблизительно 11 метров на 4,5 метра). В ней иконостас из легких складных брусков, иконы, как в нем, так и в алтаре, писанные на полотне, все на подрамниках, вместе с иконостасными брусками, окруженными зеленым цветом; всех икон живописных 14, сверх того на царских вратах Всевидящее око и над престолом Святой Дух в виде голубя, резной из дерева, посеребренный; иконостас по местам позолоченный» [2, с. 78–79]. В.Я. Темплинг обращал внимание на внешний вид походной церкви. Так, ученый отмечал, что она практически не отличалась от «чума» коренного населения, указывает на наличие колокола, прикрепленного к походной церкви, собиравшего жителей на молитву [8, с. 8]. Таким образом, походная церковь была компактна, удобна в транспортировке, ее можно было перевозить как на лодке летом, так и на нартах зимой, на население она производила необходимое впечатление и являлась действенным орудием христианской проповеди.

Не менее важным в организации миссионерской деятельности в ямальских тундрах являлось наличие у свящ. П.А. Попова оленьего стада («до 400 и более голов»), помогавшего ему в передвижении по территории Обдорского края на нартах [20, с. 146]. Еще одним транспортным средством была лодка, на которой летом путешествовали миссионер, гребцы и походная церковь [19, с. 103].

С.Н. Щербич обращает внимание на еще одну особенность деятельности свящ. П.А. Попова. Она отмечает, что миссионер «как правило», «в весенне-осенний период» ночевал в лодке, а «в зимнее время – в юртах у крещенных инородцев» [20, с. 146].

Но в то же время миссионер П.А. Попов сообщает, что походная церковь не принесла той пользы, на которую он рассчитывал, т.к. это было непрочное сооружение, которое следовало беречь от непогоды, сильного ветра. По данной причине богослужения могли прерываться или откладываться. Так, в журнале за 1863 г. он обращает внимание на «необыкновенный дождь при порывистых ветрах», из-за которого приходилось останавливать богослужение и охранять походную церковь от повреждений [8, с. 49]. Далее в путевых заметках за 1866 г. миссионер указывает на противный сильный ветер, а также на «необычайный наст, бывший причиною значительного упадка оленей» [8, с. 52, 58]. В журнале за 1868 г. обращается внимание на мороз и вьюгу, из-за усиления которых он сбился с пути [8, с. 97].

Миссионерство – деятельность, направленная на распространение христианского вероучения. Крайне тяжело было распространять веру на территории Сибири, так как миссионерам приходилось сталкиваться с суровыми природно-климатическими условиями, языковым барьером, сопротивлением среди народа и др. Большой вклад в становление миссии на Севере Западной Сибири внесли 2 ярких личности: митр. Филофей (Лещинский) и свящ. П.А. Попов. Анализ сочинений Г.И. Новицкого и А.И. Сулоцкого, посвященных

жизнеописанию и миссионерской деятельности митрополита Филофея, показывает, что преосвященный предстает перед нами как смиренный, терпеливый, трудолюбивый и добрейший архипастырь, грамотно управлявший огромной Сибирской и Тобольской епархией. Он не заставлял насильно принимать веру, жители сами желали принять крещение, благодаря его проповеди, а также Божественному провидению. Филофей (Лещинский) старался искоренять пороки населения, рассказывая им поучительные наставления и истребляя идолов. Это во многом повлияло на духовную жизнь сибирских «инородцев» и значительно уменьшило количество их пагубных привычек.

П.А. Попов внес значительный вклад в становление Обдорской миссии. На опробованную им практику поездок опирались в дальнейшем другие настоятели миссии. Его неустанная многолетняя работа, преданность миссионерскому делу, крепкая вера, ревностное служение и сильная любовь к «инородцам» позволяли преодолевать различные неприятности и трудности, с которыми ему приходилось не раз сталкиваться.

Список источников и литературы

1. Из истории Обдорской миссии: Источники. Тюмень: МандриКа, 2004. 288 с.
2. Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири в XIX – начале XX века. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2001. 171 с.
3. Морозов Ю. Ямал: грань веков и тысячелетий: попул. иллюстр. очерк истории края с древнейших времен. Салехард: Артвид, 2000. 654 с.
4. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 г. / Под ред. Л.Н. Майкова. СПб.: О[-во] [любителей] [древней] [письменности], 1884. VI, 116 с.
5. Памяти протоиерея П.А. Попова // Тобольские епархиальные ведомости. 1888. № 11–12. Отд. неофиц. С. 247–253.
6. Пивоваров Б. Протоиерей Александр Сулоцкий. Его жизнь и труды по церковной истории Сибири // Журнал Московской патриархии. 1985. № 6. С. 11–20.
7. Попов Петр Александрович // Русский биографический словарь. Под ред. Половцева. СПб., 1905, Т.14. С. 565–567.
8. Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.) / Сост. и коммент. В. Темплинг, вступ. ст. и коммент. С. Турова. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2002. 224 с.
9. Русские писатели-богословы: библиографический указатель / Российская гос. б-ка, Новоспасский монастырь; [сост. А. С. Чистякова и др.]. М.: Пашков дом, 2001. 481, [1] с.
10. Сулоцкий А.И. Архиепископ Евгений (Казанцев) как архипастырь Тобольский // Сочинения. В 3 тт. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. Т. 2. 496 с.
11. Сулоцкий А. Житие Святителя Филофея, митрополита Сибирского и Тобольского. Изд. 3-е испр. и доп. М.Д. Усова. Шамордино, Калуж. губ.: Тип. Казанской Амвросиевской женской пустыни, 1915. 71 с.
12. Сулоцкий А.И. Описание краткое всех церквей, существующих в г. Тобольске и пространное Тобольского Софийского собора. М.: тип. Александра Семена, 1852. 100, III с.
13. Сулоцкий А.И. Описание наиболее чтимых икон в Тобольской епархии, а частью и в прочих сибирских епархиях. СПб.: тип. дух. журн. «Странник», 1864. [4], 122, II с.
14. Сулоцкий А.И. Святитель Филофей, митрополит Сибирский и Тобольский, просветитель сибирских инородцев. 2-е изд., испр. и доп. Омск: Тип. Акмол. обл. правл., 1882. 46 с.
15. Сулоцкий А. Сочинения в трех томах: Т. 1. О церковных древностях Сибири / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. 480 с.
16. Сулоцкий А.И. Тобольские и томские архипастыри (или краткая история Тобольской и томской иерархии). Омск: тип. Окр. штаба, 1881. [2], II, 25 с.

17. Сулоцкий А. Филофей Лещинский, митрополит Сибирский и Тобольский // Временник Московского о-ва истории и древностей российских. 1854. Кн. 20. С. 1–56.
18. Цысь О.П. К истории создания и упразднения Обдорской миссии в 20-х–30-х гг. XIX в. // Вестник угроведения. 2017. №4(31). С. 158–167.
19. Цысь О.П. Поездки приходских священников и миссионеров Тобольского Севера как форма взаимодействия власти и общества в синодальный период истории Русской православной церкви // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2019. № 3. С. 94–107.
20. Щербич С.Н. Пространство в путевых описаниях миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 143–148.
21. Щербич С.Н. Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.): анализ публикации источников // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 154–163.
22. Щербич С.Н., Темплинг В.Я. П.А. Попов – основатель Обдорской миссии // Православие и русская культура: прошлое и современность: Материалы международной науч.-практ. конф. (19-(24)21 мая 2011 г., г. Тобольск) / отв. ред. Т.А. Кибардина, Т.Ю. Никитина. Тобольск, 2011. С. 140–145.
23. Челобитная митрополита сибирского и тобольского, Филофея Лещинского, Петру Великому и ответ сего государя на нее // Сообщ. протоиерей Александр Сулоцкий. (Июнь, 1863 г., Омск). [Москва, 1863]. 40 с.

M.D. Laptенок
Nizhnevartovsk, Russia

**THE ROLE OF THE PERSONALITY IN THE SPREAD AND ESTABLISHMENT
OF CHRISTIANITY IN THE TERRITORY OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA
IN THE 18TH–19TH CENTURIES (BASED ON THE EXAMPLE OF THE
MISSIONARY ACTIVITIES OF FILOTEY LESHCHINSKY AND ARCHPRIEST P.A.
ПОПОВ)**

Abstract. The article reveals the role of missionaries: Metropolitan Philotheus Leshchinsky and Archpriest P.A. Popov in the dissemination and establishment of Orthodox Christianity in the territory of the North of Western Siberia in the 18th–19th centuries. The features of the organization and difficulties of missionary trips are studied. The statistics of the settlements visited by the missionaries and their route are provided. The material support of the missionaries necessary for their preaching activities in the North of Western Siberia is analyzed.

Key words: missionary activity, Metropolitan Philotheus Leshchinsky, Archpriest P.A. Popov, Obdorsk region, Tobolsk diocese.

About the author: Laptенок Marta Dmitrievna, 3rd year bachelor's degree student, history education (pedagogical education), Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, laptенок05@inbox.ru

**ИЗ ИСТОРИИ ХРИСТИАНИЗАЦИИ БАШКИР ОРЕНБУРГСКОЙ И
УФИМСКОЙ ГУБЕРНИЙ, ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ В 1859–1917 ГГ.**

Аннотация. В статье выделены направления и охарактеризовано содержание миссионерской работы Русской Православной церкви среди башкир во второй половине XIX – нач. XX вв. Отмечено, что, несмотря на предпринимаемые усилия, результаты христианизации оказались менее ожидаемых. Среди причин названы укоренение ислама, недостаток финансирования, проблемы в организации и функционировании миссионерских школ.

Ключевые слова: Башкиры, инородческие школы, миссионерские станы, Оренбургская епархия, Православное миссионерское общество, учительские школы, Уфимская епархия, христианизация.

Сведения об авторе: Сипайлов Иван Дмитриевич, Нижневартовский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, sipaylov30@yandex.ru

Большая часть башкир в XIX–нач. XX вв. проживала на территориях Оренбургской и выделенной из ее состава в 1865 г. Уфимской губерний. Часть башкир, в незначительном количестве, мигрировала в качестве рабочих в Тургайскую область. После создания в 1859 г. Уфимской епархии, в подчинении у Оренбургской епархии остались приходы и монастыри Оренбургской губернии и Тургайской области. В вышеперечисленных территориальных единицах и была развернута деятельность с целью перехода башкир в христианство.

В дореволюционный период историческая наука смогла достаточно подробно изучить вопрос обращения в православие коренных народов Приволжья (татар, марийцев, чувашей) [см.: 39]. При этом участие башкир в данном процессе рассмотрено в меньшей степени несмотря на то, что интерес представляет ответ на вопрос, почему представители этого этноса менее остальных испытали влияние христианизации? К середине XIX века большинство башкир, принявших крещение, составляли воины башкиро-мещеряцкого корпуса, которые таким образом переходили в сословие государственных крестьян или мещан [39, с. 36].

Первым, кто взялся за изучение темы миссионерства среди башкир, стал Н. Чернавский, создавший в 1900 г. исторический труд об истории Оренбургской епархии, где упоминалось о создании Оренбургского Михаило-Архангельского братства [44]. Другим исследователем данного вопроса был Д. Кононов, в 1911 г. написавший статью об итогах первых тридцати пяти лет деятельности Оренбургского комитета Православного миссионерского общества (далее – ПМО) и, в частности, о создании миссионерских станов [8].

После долгого перерыва, в 1990-е гг. тема стала вновь изучаться историками. Показатели степени христианизации народов Южного Урала, а также действия властей по обращению в православную веру в предшествующие середине XIX в. годы представлены в исследовании Ю. Н. Сергеева [39]. Деятельность Михаило-Архангельского братства раскрыта в работе Е. М. Есиковой [7], епархиальных комитетов Миссионерского общества (Уфимского, в частности) – в статьях А. А. Шарафутдинова [см.: 45; 46]. Состояние миссионерской работы в период, когда епископом Уфимским был Дионисий (Хитров), стало основным содержанием работ Ю. В. Ергина и С. Е. Чушкиной [5]. К. В. Кузьмин [9] и Л. Я. Аминова [2] исследовали историю образовательных учреждений, а также обстоятельства подготовки педагогических кадров и нашли некоторые ответы на вопрос о причинах неудач в работе башкирских учительских школ. Д. Н. Денисов рассматривал

обстоятельства создания миссионерских станом в Оренбургской губернии и соседних областях [4].

Источниками по исследованию интересующей нас проблемы стали письма В. В. Катаринского и Н. И. Ильминского, где раскрываются проблемы в христианизации башкир, производившейся посредством распространения образования среди местного инородческого населения. Также использовались отчеты Оренбургского Михаило-Архангельского братства и Оренбургского епархиального комитета ПМО за 1892–1893, 1899, 1903–1904, 1906–1908 гг., а также другие тексты, опубликованные в Оренбургских и Уфимских епархиальных ведомостях в 1881–1912 гг. Вышеуказанные источники позволяют произвести подсчеты числа крещенных, а также учащихся – башкир.

В XIX столетии миссионерство в приуральских губерниях стало определяющим видом деятельности для основной массы приходского духовенства, в меньшей мере для монашества, осуществлявшейся под контролем епархиальных архиереев. Миссионерская деятельность начала и середины XIX в. заметно отличалась от аналогичного процесса, происходившего в XVIII столетии, когда инициатором и заказчиком подобных действий была светская власть. Духовенство перешло к преимущественно мирным формам крещения, просветительству среди нехристиан [39, с. 33].

1870-е годы ознаменовались открытием епархиальных комитетов ПМО, образованного в 1865 г. Так, 21 ноября 1875 г. при епископе Митрофане (Вицинском) епархиальный комитет учрежден в Оренбуржье.

Через несколько лет руководство Уфимской епархии выступило инициатором создания Комитета ПМО, произошедшего 21 ноября 1878 г. в Уфе в ходе собрания под председательством епископа Никанора (Бровковича) в Уфимской епархии [41, с. 121]. С момента создания Комитета значительно оживилась миссионерская работа. В 1880 и 1881 годах его деятельность была сосредоточена преимущественно на открытии инородческих училищ. Но уже с 1881 г. в Уфимской епархии началось совершение богослужения на родных языках. По вопросу недостатка в епархии духовных лиц, знающих языки местных народов, преосвященный Никанор обращался к известному педагогу, миссионеру, инспектору инородческих школ епархии Н. И. Ильминскому с просьбой рекомендовать лиц для замещения вакансий в инородческих приходах Уфимской епархии [46, с. 1–2].

С 12 декабря 1883 г. до 8 сентября 1896 г. председателем Уфимского комитета ПМО был епископ Дионисий (Хитров), бывший перед тем епископом Якутским. Именно с периодом, когда Уфимской епархией управлял владыка Дионисий, связано увеличение числа направлений миссионерской деятельности, а также наибольшая результативность работы комитета ПМО. По подсчетам С. В. Ергина, в Уфимской губернии в 1883–1896 гг. в православие перешло 263 башкира, в 1897 г. – 21 [5, с. 151–152; 42].

Владыка Дионисий в своих выступлениях отстаивал необходимость преподавания на понятном языке, говоря, что для уфимских крещеных инородцев «теперь всего нужнее православные храмы с богослужением в них на их инородческих языках; нужны священники, могущие на этих языках успешно просвещать инородцев истинами Христовой веры не только в храмах, но и в школах, и в частных жилищах, и на всяком месте» [цит. по: 45, с. 32]. Как указывает А. А. Шарафутдинов, с 1885 года основным направлением деятельности Уфимского комитета ПМО становится организация приходов в селениях крещеных инородцев и единоверцев, а также распространение грамотности в их среде. Это было связано с тем, что большинство крещеных инородцев имели крайне низкий уровень воцерковления и, будучи окруженными со всех сторон одноплеменниками-мусульманами, часто переходили в ислам или возвращались к языческим верованиям [45 с. 32].

Оживление миссионерской работы среди мусульманского населения Оренбургского края произошло в 1886–1895 гг. при епископе Оренбургском и Уральском Макарии (Троицком) (1830–1906) [1, с. 109]. Он в 1887 г. планировал создать в Оренбурге школу для обучения миссионеров, которые должны были действовать среди казахов и башкир. Однако задумка осталась нереализованной из-за отсутствия средств [15, с. 251–252].

8 ноября 1886 г. в помощь епархиальному комитету ПМО было создано Оренбургское Михаило-Архангельское братство, преследующее те же цели, что и миссионерское общество [6, с. 58; 44, с. 345]. Первоначальной и одной из важнейших (в дальнейшем) задач братства было устройство и содержание миссионерских школ и библиотек. При Акбердинском хуторе Орского уезда для чувашей и башкир была открыта школа. Большинство учеников (12 чел.) составляли чуваша. Вместе с ними из башкир обучался только один подросток [20, с. 19–20]. С 1893 г. обучение велось по программе Н. И. Ильминского, рассчитанной на четырехгодичный курс обучения чтению [20, с. 26]. Учитель Михаил Волков (чуваш, выпускник сельской инородческой сельской школы) не имел свидетельство на право учительствовать. Это было связано с малым количеством учителей церковно-приходских школ, владеющих местными языками, и скудостью денежных средств братства [20, с. 21].

Архиерей Оренбургский Макарий предлагал по примеру Томской епархии открывать в казахской степи миссионерские станы в качестве опорных пунктов для распространения и поддержания православия, где могли принимать крещение и затем проживать башкиры (помимо казахов) [1, с. 109; 8, с. 30–31]. Это намерение, в отличие от плана создания специального заведения для подготовки миссионеров, осуществилось успешно. В 1894 г. появился Макарьевский миссионерский стан, находившийся вблизи Михайловского поселка Кустанайского уезда. Там в 1908 г. была крещена башкирка. При стане существовали для взрослых новокрещенных вечерние классы (занятия, в которых оканчивались общей вечерней молитвой), где они обучались основам православной веры, молитвам. Миссионер с помощниками периодически посещали дома жителей Макарьевского стана [36, с. 394–395].

Создание миссионерских станов в Оренбургской епархии продолжилось и после назначения Макария (Троицкого) епископом Калужским в 1895 г. По указу Св. Синода от 20 апреля – 5 мая 1901 г. № 1546 было решено создать миссионерский стан в поселке Преображенского завода Орского уезда Оренбургской губернии (ныне районный центр Зилаир Республики Башкортостан). Однако при личном осмотре епископ Оренбургский Владимир обратил внимание на отсутствие в указанном месте подходящих помещений. Поэтому, по предложению Оренбургского епархиального комитета ПМО, в сентябре 1901 г. Синод разрешил временно перенести стан в Богодуховский монастырь. Преосвященный владыка назначил заведующим миссионерским станом священника Оренбургской тюремной церкви, благочинного нагайбакских приходов епархии о. Иоанна Спиридонова из старокрещеных татар Казанской губернии, окончившего в 1881 г. курс Казанской учительской семинарии [4, с. 181]. Под его руководством временно проживали и готовились к переходу в православие «по своему осознанному выбору» представители народов, в большинстве своем придерживавшихся ислама. Так, по сведениям из ежегодного отчета ПМО, в 1904 г. при стане был крещен один башкир [30, с. 483].

При оренбургском епископе (1896–1903 гг.) Владимире деятельность по обращению в православие башкир расширилась на Тургайскую область, населенную преимущественно казахами. Проповедь велась среди рабочих-мусульман Актюбинского уезда, что происходило в ходе регулярных миссионерских разъездов, бывших одним из основных способов включения в круг христиан местных жителей. Так, в 1903 г. были крещены два башкира, живших у своих работодателей-казахов. Первый из них остался в Актюбинске, продолжая заниматься мелочной торговлей. Второго определили на заработки к русским поселенцам на хуторе [28, с. 25–26]. Священники замечали, что новообращенные стараются придерживаться обычаев веры: «...живут они по-христиански, не придерживаясь обычаев их прежней жизни, посты исполняют; богослужение во все воскресные и праздничные дни, по возможности, посещают. Все остальные новокрещенные работают по линии Оренбург-Ташкентской железной дороги, по приезде в Актюбинск они считают долгом повидаться с миссионерами» [цит. по: 32, с. 320].

Начиная с 1890-х гг., началась работа по переводу на башкирский язык учебной и религиозной литературы, так необходимой для воплощения принципа ведения процесса приобщения к православной вере на наречии, понятном представителям народов Приволжья и Урала.

Согласно выводам Галяутдинова И. Г., первый «Букварь для башкир» был выпущен в 1892 г. (без указания автора) в Оренбурге и переиздан в 1898 г. под именем русского просветителя, первого директора русско-башкирского училища В. В. Катаринского [3, с. 101; 43, с. 38]. На этом основании Н. К. Дмитриев и Д. Г. Киекбаев высказали предположение о принадлежности первого издания вышеуказанному автору. Вторым создателем башкирского букваря (вышедшего в свет в 1907 г.) стал А. Г. Бессонов. После выхода «Букваря» А.Г. Бессонов подготовил две книги для чтения и издал их в Казани. Этими изданиями пользовались в русско-башкирских школах вплоть до 1917 г. [43, с. 38–40].

На рубеже XIX и XX вв. на башкирский язык переведены несколько религиозных книг: Евангелие от Матфея (1899 г.), «Священная история Ветхого и Нового заветов» (1900 г.), «Святое Евангелие» (1902 г.) [10, с. 3; 38, с. 140]. Самым объемным среди них было «Святое Евангелие» («Инжил»), вышедшее в Казани в 1902 г. Предметом дискуссий является вопрос о составителе. Сайтбатталовы И.Р. и Ю.А., а также Р.Х. Лукманова в статье о лексике башкирских текстов, отметили: Восточный библейский институт в своем репринтном издании 1975 г. книги «Инжил» указал, что перевод был осуществлен группой студентов «инородческой учительской семинарии» Казани под руководством ректора Н. Бобровникова [38, с. 140]. Другие ученые (И.Г. Галяутдинов, Р.М. Латыпова) считают автором либо В. В. Катаринского, либо Н.Ф. Катанова. Графическая характеристика трудов В.В. Катаринского и перевода «Инжил» показывает идентичность этих работ, что подтверждает авторство В.В. Катаринского, и в одной из своих работ Н.Ф. Катанов его называет автором перевода [3, с. 105; 7; 10, с. 3].

В первые девятнадцать лет своего существования деятельность Уфимской епархии была направлена (по оценке А.А. Шарафутдинова) в основном на создание и организацию школ для детей инородцев. Численность таких школ в 1877 г. достигла 13 [46, с. 1]. Под руководством инспектора инородческих школ Уфимской епархии Н.И. Ильминского (в 1884 г. он передал их комитету Миссионерского общества [45, с. 33]) в 1870-х гг. осуществлялся процесс создания данных образовательных учреждений в Уфимской епархии.

Школы подразделялись на следующие типы: 1) христианские (чуваши, мордовские, крещено-татарские, крещено-черемисские); 2) магометанские (русско-башкирские, русско-татарские, а также русские классы при мусульманских мектебах и медресе); 3) языческие (чуваши, черемисские и удмуртские). Чтобы не допустить влияние ислама, запрещалось совместное обучение крещеных инородцев и язычников с детьми мусульман. Вместе с тем совместное обучение нерусских народов с русскими детьми поощрялось [2, с. 19; 40, с. 157].

Программа обучения в русско-инородческих школах была близка к программе одноклассных и церковно-приходских школ (вместо Закона Божьего в русско-татарских и русско-башкирских школах преподавали мусульманское вероучение). Изучению русского языка уделялось большое внимание. Обучение осуществлялось в форме катехизических бесед, разговорных уроков, чтения русских книг. По мере усвоения учащимися русского языка его объем, относительно других дисциплин, в программе возрастал, но родной язык оставался вспомогательным средством на протяжении всего курса обучения. Переход к преподаванию на русском языке происходил не ранее второго полугодия второго года обучения [2, с. 20].

По свидетельству многих руководителей и учителей учебных учреждений, представителей духовенства, среди мусульманского населения инородческие школы были непопулярны. Н.И. Ильминский отметил в качестве причины малой результативности

работы училищ для магометан пропагандистскую деятельность местной иноверческой интеллигенции [16, с. 252–253]. Учебное ведомство через несколько лет стало закрывать некоторые бездействующие русско-инородческие школы для мусульман и устраивать на эти средства русско-христианские и иные учебные заведения. Чтобы сохранить оставшиеся русско-башкирские и русско-татарские школы учебное ведомство стало приглашать в эти училища мулл для преподавания мусульманского вероучения. Сотрудничество инородческих школ с мусульманским духовенством во многом изменило негативное отношение башкир и татар к данным учебным заведениям [2, с. 20].

В Уфимской губернии создавались образовательные учреждения для детей и подростков обоих полов. Примером тому являлся Первый правительственный пансион для девочек, открытый в 1862 г. при Бирском училище II разряда. В 1865 г. в нем состояло 45 башкирских девочек (из них 2 – новокрещенки), которые обучались русскому языку, истории, арифметике и другим предметам. Кроме того, новокрещенки изучали Закон Божий у православного священника, а мусульманки – основы ислама, которые преподавал мулла. Слабая успеваемость воспитанниц объяснялась, в первую очередь, незнанием русского языка.

В 1872 г. Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский разрешил перевод башкирского женского пансиона в г. Уфу «с целью предоставления воспитанницам лучших и более широких средств к образованию» [2, с. 20–21]. 2 февраля 1886 г. Уфимский женский пансион был преобразован в приют для башкирских девочек. Воспитанницы обучались в местных приходских одноклассных училищах, после окончания которых могли поступать во второй класс двухлетнего приходского училища, а лучшие ученицы – в гимназию.

В 1906 г. башкирский приют был преобразован в двухклассное русско-башкирское женское училище. Обучение воспитанниц в нем велось на русском языке, отчего деревенским девочкам, которые им не владели, было достаточно сложно. Окончившие двухклассное училище получали свидетельство на звание учительницы инородческой школы. Эти девушки были первыми учительницами русского языка среди башкирского и татарского населения [2, с. 21].

На территории Уфимской губернии были открыты и другие женские русско-инородческие школы для башкир: Шланлыкулевская и Старо-Митинская в с. Зирган Стерлитамакского уезда, башкиро-татарская магометанская при приюте Императорского человеколюбивого общества в Уфе [2, с. 21].

В Оренбургской губернии, как и в соседней Уфимской, в 1870-х гг. одним из важнейших направлений миссионерской деятельности являлась организация миссионерских и церковно-приходских школ. В 1876 г. в Оренбургском уезде открылись смешанная Ново-Амекескинская и мужская Кривле-Илюшкинская школы, а также приходская школа в Вознесенском Бору. Первую в 1906–1907 гг. посещало 3 башкир, а вторую – один. В последней школе в 1899 г. обучалось 4 мальчика-башкира [23, с. 265]. По воскресным и праздничным дням ученики вели с учителями беседы на чувашском языке, т. к. там большинство населения составляли чуваша [35, с. 364].

При содействии Ильминского и его учеников создавались учреждения для подготовки учителей миссионерских школ, владеющих башкирским языком. С сентября 1872 г. действовала Уфимская татаро-башкирская учительская школа, летом 1877 г. переведенная в Оренбург. Особенностью школы стало то, что в состав ее учащихся принимались как татары-мусульмане, так и представители других «магометанских» народностей Урала. Так, по подсчетам К. В. Кузьмина, с 1872/73 по 1879/80 учебные годы из 97 учащихся 54 были татарами, 32 – башкирами и 11 – мещеряками. Также вместо Закона Божьего преподавалось мусульманское вероучение [9, с. 95–96].

Работа Уфимско-Оренбургской учительской школы не оправдала надежд учебно-окружного начальства. Н. И. Ильминский в 1888 г. в письме министру народного просвещения И. Д. Делянову предложил: «Что касается до начальных русско-башкирских училищ и Оренбургской татарской учительской школы, то ввиду засвидетельствования

господином попечителем округа их безрезультатности, на основании, конечно, опыта, не жалко будет их изменить или совсем отменить. Это уже и делается отчасти в Оренбургском учебном округе, где оказавшиеся малоуспешными и бесполезными русские школы для башкир переносятся и преобразуются в инородческо-христианские или русские, так притом, что на штат одного прежнего училища открываются две новые школы» [цит. по: 16, с. 254].

В июне 1890 г. учительская школа в Оренбурге прекратила свою работу. Однако после этого события, как выяснил К. В. Кузьмин, неоднократно (но без результата) поднимался вопрос об открытии новой башкирской учительской школы: в начале 1900-х гг. обсуждалось учреждение русско-башкирской учительской семинарии в Оренбурге. В отсутствие специальных заведений в 1890-е гг. будущие педагоги школ готовились к работе в Белебеевском русско-башкирском городском училище и Благовещенской учительской семинарии [9, с. 97].

В 1890-е и 1900-е годы продолжалось развитие сети школ для башкирских детей. Оренбургским духовенством в 1890-е гг. предлагались свои меры по вовлечению большего числа подростков в приходское обучение: «Башкиры вообще довольно охотно отдают своих детей в русские школы безразлично и в министерские, и в церковно-приходские, в которых они нередко изучают и Закон Божий ради получения прав школьного образования. Нужно надеяться, что, с умножением числа школ среди башкир, особенно школ с интернатом для их детей и с введением в курсы школ изучения ремесел и хозяйства, число учащихся в русских школах башкирских детей возрастет в значительной степени и желаемое сближение их с христианскими русскими понятиями сделается тогда и вероятным, и удобным» [цит. по: 23, с. 265]. В итоге, к 1915 году в Оренбургской губернии действовали около 60 министерских школ, относящихся к разряду «русско-инородческие», среди них 32 русско-башкирские. По уездам они были распределены следующим образом: Верхнеуральский – 6 школ, Оренбургский – 6, Орский – 8, Троицкий – 2, Челябинский – 10 [11, с. 171; 19]. По инициативе и указанию уфимского епископа Дионисия открылись 39 миссионерских школ. Все они находились в деревнях с инородческим населением: больше всего их было в Мензелинском (19) и Белебеевском (15) уездах, а в Златоустовском и Уфимском уездах таких школ не было вообще [5, с. 151–152].

Новые «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России» 1906–1907 гг. предполагали, что священникам не отдавалось предпочтения в управлении данными учебными заведениями. Начальные училища для нерусских народов подразделялись теперь не по вероисповедному, а по этническому принципу, что предполагало организацию школ для каждой народности. Родной язык учащихся изучался до конца курса инородческого училища, а в качестве языка обучения он должен был использоваться в течение двух лет. Рекомендовалось издание двуязычных учебников с двойной транскрипцией [17, с. 3]. Правила 1906 и 1907 гг. не могли не вызвать беспокойства среди сторонников жесткого контроля за развитием инородческой школы. Поэтому 14 июня 1913 г. министр народного просвещения Л. А. Кассо подписал документ, содержавший новые «Правила о начальных училищах для инородцев». Согласно учебному плану 1913 г. количество часов на изучение русского языка превосходило остальные предметы. Использование родного языка как вспомогательного исключалось после окончания второго года обучения [2, с. 20; 18].

Можно привести количественные показатели пятидесятивосьмилетней миссионерской деятельности. К 1866 г. по данным Е. Малова в Белебеевском и Бирском уездах было 769 православных башкир, в Мензелинском уезде – 5 [12, с. 69, 74]. В общей сложности в Уфимской губернии проживало более 774 башкир-христиан. Число обращенных в православие башкир было невелико (относительно представителей других народов). Как уже было ранее отмечено, в Уфимской губернии в 1883–1897 гг. христианами стало 284 башкира. В Оренбургской губернии и Тургайской области с 1895 по 1909 годы было крещено свыше 294 башкир (см.: Таблица 1). Пик обращения пришелся на 1902 г.,

когда 38 башкир приняли православие [27, с. 248]. К 1897 г. в Оренбургской губернии проживало 465 православных башкир [13, с. 28], а в Тургайской области – пять [14, с. 40].

Таблица 1

Число башкир, принявших православие на территории Оренбургской губернии и Тургайской области в 1895, 1898–1907, 1909 гг.

[Составлено по: 21, с. 261; 22, с. 128; 24, с. 287; 25, с. 266; 26, с. 191; 27, с. 248; 29, с. 38; 30, с. 488; 31, с. 434; 33, с. 344; 34, с. 329; 37, с. 201]

Год	1895	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1909
Человек	30	23	32	21	36	38	13	21	21	23	17	19

После «затишья» начала XIX в. миссионерство среди башкир активизировалось во второй половине столетия и в начале следующего. Помимо обеспечения функционирования школ появились новые направления работы духовенства: обучение учителей, перевод религиозной и учебной литературы на башкирский, создание миссионерских станов, посещение представителями монашества населенных пунктов с башкирами, отправившимися на заработки в другие области. Вместе с тем, полного обращения башкир в христианство (подобно тому, что произошло у чувашей и удмуртов) добиться не удалось. Мешало отсутствие должного финансирования, не позволившее осуществить некоторые замыслы духовенства, а также проблемы с функционированием миссионерских учительских школ, которые должны были готовить людей, работавших среди инородцев. Но самой главной причиной отсутствия значительных успехов в деле христианизации являлось то, что мусульманская вера укоренилась среди башкирского населения и имела высокие шансы на распространение среди народов, во многом придерживавшихся в XIX в. языческих обычаев (например, марийцев).

Список источников и литературы

1. Амелин В.В., Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Религии Оренбургского края: систематическое описание в 3-х томах. Том 1. Восточное христианство. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. 416 с.
2. Аминова Л.Я. Система обучения нерусских народов в Башкирии во второй половине XIX – начале XX века // Манускрипт. 2017. № 4(78). С. 19–21.
3. Галяутдинов И.Г. Два века башкирского литературного языка. Уфа: Гилем, 2000. 448 с.
4. Денисов Д.Н. Монастыри Оренбургского края во второй трети XIX – первой трети XX вв. Оренбург, 2017. 282 с.
5. Ергин Ю.В., Чушкина С.Е. Миссионерская деятельность Преосвященного Дионисия (Хитрова), епископа Уфимского и Мензелинского // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. № 4(77). С. 143–155.
6. Есикова Е.М. Миссионерская деятельность Оренбургского Михаило-Архангельского братства (конец XIX – начало XX в.) // Известия АлтГУ. 2009. № 4-2. С. 58–60.
7. Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня / Отд. оттиск из «Учен. зап. Казанского университета» за 1899–1903 гг. Казань, 1903. XLII, № 487. X с.
8. Кононов Д., свящ. Тридцатипятилетие Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества (1875–1910 гг.) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1911. № 2. С. 28–33.
9. Кузьмин К.В. Особенности подготовки учительских кадров для начальных нерусских училищ на Урале в начале 1870–начале 1900-х гг. // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 1996. [Вып. 1]: От традиционного к индустриальному обществу. С. 95–98.

10. Латыпова Р.М. Значение перевода «Евангелия» в истории башкирского литературного языка // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 6 (29). С. 36–40.

11. Любичанковский С.В. Русско-башкирские школы Оренбургской губернии в пореформенный период // Самарский научный вестник. 2023. № 2. С. 168–172.

12. Малов Е.А. Статистические сведения о крещенных татарах Казанской и некоторых других епархий в Волжском бассейне // [Соч.] Е. Малова. Казань: Унив. тип., 1866. 79 с.

13. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Книга 28. Оренбургская губерния. 1904. 173 с.

14. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Книга 87. Тургайская область. 1904. 103 с.

15. Письмо инспектора инородческих школ Оренбургского учебного округа В. В. Катаринского Н. И. Ильминскому от 8 марта 1887 г. // Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского. Сборник документов и материалов / Авторы-составители: Р.Р. Исхаков, Х.З. Багаутдинова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2015. С. 250–252.

16. Письмо Н.И. Ильминского министру народного просвещения И. Д. Делянову от 17 марта 1888 г. // Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского. Сборник документов и материалов / Авторы-составители: Р.Р. Исхаков, Х.З. Багаутдинова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2015. С. 252–256.

17. Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России, утвержденные Министерством народного просвещения 31 марта 1906 г. с изменениями, последовавшими 2 января 1907 г. / Казань : б. и., 1907. 6 с.

18. Правила о начальных училищах для инородцев: Утвержденные Министерством народного просвещения 05.06.1913 г. / Ильминский Н.И. О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещенотатарской школе. Казань, 1913. 79 с.

19. ОГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 487.

20. Отчет о деятельности Оренбургского Михаило-Архангельского Братства за седьмой год его существования, с 8 ноября 1892 г. по 8 ноября 1893 г. // Оренбургские епархиальные ведомости, 1894. № 2. С. 1–82.

21. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1895 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1896. № 19. Отд. офиц. С. 257–268.

22. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1898 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1899. № 19. Отд. офиц. С. 119–128.

23. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1899 год (продолжение) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1900. № 21. Отд. офиц. С. 261–267.

24. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1899 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1900. № 22. Отд. офиц. С. 281–287.

25. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1900 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1901. № 17. Отд. офиц. С. 258–266.

26. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1901 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1902. № 16. Отд. офиц. С. 185–198.

27. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1902 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1903. № 17. Отд. офиц. С. 240–248.

28. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1903 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1904. № 17. Отд. офиц. С. 25–32.
29. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1903 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1904. № 18. Отд. офиц. С. 33–40.
30. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1904 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1905. № 18. Отд. офиц. С. 479–490.
31. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1905 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1906. № 21. Отд. офиц. С. 428–435.
32. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1906 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. № 47. Отд. офиц. С. 317–324.
33. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1906 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. № 49. Отд. офиц. С. 344–350.
34. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1907 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1908. № 43. Отд. офиц. С. 324–332.
35. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1907 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1908. № 46. Отд. офиц. С. 362–368.
36. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1908 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1909. № 46. С. 391–398.
37. Отчет Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1909 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1910. № 26. Отд. офиц. С. 199–207.
38. Сайтбатталов И.Р., Лукманова Р. Х., Сайтбатталова Ю. А. Теонимическая лексика в переводах Евангелий на башкирский и тувинский языки // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 137–145.
39. Сергеев Ю.Н. Христианизация народов Южного Урала в конце XVIII – середине XIX вв. (на примере Оренбургской епархии) // Проблемы востоковедения. 2009. № 3(45). С. 33–42.
40. Сулейманова Л. Ш. Национальные учебные заведения в Башкортостане в первое сорокалетие XX века. Уфа, 2000. 212 с.
41. Уфимские епархиальные ведомости. 1880. № 4. Отд. офиц. С. 120–121.
42. Уфимские епархиальные ведомости. 1911. № 11.
43. Хусаинова Л. М. Алфавиты башкирского языка в XIX – начале XX веков // Вестник ОГУ. 2017. № 3 (203). С. 37–42.
44. Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Оренбург: тип. Оренбург. духов. консистории, 1900. Вып. 1. 346 с.
45. Шарафутдинов А.А. Деятельность епархиального Комитета православного миссионерского общества Уфимской епархии в 1878–1917 гг. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2009. Т. 2. № 19. С. 32–33.
46. Шарафутдинов А.А. Комитет православного миссионерского общества Уфимской епархии: организация миссионерства (1878–1896 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5.

ТЕМА ПАЛОМНИЧЕСТВА В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ Х.М. ЛОПАРЕВА

Аннотация. В статье приводится характеристика научных работ Х.М. Лопарева, посвященных теме паломничества. Акцентируется внимание на роли членов Императорского Православного Палестинского общества и Общества любителей древней письменности в формировании научных интересов Х.М. Лопарева и помощи в дальнейшей работе. В основу типологии положена деятельность ученого по рассматриваемому направлению. Всего выделено четыре основных направления: издание текста источника с научными комментариями и примечаниями; помощь в подготовке изданий, выполненных другими авторами; научные работы на основе памятников паломнической и агиографической литературы; незавершенные работы, посвященные разным научным проблемам.

Ключевые слова: Святая Земля; Палестина; паломничество; Императорское Православное Палестинское общество; Общество любителей древней письменности; греческая житийная литература.

Сведения об авторе: Кременский Дмитрий Васильевич, Нижневартовский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, kremensky.dmitry@mail.ru

Хрисанф Мефодьевич Лопарев (1862–1918) – уроженец села Самарово Тобольской губернии, получивший известность как ученый – византолог, краевед, сотрудник ряда научных и общественных организаций. Х.М. Лопарев оставил около ста научных работ, совершил несколько важных открытий, которые прославили его как исследователя европейского масштаба.

В 1882 г. Хрисанф Мефодьевич по окончании Тобольской гимназии и получении увольнительного свидетельства от самаровского сельского общества поступил в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет. Наибольшее влияние на Х.М. Лопарева оказал его учитель В.Г. Васильевский. Не без оказанного профессором на студента влияния Хрисанф Мефодьевич выбрал тему «Хронографическое обозрение царствования Василия I Македонянина» в качестве своей первой научной работы, за которую получил серебряную медаль. Следует указать, что за несколько лет отношения между В.Г. Васильевским и Х.М. Лопаревым вышли за рамки исключительно формального, учебного характера: студент стал регулярным гостем в доме профессора, а летом несколько раз посещал дачу Василия Григорьевича Васильевского, занимаясь с его сыновьями [1, с. 47, 51–53], к тому же советовался с ним по личным вопросам, например, по поводу возможной женитьбы на своей возлюбленной Ю.М. Поповой [1, с. 97–98, 134].

Именно благодаря содействию Василия Григорьевича Васильевского у Хрисанфа Мефодьевича Лопарева состоялись важные для дальнейшей жизни и научной деятельности ученого встречи и установились связи с научной интеллигенцией. Так, будущий византолог познакомился с секретарем Императорского Православного Палестинского общества (далее – ИППО) В.Н. Хитрово, графом С.Д. Шереметьевым, членом-учредителем ИППО, и основателем, а также председателем Общества любителей древней письменности (далее – ОЛДП), с председателем ученого отделения ИППО и исправлявшим обязанности председателя ОЛДП Д.Ф. Кобеко, и др. Помимо этого, именно В.Г. Васильевский, видя безотрадное положение молодого студента, озаботился его «устроением при Палестинском обществе в качестве сотрудника при издании текстов наших древних паломников» [9, с. 15]. Как отмечал сам Хрисанф Мефодьевич, он с большим рвением и интересом занялся исследованием паломнической литературы: «Полный одушевления и горячей любви к

делу... Я невольно объят пламенным рвением знакомиться с литературным наследием старого времени» [9, с. 15].

Кроме этого, заслуживает внимания и еще один фактор в вопросе формирования научного интереса Х.М. Лопарева, часто упускаемый – воспитание. Так, Е.С. Гусенбекова пишет: «Как человека глубоко верующего и воспитанного в православии, придерживающегося религиозных канонов, Х.М. Лопарева особо интересовали вопросы взаимоотношений России и Византии, тема исторической преемственности между ними» [2, с. 146].

Следует признать, что «самаровский петербуржец» относится к тем деятелям науки, которые оказались долгое время незаслуженно забытыми. Лишь с конца XX в. его личность и научное творчество стали привлекать внимание исследователей. Т.В. Пуртова, составитель «Лопаревского сборника», указывает, что в 1997 г. произошло возвращение имени ученого, византолога, краеведа и общественного деятеля массовому читателю, вследствие переиздания его книги о родном селе, а с 2007 г. начался «новый качественный этап изучения жизни и творчества Х.М. Лопарева...» [13, с. 4]. Его отличительная черта – появление окружной научно-практической конференции «Лопаревские чтения», консолидирующей авторов вокруг краеведения и популяризирующих его в целом, а также фигуру Х.М. Лопарева, в частности. Это привело к изменениям в количественном и содержательном аспектах: большее число исследователей начало уделять внимание личности Хрисанфа Мефодьевича, а работы научно-популярного или справочного характера сменились узконаправленными, в которых рассматриваются отдельные вопросы жизни, общественной и научной деятельности ученого [4]. Однако, отдельно тема паломничества в Святую землю (Палестину) в научных трудах Х.М. Лопарева ранее не рассматривалась авторами. Определенные ее аспекты затрагивались в работах, посвященных сотрудничеству ученого с научными обществами и поездкам византолога за границу [См. напр. 25; 26].

Результаты научной деятельности Хрисанфа Мефодьевича Лопарева по паломнической тематике нашли отражение в ряде публикаций, которые типологически можно разделить на группы.

1) Издание текста источника с научными комментариями и примечаниями.

В 1886–1889 гг. Х.М. Лопаревым при содействии ИППО были подготовлены к публикации три «Хождения» XV–XVII вв. (Зосимы, Василия Познякава и Трифона Коробейникова) [22; 23; 24]. Следует отметить, что публикации источников предваряют предисловия, содержащие преимущественно их внешнюю и элементы внутренней критики: биографию автора, историю памятника с выявлением имеющихся списков, различий между ними (в языке, интерполяциях, ошибках и неточностях), обоснованием выбора того или иного списка в качестве основы для издания.

Актуальность сочинения Трифона Коробейникова заключалась в том, что в 1884 г. известный историк И.Е. Забелин издал «Хождение купца Василия Познякава по святым местам Востока», сделав неординарный вывод – текст Трифона Коробейникова не оригинален, а лишь пересказ произведения Василия Познякава. Подобная точка зрения привлекла внимание членов ППО [до 1889 г. наименование «Императорское» отсутствовало]. Х.М. Лопарев, разделявший мнение И.Е. Забелина, тем не менее, отмечал, что характеристика сочинения как обычного пересказа компилятивного характера слишком строга. Хрисанф Мефодьевич в процессе критики источника приходит к выводу, что преимущественно авторство «Хождения Трифона Коробейникова» принадлежит Василию Познякаву, материал, который не находит отражения в его сочинении, приписывается «неизвестному сказителю» XVII века [24, с. 38]. Тем не менее, ученый отмечал: «Текст последнего [произведения В. Познякава] может быть восстановлен вполне только при посредстве Коробейниковской редакции, – это главное значение переделки для текста 1558 года...» [24, с. 45]. Выводы И.Е. Забелина о хождениях Т. Коробейникова и В. Познякава,

впоследствии пересмотренные Х.М. Лопаревым, признаются некоторыми авторами актуальными и сейчас [14, с. 871–873].

В рамках взаимодействия с ИППО в рассматриваемый период Х.М. Лопарев издал еще один памятник паломнической литературы - «Хождение инока Зосимы». Византолог особое внимание обращает на списки «Хождения», отмечая наличие двух основных, Толстовского и Уваровского, каждый из которых обладает своими особенностями. Выбрав первый список в качестве основы для издания, Х.М. Лопарев в оригинальный текст внес примечания в тех местах, где изменения между Толстовским и Уваровским списками наиболее значимы. Ученый сообщает о некоторых особенностях «Хождения инока Зосимы». Первая из них - последовательность маршрута автора от Константинополя до Иерусалима, но спутанность и несистематичность в описании самого Святого Града, которую можно объяснить либо забывчивостью Зосимы, который писал по памяти, либо искажениями переписчиков. Не склоняясь ни к одной из версий, Хрисанф Мефодьевич старается исправить противоречивость источника перестановкой его частей [22, с. VI–VII]. Вторая – схожесть рассматриваемого сочинения с «Хождением игумена Даниила». В результате сличения двух текстов ученый приходит к выводу, что инок Зосима был знаком с «Хождением» Даниила. [22, с. IX].

Х.М. Лопарев занимался издательской деятельностью и в ходе сотрудничества с ОЛДП. В 1887 г. Д.Ф. Кобеко привлек его к описанию рукописей, которое, по словам В.И. Срезневского, хорошо знавшего Х.М. Лопарева, позволяло работать над неизученными произведениями, делать открытия не только новых списков, но и полностью неизвестных сочинений, что несомненно льстило самолюбию молодого ученого, давало силы к более плодотворной работе [20, с. 333]. Так, в 1890 г. Хрисанф Мефодьевич открыл и издал «Слово о некоем старце» – оригинальное произведение народного творчества, представляющее компиляцию путешествия старца Сергия и «небылиц» анонима, который в паломничестве не был, т. к. паломник, по мнению Х.М. Лопарева, не сделал бы никогда тех ошибок, что встречаются в разбираемом сочинении [18, с. 2]. Например, в «Слове» указывается на расстояние между Белградом и Царьградом в 3000 верст, хотя, обращаясь к паломнической литературе иеродиакона Зосимы и современного ему путешественника инока Епифания, ученый приходит к выводу, что протяженность между данными географическими объектами составляет примерно 500 верст. В конечном итоге Х.М. Лопарев пишет, что все цифровые данные, имеющиеся в «Слове» выставлены случайным образом или под влиянием преданий [18, с. 13].

В 1912 г. при содействии одного из членов ОЛДП И.А. Бычкова Хрисанф Мефодьевич издает «Анонимное Иерусалимское хождение» – черновой набросок паломнического сочинения анонима. Ученый отмечает юго-западное происхождение автора, указывает на непоследовательность паломнического маршрута, с включением характерных элементов преданий в отношении мест, в которых сам писатель не был, но пожелал о них упомянуть, а также обращает внимание на нестандартный путь (по суше) из Константинополя в Иерусалим. Х.М. Лопарев приходит к выводу о желании автора показать «не трафаретное описание Палестины и Египта, а живую картину религиозной и правовой жизни магометан в XVIII веке», выражающуюся в наличии не только христианских легенд, но и мусульманских, например, о Дамаске, как о земном рае [6, с. 12–13].

2) Помощь в подготовке изданий, выполненных другими авторами.

Кроме собственной издательской деятельности, ученый в начале своей работы в ИППО также помогал своим коллегам по данному направлению. Например, оказал содействие С.В. Арсеньеву в подготовке хождения Игнатия Смолянина, положил начало выявлению списков и подготовке к печати «Жития и хождения в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары 1634–1637 гг.», работу завершил С.О. Долгов [21; 3]. Семен Осипович в заключительном слове писал: «Долгом считаем выразить здесь свою сердечную благодарность... и Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву, облегчившим своими просвещенными указаниями настоящее издание» [3, с. X].

3) Научные работы на основе памятников паломнической и агиографической литературы.

Х.М. Лопарев посвятил ряд научных публикаций известным исторической науке паломническим и житийным сочинениям. Например, в 1898 г. он исследовал «Русское анонимное описание Константинополя» – литературный памятник, изданный в 1890 г. Л.Н. Майковым, придя к выводу об отрывочности дошедшего до нас произведения, компилятивном характере текста [10, с. 18].

«Греческие жития святых VIII–IX веков» - крупнейший труд Хрисанфа Мефодьевича Лопарева, положенный в основу его магистерской диссертации, о написании которого ученый задумался еще в 1887 г., под влиянием его учителя В.Г. Васильевского [7, с. VII]. Промежуточными итогами стали Византийские жития святых VIII–IX вв. в двух частях, вышедшие в 1910–1911 гг. Хрисанф Мефодьевич ставил целью рассмотреть особенности греческой агиографической литературы VIII–IX вв. на конкретных примерах. В 18 главах ученый подробно, насколько это позволяли источники, описал, охарактеризовал и по возможности осветил проблемные вопросы, представив свое видение на них, 59 житий святых. Интересующая нас тема здесь вторична и затрагивается лишь в случае паломничества описываемого святого в Иерусалим, или лиц, связанных с ним (данный сюжет присутствует в 5 из 59 житий) [Подчитано по: 7]. Отметим особенности, которые наблюдаются в паломнических фрагментах агиографических текстов. К ним можно отнести наличие чудес, которые не могли происходить с обычными паломниками. Например, в первой главе представлено житие Илариона Грузина, странствующего монаха IX века, прожившего десять лет в Грузии и отправившегося в Палестину для поклонения святым местам, спасаясь от славы человеческой. По пути к святыням на Илариона напали арабы, окаменевшие «волею Божией» [7, с. 57].

Паломничество совершалось не только святыми. К примеру, в десятой главе в житии Антония Нового находится сюжет о разбойнике, «христианине по вере, но не думавшем о Христе», то грабившим и убивавшим «себе подобных», то паломником приходившим в Иерусалим для поклонения святыням [7, с. 333]. Наконец, разбойник Иоанн решил удалиться в лавру св. Саввы Освященного, приняв монашескую схиму, через некоторое время взяв в услужение Антония по просьбе его родителей, предсказав ему судьбу, в которой будущий святой достигнет меры совершенства выше Иоанна.

Еще одной особенностью является описание массовых паломничеств. Так, в тринадцатой главе приведено предание об Иерусалимских мучениках. В 723 г. 70 архонтов или воинов, отправились в путь для поклонения святому Граду. В Иерусалиме они обошли монастыри, сделав разные пожертвования, снабдили неимущих продовольствием, обошли монахов в пустыне, поклонились святыням, в числе которых Гроб Господень, Гроб Богоматери, Голгофа, после чего решили вернуться на родину. Однако, на обратном пути их схватили арабы [7, с. 374–377].

Агиографическая литература могла содержать несколько паломнических путешествий. Например, в житии Феодора Эдесского один сюжет относится к самому святому: к 19 годам Феодор, лишившись отца и матери, раздал все свое имущество бедным и сестре, отправившись в паломничество: «Поклонившись Живопреемному Гробу, всем священным зданиям и честной Голгофе, он обошел около нее святые места» [7, с. 412]. После будущий святой удалился в лавру св. Саввы, где и постригся. Другой сюжет встречается позднее, когда Феодор, ставший к тому моменту [836 г.] архиепископом Эдесским, отправился к столпнику Феодосию, жившему недалеко от города. Он и рассказал ему следующую историю: однажды к нему для духовной беседы пришел некий знатный человек по имени Адер, жаловавшийся на «тленность всего мирского», желая «оставить дом свой и идти согласно заповеди Спасителя, прося на дорогу молитвы и одного хлеба» [6, с.419]. Феодосий похвалил подобное рвение. В итоге Адер удалился в Иерусалим, поклонился Гробу Господню и всем святым местам, затем ушел в Саввину лавру, приняв пострижение с именем Афанасия. Данный рассказ был приведен Феодосием, чтобы Феодор

Эдесский «к остальным старым и новым повествованиям св. Писания присоединил и ныне переданное для доказательства дивных дел человеколюбца Бога» [7, с. 420].

Научные публикации Х.М. Лопарева становились предметом обсуждений, основой научных статей его современников. В «Греческих житиях святых VIII–IX веков» ученый затронул различные аспекты общественной и культурной жизни Византии в обозначенный период, что позволило в дальнейшем историкам использовать работу Хрисанфа Мефодьевича для освещения широкого круга тем, таких как «Существование монастырских школ в Византии в VIII–XII веках» [См., напр.: 5; 12; 16–17]. М.Н. Сперанский писал: «В области специально-византийской Х.М. Лопарев интересовался преимущественно житийной литературой, большим знатоком коей он и оказывался, как это видно из его магистерской диссертации...» [19, с. 335].

4) Неоконченные работы Х.М. Лопарева.

Следует также указать и на неоконченную работу Хрисанфа Мефодьевича – «Краткий отчет о поездке Х.М. Лопарева на Афон летом 1896 года» – сообщение о результатах двухмесячной командировки по святогорским монастырям. Во время занятий в их библиотеках ученым был собран «богатый «урожай» ценных агиографических памятников и других средневековых византийских источников» [25, с. 26]. В их числе «любопытное» житие св. Лазаря Галисийского. Информация о данном святом в России была крайне скудна и находилась в немногочисленных письменных источниках, например, в Полном Месяцеслове Востока. Благодаря приведенному в отчете материалу стало известно о жизненном пути св. Лазаря, в частности, о его многократных попытках отправиться в паломничество, одна из которых увенчалась успехом и святой прибыл в Хоны, посетил храм архангела Михаила, затем пришел в Атталию, где его «отсоветовали» от посещения Иерусалима в силу молодости. Прожив примерно семь лет в данной местности, Лазарь тайно ушел в Антиохию и оттуда попал в Иерусалим. В дальнейшем, исполнив свою цель, Лазарь выбрал местом пребывания монастырь св. Саввы. Х.М. Лопарев указывает на новоприобретенные знания из данного литературного памятника, например, о плате за принятие в братию монастыря св. Саввы в размере 12 номисм [8, с. 21–22]. Однако, византолог ограничился анализом и публикацией лишь паломнической части произведения, в дальнейшем, не возвращаясь к нему. Возможно, полный текст хранится в фонде Х.М. Лопарева в деле «Списки с греческих кодексов» [11].

Рассмотрев освещение темы паломничества в научных трудах Х.М. Лопарева, форм и особенностей научной деятельности по указанному направлению, можно сделать вывод о достаточно скромном отражении ее в публикациях Хрисанфа Мефодьевича. Так, из более чем восьмидесяти работ византолога [Подчитано по: 13] тема паломничества встречается лишь в восьми из них. Тем не менее, в каждом из трудов присутствовал авторский взгляд на дискуссионные вопросы: ученый стремился осветить и по возможности решить те спорные положения, которые перед исследователем ставил определенный литературный памятник. Помимо собственных трудов Хрисанф Мефодьевич Лопарев оказывал помощь своим коллегам в подготовке к публикации паломнических сочинений.

Если говорить об издательской деятельности Х.М. Лопарева, то византолог ставил целью привнести в историческую науку новый материал, сделать его доступнее, предисловиями и научными комментариями, которые предваряли оригинальный текст, породить новые исследования по проблеме, как писал В.И. Срезневский, «подготовить путь для будущих научных исследователей своим кропотливым трудом» [20, с. 341].

Аналитика и научные комментарии византолога не потеряли свою актуальность по прошествии времени. Исследователи по-прежнему обращаются к трудам ученого: оспаривают, подвергают пересмотру и расширяют определенные выводы Х.М. Лопарева [См., напр.: 5; 12; 14–17].

Список источников и литературы

1. Белобородов В.К. «Искренне делюсь с Вами как с другом»: из переписки Х. М. Лопарева и Ю. М. Поповой. Тюмень: Мандра и К^а, 2011. 231 с.
2. Гусенбекова Е.С., Цысь О.П. Х.М. Лопарев в студенческие годы: формирование научных интересов // Семнадцатая региональная студенческая научная конференция Нижневартковского государственного университета: статьи докладов (Нижневартовск, 2–3 апреля 2015 года). Нижневартовск: изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. С. 145–147.
3. Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары 1634–1637 гг. / под ред. С. О. Долгова. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1891. [6], XII, 103 с.
4. Кременский Д.В. Освещение биографии, научной и общественной деятельности Х.М. Лопарева в отечественной историографии // XXVII Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета: сборник статей (г. Нижневартовск, 9–10 апреля 2025 года). Нижневартовск, 2025. (в печати).
5. Липшиц Е.Э. К вопросу о городе в Византии в VIII–IX вв. // Византийский временник. 1953. Т. 6 (31). С. 113–131.
6. Лопарев Х.М. Анонимное иерусалимское хождение начала XVIII века. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1912. 22 с.
7. Лопарев Х.М. Греческие жития святых VIII–IX веков: Опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и ист.-литературной. Петроград: тип. Имп. Акад. Наук, 1914. Ч. 1. 568 с.
8. Лопарев Х.М. Краткий отчет о поездке на Афон летом 1896 года. СПб.: Тип. Киришбаума, 1897. 38 с.
9. Лопарев Х.М. Мои первые шаги в Обществе // Сборник в память князя Павла Петровича Вяземского. СПб., 1902. Ч. 1. С. 13–23.
10. Лопарев Х.М. Русское анонимное описание Константинополя (около 1321 г.). СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1898. 19 с.
11. Отдел рукописей РНБ. Ф. 536. Оп. 3. Д. 7. Л. 131, 235.
12. Пападимитриу С.Д. Брак русской княжны Мстиславны Добродеи с греческим царевичем Алексеем Комнином // Византийский временник. 1904. Т. XI, вып. 1/2. С. 73–98.
13. Пуртова Т.В. Лопаревский сборник. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2019. 240 с.
14. Решетова А.А. К проблеме автора и времени создания «Хождения купца Трифона Коробейникова по святым местам Востока» // Герменевтика древнерусской литературы. 2004. № 11. С. 869–886.
15. Решетова А.А. Странный памятник XVII в. Историческое и легендарное в «Слове о некоем старце» // Герменевтика древнерусской литературы. 2005. № 12. С. 675–743.
16. Самодурова З.Г. К вопросу о существовании монастырских школ в Византии VIII–XII вв. // Византийский временник. 1995. Т. 56 (81). С. 204–214.
17. Самодурова З.Г. Социальный состав учащихся Византии VII–XII вв. // Византийский временник. 1991. Т. 52 (77). С. 35–46.
18. Слово о некоем старце: вновь найденный памятник русской паломнической литературы XVII века / Сообщение Х. М. Лопарева. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1890. 55 с.
19. Сперанский М.Н. Хрисанф Мефодьевич Лопарев (1862–1918) // Научные известия. Сб. 2: Философия, литература, искусство. М., 1922. С. 333–335.
20. Срезневский В.И. Хрисанф Мефодьевич Лопарев: припоминания о его жизни и трудах // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 327–342.
21. Хождение Игнатия Смолянина / под ред., предисл. С.В. Арсеньева. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1887. [6], XII, 47 с.
22. Хождение инока Зосимы (1419–1422) / под ред. Х.М. Лопарева. СПб.: Православное палестин. об-во, 1889. [6], XXVI, 41 с.
23. Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока, 1558–1561 / под ред., предисл. Х.М. Лопарева // Православный Палестинский сборник. СПб., 1887. Т. 6, вып. 3. С. 1–103.

24. Хождение Трифона Коробейникова. 1593–1594 гг. / под ред., вступ. ст. Х.М. Лопарева. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1889. 127 с.

25. Цысь В.В., Цысь О.П. О поездках Х.М. Лопарева за границу // Материалы V Лопаревских чтений (Ханты-Мансийск, 15 октября 2017 года). Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2017. С. 25–30.

26. Цысь В.В., Цысь О.П. Х.М. Лопарев и Императорское Православное Палестинское Общество // Материалы IV Лопаревских чтений (Ханты-Мансийск, 24 октября 2013 года). Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2013. С. 16–29.

D.V. Kremensky
Nizhnevartovsk, Russia

THE THEME OF PILGRIMAGE TO THE HOLY LAND IN THE SCIENTIFIC WORKS OF CH. LOPAREV

Abstract. The article provides a description of the scientific works of H. M. Loparev devoted to the topic of pilgrimage. Attention is focused on the role of members of the Imperial Orthodox Palestine Society and the Society of Lovers of Ancient Literature in the formation of scientific interests of H. M. Loparev and assistance in further work. The typology is based on the activities of the scientist in the area under consideration. In total, four main areas are identified: publication of the source text with scientific commentary and notes; assistance in the preparation of editions completed by other authors; scientific works based on monuments of pilgrimage and hagiographic literature; unfinished works devoted to various scientific problems.

Keywords: Holy Land; Palestine; Pilgrimage; The Imperial Orthodox Palestine Society; The Society of Lovers of Ancient Literature; Greek hagiography.

About the author: Kremensky Dmitry Vasilievich, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, kremensky.dmitry@mail.ru

**СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РОССИИ ТИХОН И
ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА (1918–1925 ГГ.)**

Аннотация. Статья посвящена анализу возникновения и деятельности православных братств в России в критический исторический период после революции 1917 г. Исследуется феномен массового создания этих добровольных объединений мирян и духовенства как непосредственного ответа на призыв Патриарха Тихона защитить Церковь от гонений со стороны новой власти. На конкретных примерах (Александрово-Невское братство в Петрограде, Свято-Николаевское в Житомире, Симеоновское в Шадринске, Совет объединенных приходов Москвы и др.) раскрываются основные направления их работы: физическая защита святынь, правовое сопротивление, религиозно-нравственное просвещение, издательская и масштабная благотворительная деятельность. Автор приходит к выводу, что братское движение стало одной из ключевых форм выживания Церкви, воплотившей идеи соборности и личной ответственности мирян. В заключении отмечается преемственность традиции и возрождение братств в современный период как важного элемента приходской жизни.

Ключевые слова: Православные братства, патриарх Тихон, гонения на Церковь, защита святынь, соборность, миряне.

Сведения об авторе: Сапко Даниил Александрович, учащийся воскресной школы при храме Святого Духа г. Нефтеюганска.

Ежегодно 1 февраля в нашей стране отмечается День православных братств. Дата выбрана не случайно – в этот день в 1918 г. святейший патриарх Тихон призвал верующих защищать церковь от безбожных большевистских гонений, объединяясь в «духовные союзы» – братства. **Православные братства** – форма добровольного объединения православных мирян при приходских и монастырских храмах. **Первые братства** начали образовываться на добровольной основе в Западной Руси еще в XV в. Расцвет движения приходится на XVI в., когда братства появились даже в ее самых отдаленных городах. Члены братств занимались просветительской работой, изданием православных богослужебных книг, обучением детей и взрослых, строили и ремонтировали храмы, защищали приходы от нападков иноверцев, участвовали в богослужениях и крестных ходах. **В XIX в.** на территории Российской империи началось повсеместное возрождение братств, чему способствовал императорский указ от 1864 г. об учреждении православных церковных братств, возникших практически во всех регионах империи. **В XX в. новый подъем братского движения в России** происходил в условиях развернувшихся гонений на православие в революционное и послереволюционное время. Поместный Собор 1917–1918 гг. упоминал в соборных определениях православные братства как одну из желательных форм церковно-общественной жизни, как наиболее действенную форму защиты против гонений.

Деятельность святейшего патриарха Тихона началась в очень трудное для России время. Ситуация осложнялась сменой политического строя и приходом к власти богоборческих сил, голодом, гражданской войной. Отбиралось церковное имущество, духовенство подвергалось преследованиям и гонениям, массовые репрессии захлестнули церковь. После обстрела московского Кремля и вооруженного захвата Александрово-Невской и Почаевской Лавры 19 января (1 февраля) 1918 г. патриарх Тихон обратился с воззванием, в котором не только анафемствовал «безумцев, творящих свои кровавые расправы», но горячо призывал архипастырей и пастырей к активному созданию духовных союзов: «Не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших

на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной, немедленно устройте духовные союзы, зовите, а доброю волею становитесь в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления» [1, с. 83].

27 января (9 февраля) 1918 г. тот же призыв прозвучал в обращении Священного Собора Православной Российской церкви к православному народу в связи с Декретом о свободе совести: «Объединяйтесь же, православные, около своих храмов и пастырей, объединяйтесь все, составляйте союзы для защиты заветных святынь» [3, с. 158]. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» лишал религиозные организации прав юридического лица, объявлял о национализации их имущества, в том числе культового, что было воспринято духовенством и верующими как акт кощунства. В Петрограде, Москве и других городах России стали с особой интенсивностью появляться православные братства, союзы приходов, объединенные советы приходов.

Большое значение имело постановление патриарха и Священного Синода от 28 февраля 1918 г. «О деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти». Оно было призвано регламентировать формы гражданского неповиновения новой власти, и главной формой такого неповиновения называло объединения (коллективы) мирян. Первая треть этого документа была посвящена регламентации их деятельности:

– «при приходских и бесприходских церквях надлежит организовывать из прихожан союзы (коллективы), которые и должны защищать святыни и церковное достояние от посягательства»;

– «Союзы эти должны иметь просветительские и благотворительные задачи, они могут быть под председательством мирянина или священника, но не должны называться церковными или религиозными, так как всякие церковные и религиозные общества лишены новым декретом прав юридического лица» [10, с. 31].

Аналогичные союзы предлагалось создавать при монастырях и учебных заведениях. Высшая церковная власть обращалась к мирянам, ожидая, что именно они станут главной силой, способной защитить церковь в условиях гонений, и призывала епископат и духовенство поддерживать направленные на это инициативы мирян. Патриарх Тихон благосклонно смотрел на активную деятельность мирян и их объединений. В июле 1918 г. в ходе своего визита в Петроград он подтвердил свою приверженность этой позиции: «Я очень сочувствую участию мирян в церковной жизни и делу объединения приходских советов, ибо по опыту своему знаю, какую силу и мощь в церковном делании представляет собой мирской элемент... Миряне – живая сила. Задача Братства воодушевлять на мучения и смерть, но и наставлять, как надо жить, указывать, чем должны руководствоваться миряне, чтобы Церковь Божия возрастала и крепла. И я уверен, что рано или поздно в каждой епархии будут Братства, объединяющие приходские общины» [13, с. 301–302].

13-21 января 1918 г. в Петрограде развернулись события вокруг Александро-Невской лавры. Наркомат государственного призрения предпринял попытку изъять помещения лавры для своих нужд. В результате произошли столкновения между матросами, красногвардейцами и верующими, был убит протоиерей Петр Скипетров. Эти события стали катализатором консолидации верующих для защиты святынь. 21 января в северной столице состоялся грандиозный крестный ход, который имел черты мирной демонстрации протеста, а затем начали организовываться разнообразные союзы и братства из мирян для защиты церкви, в том числе широко известное – Александро-Невское братство [5, с. 106].

События в Петрограде сразу оказались в центре внимания, возобновившего с 20 января свою работу всероссийского Поместного собора. Антицерковные акции не остались без ответа святейшего патриарха Тихона. 19 января первосвятитель издал послание, призывая «немедленно устраивать духовные союзы», говорил: «Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви, станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей» [1, с. 83]. 21 января 1918 г. по благословению и при содействии настоятеля лавры епископа Прокопия было объявлено об организации «Братства по защите святынь

Александро-Невской лавры» от конфискации советскими властями. В июне 1918 г. по решению петроградского духовенства и мирян было создано «Александро-Невское православное трудовое братство» с целью изготовления церковных свечей и богослужебных предметов на базе епархиального свечного завода. Имея определенный доход от своей производственной деятельности, трудовое братство постоянно оказывало содействие благотворительной и просветительной церковной деятельности. Оно выделяло средства на содержание, открываемого взамен Духовной семинарии Богословско-пастырского училища, Александро-Мариинскому дому – на содержание призываемого в этом доме заштатного сиротствующего духовенства, епархиальному попечительству – на выдачу пособия бедным, на облегчение участи страждущих священно- и церковнослужителей Петроградской епархии и поддержку членов их семей. Но в марте 1919 г. в Петроград поступила телеграмма из Москвы о национализации всех епархиальных заводов. Завод закрыли, и братство перестало существовать.

В марте 1918 г. в Петрограде возникла третья организация, на ее основе через год окончательно сложилось то Александро-Невское братство, которое просуществовало до начала 1930-х гг. Это был созданный при лавре молодежный кружок, включавший в себя монахов и мирян обоего пола. Как известно, уже в январе 1918 г. в государственных школах, несмотря на протесты многих родителей, прекратилось преподавание Закона Божия, и лаврские монахи стали уделять большое внимание работе с молодежью и детьми, стремясь воспитать их в православном духе. Создали и возглавили молодежный кружок при лавре три молодых иеромонаха – Иннокентий (Тихонов) и братья Гурий и Лев (Егоровы), отличавшиеся хорошим богословским образованием, большими организаторскими способностями и даром проповедника. Со временем деятельность молодежного кружка все более расширялась [15, с. 139]. В январе 1919 г. владыка Вениамин предоставил членам кружка вмещавшую около тысячи человек Крестовую митрополичью церковь Успения Пресвятой Богородицы. Он поручил отцам Иннокентию, Гурию и Льву организовать такой приход, в котором при совершении церковных служб и церковных таинств могли бы активно участвовать (петь, читать, прислуживать) все желающие, как взрослые, так и дети. Александро-Невское братство было одной из оптимальных форм объединения верующих, представляло собой стержень жизни епархии на протяжении четырнадцати лет (до своего разгрома в 1932 г.), активно борясь с обновленческим расколом [15, с. 260].

По благословению митрополита Волынского Евлогия (Георгиевского) в Житомире 1 сентября 1918 г. создано Свято-Николаевское братство. Владыка Евлогий был многие годы знаком лично со святейшим Тихоном. Он, как и патриарх, в ходе деятельности Поместного собора 1917–1918 гг. имел возможность убедиться, что революционную смуту нужно преодолевать, к чему он и приступил после получения в 1918 г. телеграмм от патриарха Тихона. Судьба братства не была легкой, но трудности не помешали ему просуществовать более десяти лет и пережить несколько кампаний гонений, аресты, закрытие храмов и даже официальный запрет на деятельность. Результатом запрета стал переход братства на нелегальное положение (его деятельность продолжалась до 1934 г.). Братство создавалось в форме свободного союза, не привязанного к одному приходу. Оно ставило перед собой миссионерские цели: «Деятельность Братства простирается на все города, местечки, села и деревни Волынской губернии, стремясь к духовному объединению всех приходов Волынской епархии, имеет целью содействовать развитию и процветанию церковно-общественной жизни и плодотворной деятельности каждого прихода и тем служить нуждам и пользам православной веры и русской народности» [12, с. 84]. Братство утверждало собственным примером идеологию ненасилия, любви, сотрудничества и взаимопомощи – в этом был стержень его деятельности. Мир и клир объединились в общем деле: помощь бедным и страждущим пищей, квартирой, одеждой и деньгами. Вступающие в братство обязывались ежемесячно вносить в его казну некоторую сумму денег. Ее размер определялся самостоятельно. Материальную поддержку братству оказывал художник М.И. Нестеров. В братстве были группы: больничная, благотворительная, погребальная, группа

по пению и чтению в церкви. В годы страшного голода на Украине (1932–1933 гг.) благодаря деятельности братства были спасены жизни сотням жителей города [12, с. 87]. Протоиерей Юлиан Красицкий был одним из самых мужественных и стойких священников, состоявших в Свято-Николаевском Братстве. В 1924 г. он был в числе пяти священнослужителей, которые под руководством епископа Максима (Руберовского) смогли отстоять епархию от нападения обновленцев. Протоиерей Юлиан Красицкий был обвинен в сопротивлении изъятию церковных ценностей, репрессирован, позже канонизирован как новомученик.

На Урале крупнейшими были братство святителя Стефана Пермского в Перми (создано в 1882 г.) и братство святого праведного Симеона Верхотурского (Симеоновское) в Екатеринбурге (учреждено в 1886 г.). В 1918 г. братство во имя праведного Симеона Верхотурского в Шадринске основал протоиерей Николай Буткин. В период с 1920 по 1926 гг. он несколько раз арестовывался в Шадринске за «контрреволюционное содержание проповедей» и за «помянутое на богослужении Патриарха Тихона». Братство ставило своей задачей объединение верующих около церкви и поднятие веры в людях до степени сознательной. В списках членами братства значились 223 человека. Социальный состав членов братства: 20% – мужчины, 80% – женщины; большую долю (49 %) составляли женщины-домохозяйки из мещанского сословия, 25% – крестьяне, примерно равную долю служащие (7%) и рабочие (6%), священники, их жены и приходской клир (6%) [8, с. 121]. Согласно Уставу, главная цель братства – проповедь святого Евангелия и религиозно-нравственное просвещение. Приоритеты братской жизни – труд для ближних, на общее церковное дело; милосердие; молитва. Члены братства участвовали в приходской благотворительности, в попечении о благолепии храма, поддержании на должной высоте церковной службы, в укреплении церковной дисциплины. В июне 1919 г. протоиерей Николай вместе с братчиками организовал для детей пешую экскурсию в Далматовский монастырь (в 50 км от Шадринска), которая собрала около 300 детей. Их сопровождали в большом количестве взрослые, по пути следования присоединялись местные жители, и это стало всенародным праздником веры. Всего приняло участие в этом событии около 800 человек [8, с. 124]. Братству был выделен надел земли для огорода. Он был благотворительным делом, урожай с него распределялся между бедной и малоимущими членами братства. 21-23 сентября 1921 г. состоялось Уездное церковное собрание клира и мирян церквей Шадринска и Шадринского уезда, на котором обсуждался вопрос распространения братского опыта на приходах Шадринского уезда по примеру Симеоновского братства [8, с. 126]. Согласно декрету Советской власти «Об отделении церкви от государства» братство было закрыто в 1926 г. Постановлением Окружного Административного Отдела. Протоиерей Николай был обвинен в контрреволюционной деятельности и расстрелян в ноябре 1937 г. Симеоновское братство позволило людям в трудное время гонений на церковь выжить на благодаря братской поддержке.

В апреле 1918 г. в Ташкенте прошло общее собрание ташкентского Религиозно-просветительного общества. Участники постановили переименовать «Общество» в «Братство», включив в его задачи миссионерскую и благотворительную деятельность. Было решено сделать его центром религиозно-просветительной деятельности для всей Туркестанской Архиепископии, так как эту цель братство может достигнуть только при активном участии духовенства и мирян всего Туркестанского края. Председателем братства избран доктор медицины, будущий архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Главная цель Братства – «защита православия от нападков неверия и противостояние безбожию», благотворительность и религиозно-нравственное просвещение [6, с. 138]. Братство заявило о себе как о юридическом лице с правом владения недвижимым имуществом, заключения договоров и ведения судебных дел. Этот пункт был особенно важен, так как упомянутым выше декретом Совнаркома церковные и религиозные общества были лишены прав юридического лица. Состав Братства был широким как сословно, так и территориально. Оно перестало быть только приходским. В 1918 г. в нем числилось «225 человек, из коих

24 священно-церковнослужителя, мирян 201 человек». Духовный попечитель согласно уставу – правящий епископ (в 1918 г. – епископ Иннокентий (Пустынский)). Братство занималось издательской деятельностью, печатью брошюр и листовок. Самым активным направлением стало просвещение. Братчики активно пошли в народ: регулярно проводились собрания, лекции, диспуты, беседы [6, с. 139].

30 января 1918 г. в Москве, в Епархиальном доме, состоялось собрание представителей московских приходских советов и общин. Инициатива собрания принадлежала архиепископу Коломенскому и Можайскому Иоасафу (Каллистову). Основными в повестке дня были вопросы о положении Православной церкви. Было решено образовать Совет объединенных приходов города Москвы. Председателем Совета был Александр Дмитриевич Самарин, московский губернский предводитель дворянства, обер-прокурор Святейшего синода, член Поместного Собора 1917–1918 гг. Совет выработал основные задачи, главная из них – налаживание централизованного управления московскими приходами. Для этого был создан собственный печатный орган – «Еженедельник». Важнейшей задачей стало распространение «Еженедельника» по всем приходам Москвы и Московской губернии вместе с воззваниями патриарха, решениями и постановлениями Поместного собора, а впоследствии – и Высшего церковного совета. Вторую важную задачу Совет видел в организации православного народа для охраны церквей, храмов, монастырей и их святынь от всякого посягательства и мародерства со стороны советской власти [16, с. 241]. Опираясь на призыв патриарха создавать «братства, союзы, советы...», Совет призывал открывать религиозные общества и братства из лиц, живущих и не живущих на территории прихода. Среди таких объединений – Братство храма Христа Спасителя, Союз ревнителей и проповедников благочестия. При многих московских церквях были созданы отделения «Братства ревнителей», его устав был одобрен патриархом Тихоном [16, с. 244]. Возникали общины и братства, поддерживавшие связь с Советом объединенных приходов Москвы, и в городах Подмосковья: в начале февраля 1918 г. из жителей Сергиева Посада при академическом Покровском храме создана община по защите Лавры. Члены общины, сплотив жителей города, смогли в январе 1921 г. предотвратить вывоз мощей преподобного Сергия из Лавры. Члены Братства по защите Ново-Иерусалимского монастыря, образованного 10 апреля 1918 г., смогли предотвратить варварское уничтожение иконостаса и алтаря монастыря. В июне 1918 г. появился Союз православных женщин (председатель – бывшая фрейлина императрицы Александры Федоровны, Софья Дмитриевна Самарина). Союз создан для помощи нуждающимся и находящимся в заключении духовенству и мирянам, но он осуществлял и религиозно-просветительскую деятельность. К апрелю 1918 г. в Москве «в целях церковного оживления и приходской взаимопомощи» образовалось «Первое содружество православных приходов», куда вошли Рождественский монастырь, церковь Сергия в Пушкинах, церковь Николы в Звонарях, церковь Успения в Печатниках и церковь Знамения у Петровских врат. Деятельность Совета помогала не только защищать церковные святыни Москвы и Московской губернии, отстаивать права духовенства и мирян, поддерживать их в тюрьмах, но и в условиях прямых запретов советской власти развивать такие важные направления церковной жизни, как богослужение и проповедь, духовное просвещение детей и взрослых. Совет объединенных приходов Москвы стал новой формой руководства приходской жизнью, основанной на соборном начале. Он просуществовал всего два года, но сумел так организовать свою деятельность, что все основные вопросы церковной жизни Московской епархии решались под его руководством и при его участии, а приходские советы продолжали поддерживать церковную жизнь в Москве и в 1920-е годы, во время больших антицерковных кампаний [16, с. 245–246].

12 марта 1917 г. в Рождественской церкви г. Архангельска состоялось собрание священников городских церквей. Было признано необходимым образовать Союза духовенства и мирян. Задачи Союза: объединение духовенства и православных мирян Архангельской епархии для успешного достижения общецерковных задач; поддержание

православной веры и церкви; «охранение» и укрепление христианских начал в жизни личной, общественной и государственной. Архангельский Союз духовенства и мирян, будучи самостоятельным органом церковной общественности, являлся отделением Всероссийского Союза в пределах епархии [7, с. 251]. В феврале 1918 г. в Свято-Троицком кафедральном соборе Архангельска состоялись многолюдные собрания прихожан с участием всего городского духовенства. Было зачитано Воззвание патриарха Тихона. Собрание приняло развернутое Постановление о недопустимости гонений на церковь, а для подъема религиозного чувства верующих решено было устроить 18 февраля крестный ход с участием всех городских и пригородных приходов. В крестном ходе принимало участие 25–30 тысяч человек. В июне 1918 г. на очередном съезде Союз вынес важнейшие вопросы: укрепление христианского просвещения в епархии; объединение деятельности трех миссионерских учреждений епархии: Епархиального миссионерского совета, Беломорско-Карельского братства и Архангельского епархиального миссионерского комитета в одно учреждение под названием «Архангельский Епархиальный Миссионерский Совет» под председательством епископа Павла (Павловского) [7, с. 256]. В апреле 1919 г членами Союза написан протест против гонений на церковь, против мучений и убийств безоружного православного духовенства. Протест с подписями более 1000 верующих был вручен председателю Временного Правительства Северной области П. Ю. Зубову, а затем передан для заявления на Мирной конференции в Париже [7, с. 260]. После вывода союзнических войск Союз духовенства и мирян активизировал свои действия, призывая все церкви производить кружечные сборы в пользу причтов и церквей, пострадавших от большевиков. Наряду с оказанием материальной помощи фронту, Союз заботился и о духовной пище для солдат. В качестве рождественских подарков в январе 1920 г. на собранные Союзом деньги на фронт было доставлено и роздано воинам 500 экземпляров Священного Евангелия, а также 1000 пирогов с семгой. Сестры Сурского подворья безвозмездно сшили 160 пар нательного белья для фронтовиков [7, с. 261]. В феврале 1920 г. к власти в Архангельске вновь пришли большевики. Члены Союза духовенства и мирян были арестованы, дело Союза передано в Верховный трибунал. Так прекратилась деятельность организации «Союз духовенства и мирян».

В период октябрьской революции провозглашенные большевиками принципы вызвали отрицательную реакцию как высших церковных иерархов, так и рядовых священников, и верующих. Они не приняли постановлений правительства, считая их своеобразным покушением на Православную церковь. В июне 1918 г. в Тобольской губернии устанавливается власть Временного Сибирского правительства. Именно при нем (июнь–ноябрь 1918 г.) создается наибольшее количество общественно-религиозных организаций. В августе 1918 г. возник Союз ревнителей Православной Церкви в Ялуторовске, функционируя за счет членских взносов и пожертвований. Его члены – православные христиане без ограничения возраста. Перед ними стояла цель – «объединение около Христа и Его Церкви». Для этого устраивались собрания и беседы, издавались и распространялись листовки и брошюры, проводились детские беседы и богослужения, вечера духовной поэзии и всенародного пения, открывались библиотеки-читальни [14, с. 203]. В августе 1918 г. организовано Спасо-Богородичное Братство при Тобольском Знаменском монастыре. Участники Братства ставили задачу сплочения защитников церкви и ее святынь. Свою деятельность Братство проявляло в деле помощи нуждающимся. При Братстве был образован отдел милосердия, который занимался изысканием средств и способов помощи бедным. Откликом на реорганизацию церковных школ и изгнание Закона Божия из всех учебных заведений явилось создание в епархии нескольких церковно-общественных объединений в поддержку прежней системы народного образования. При Ялуторовской учительской семинарии создается Братство с целью религиозно-нравственного просвещения. На средства его членов (родители и сами семинаристы) был нанят законоучитель. На собраниях обсуждались религиозно-нравственные, философские и научные проблемы. Тобольский законоучительный союз, созданный по инициативе

Тобольского Епархиального Братства Дмитрия Солунского, включал 42 члена, в том числе 15 законоучителей, 14 преподавателей и 13 мирян. Союз ставил перед собой задачи: преподавание молодому поколению Тобольска Закона Божия как предмета, развивающего христианскую личность и воспитывающего высшие идеалы человеческого духа; взаимопомощь всем законоучителям города; защита профессиональных интересов и служебно-правового положения законоучителя в школе. Реальная деятельность Союза заключалась в установлении связи с родительскими организациями и комитетами, устройстве внешкольных занятий и бесед, детских богослужений, вечеров религиозных песнопений [14, с. 205].

17–20 сентября 1918 г. в г. Ново-Николаевске прошел первый Западно-Сибирский Законоучительный съезд, в работе которого принял участие делегат из Тобольска – избранный его секретарем священник М. Степанов. Делегаты пришли к выводу о необходимости защитить Закон Божий. Главный способ защиты – единение законоучительства с родительскими организациями. Родители составляли приговоры в защиту Закона Божия. Съезд провозгласил образование Западно-Сибирского Законоучительского Союза. В него входили губернские союзы, состоявшие из союзов в губернских городах и уездах. Система финансирования – членские взносы: каждый законоучитель ежегодно жертвовал сумму однодневного заработка на издательство и устройство библиотек. Это положение было включено в обращение к Временному Сибирскому правительству. Заместитель председателя Совета министров И.И. Серебрянников, ознакомившись с решением съезда, заявил; Закон Божий останется предметом обязательного преподавания, а законоучитель является полноправным членом ее педагогического персонала [14, с. 207]. Движение законоучителей – яркий пример того, как представители церковной общественности добились реальных успехов в деле признания властями прав и привилегий православной церкви через активную просветительскую, воспитательную и пропагандистскую работу. В связи с расширением общественно-религиозного движения в Тобольске произошло объединение всех организаций. В итоге был образован Союз православных приходов города Тобольска. Устав Союза определил и его основные задачи: объединение приходов в деле охраны храмов, церковных святынь от посягательств на них, защита паствы и ее духовных руководителей от насилия; содействие развитию всякого рода полезных учреждений [14, с. 208].

В современной Русской Православной Церкви наблюдается не только исторический интерес к братской традиции, но и приметы возрождения самого братского движения. Это стало возможным после Поместного собора 1988 г., который объявил о необходимости возвращения к приходским и епархиальным союзам мирян и духовенства. В 1990 г., по благословению патриарха Алексия II, был создан Союз православных братств, куда сразу вошло больше 50 объединений со всей страны. Призванные способствовать оживлению приходской жизни, они стали участвовать в восстановлении храмов и монастырей, вести издательскую, духовно–просветительскую и благотворительную работу. В этот период в Ханты-Мансийском округе были зарегистрированы первые православные приходы в городах Сургут (Свято-Никольский приход, 1987 г.), Нижневартовск (приход Иоанна Предтечи, 1988 г.). По благословению архиепископа Омского и Тюменского Феодосия Решением заседания Совета по делам религий при Совете Министров СССР (протокол № 20 от 28.10.1988 г.) в г. Нефтеюганске была зарегистрирована Православная община в честь великомученика и целителя Пантелеимона, входящая в состав Тобольско–Тюменской Епархии. 20 апреля 1990 г. Указом Его Преосвященства Преосвященнейшего Антония епископа Тобольского и Тюменского настоятелем прихода был назначен иерей Николай Матвийчук. В сентябре 1993 г. по благословению епископа Тобольского и Тюменского Дмитрия при храме святого великомученика и целителя Пантелеимона открыта воскресная школа, основной задачей которой является воцерковление детей в традициях Русской Православной Церкви. 12 выпускников школы стали священнослужителями. С 2003 г. работает группа «Родничок» по подготовке детей к поступлению в первый класс

православной гимназии. За прошедшие годы учащиеся Воскресной школы побывали в паломнических поездках, присутствовали на престольных праздниках приходов многих городов и поселков нашего округа, неоднократно – в духовной столице Сибири, городе Тобольске. В 2003 г. Воскресной школе Департаментом образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа выдана Лицензия негосударственному образовательному учреждению дополнительного образования «Воскресная школа». Выпускники Воскресной школы – хорошее пополнение рядов молодежного движения «Сибирь Молодая Православная», которое действует на приходе с 2000 г. В 2014 г. на территории Ханты-Мансийской епархии было зарегистрировано Региональное молодежное общественное движение «Югра Молодая Православная», в состав которого вошло Нефтеюганское подразделение Нефтеюганского отделения РМОД «ЮМП». Окормливание членов подразделения осуществляет штатный клирик прихода иерей Федор Максимов. Направления деятельности движения: организация миссионерской работы среди молодежи; привлечение молодежи к социальному служению Церкви; поддержка православного семейного воспитания; создание информационного пространства для православной молодежи; организация досуга и дополнительного образования для детей и молодежи. В 1997 г. при приходе организовано православное Братство, члены которого несут послушание при храме: поют на клиросе, являются хоругвеносцами во время Крестных ходов, участвуют в строительно-хозяйственных работах и в подсобном хозяйстве прихода, обеспечивают охрану храмового комплекса и правопорядок во время Богослужений, Крестных ходов и других мероприятий. Поддержание и развитие приходской жизни стало для Братства важной задачей. 27 декабря 1997 г. организовано православное Сестричество во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона. Основная цель деятельности Сестричества – возрождение традиций медико-социального служения, развитие движения милосердия и душепопечения на основе православного вероисповедания в социальных учреждениях города, оказание патронажной помощи престарелым людям и инвалидам на дому. С 1998 г. сестры милосердия посещают хирургическое, травматологическое и неврологическое отделения городской больницы. На пожертвования прихожан и сестер милосердия приобретена православная литература и создана сеть православных библиотек во всех окормляемых отделениях больницы. Установлен тесный контакт сестричества с администрацией Социального приюта. Работают с «Центром социальной поддержки комитета по делам семьи», оказывая помощь малообеспеченным слоям населения, одиноким пенсионерам, инвалидам и ветеранам прихода. В мае 2007 г. в структуре прихода начала свою работу группа православных врачей – Общество православных врачей в честь святителя Луки Войно-Ясенецкого. Цель общества – объединение усилий православных врачей для привнесения христианских православных ценностей в медицину и содействия укреплению здоровья населения.

Содержательна и многообразна жизнь прихода храма Святого Духа. Приход объединяют рождественские и пасхальные празднества, парад Победы 9 мая, престольные праздники, образовательные Рождественские и Кирилло-Мефодиевские Чтения, Дни славянской письменности, акции «За жизнь» (защита традиционных семейных ценностей, святости материнства и детства), «Своих не бросаем» (помощь за счет собственных средств бойцам из зоны специальной военной операции), «Подари Рождество» (вручение рождественских подарков и продуктовых наборов гражданам пожилого возраста, инвалидам, семьям участников СВО) и многие другие.

Возникновение и деятельность православных братств в один из самых трагических периодов отечественной истории стало феноменом исключительной важности для сохранения и выживания Русской Православной Церкви. Как демонстрирует анализ исторического материала, братское движение начала XX в., инициированное призывом Святейшего Патриарха Тихона, явилось прямым ответом верующих на беспрецедентные гонения со стороны богоборческой власти. Оно стало уникальной формой консолидации клира и мирян, воплотившей в жизнь соборные идеалы, провозглашенные Поместным

Собором 1917–1918 гг. Несмотря на разнообразие конкретных задач (от прямой физической защиты святынь до просветительской и благотворительной работы), все братства преследовали единую цель: защитить Церковь и сохранить православную веру в условиях систематического уничтожения ее институтов. Деятельность таких объединений, как Александро-Невское братство в Петрограде, Свято-Николаевское в Житомире, Симеоновское в Шадринске, Ташкентское братство во главе с будущим святителем Лукой (Войно-Ясенецким), а также Совета объединенных приходов Москвы и Союза духовенства и мирян в Архангельске, наглядно свидетельствует о массовом и самоотверженном движении, которое взяло на себя функции не только духовного сопротивления, но и социального служения, образования и материальной поддержки нуждающихся в годы гражданской войны, голода и репрессий. Исторический опыт братств 1918–1920-х гг. доказал свою высокую эффективность. Он продемонстрировал, что именно добровольное объединение мирян на основе глубокой веры и личной ответственности за судьбу Церкви стало той «живой силой» (по выражению Патриарха Тихона), которая смогла противостоять тотальному разрушению. Этот опыт заложил основы для выживания Церкви в катакомбный период и стал духовным фундаментом для ее возрождения в конце XX в. Современное возрождение братского движения, начало которому было положено после празднования 1000-летия Крещения Руси, является прямым продолжением этой славной традиции. Как показывает пример общин в Ханты-Мансийском округе, сегодняшние братства и сестричества, сохраняя верность традиционным направлениям деятельности (миссионерство, образование, благотворительность, социальное служение), успешно адаптируются к новым вызовам времени, оставаясь неотъемлемой частью приходской жизни Русской Православной Церкви. Таким образом, День православных братств, отмечаемый 1 февраля, – это не только дань исторической памяти о мужестве предков, но и напоминание о непреходящей ценности соборности, единства и личной инициативы в деле защиты и укрепления веры, актуальных для Церкви во все времена.

Список источников и литературы

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994.
2. Бахревский В.А. Патриарх Тихон. Крестный путь. М.: Вече, 2018.
3. Воззвание Священного Собора Православной Российской Церкви к православному народу по поводу декрета о свободе совести // Православная Москва в 1917–1921 гг.: Сборник документов и материалов / Авторы-составители А.Н. Казакевич, В.В. Марковчин, Т.С. Тугова, А.М. Шарипов. М.: Изд. Главного арх. упр. г. Москвы, 2004.
4. Дорофеев Ф.А. Православные братства: генезис, эволюция, современное состояние. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006.
5. Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М.: Крутицкое патриаршее подворье: Общество любителей церковной истории, 2005.
6. Клейменова Л.А. Православные братства в истории России: К 100-летию возвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов: Сборник научных трудов. В 2 ч. М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2018. Ч. 1.
7. Клейменова Л.А. Православные братства в истории России: К 100-летию возвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов: Сборник научных трудов. В 2 ч. М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2018. Ч. 2.
8. Парфенова Е.Г. Деятельность прот. Николая Буткина по созданию братства во имя прав. Симеона Верхотурского в г. Шадринске в 1918–1926 гг. / Е. Г. Парфенова // Церковь. Богословие. История : Материалы III Международной научно-богословской конференции, посвященной 130-летию Екатеринбургской епархии и памяти Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской, Екатеринбург, 06–07 февраля 2015 года / Екатеринбургская

митрополия, Екатеринбургская духовная семинария Миссионерский институт Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт гуманитарных наук и искусств Лаборатория археографических исследований. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2015. С. 511–521.

9. Казакова-Апкаримова Е.Ю. «Под победным знаменем Креста Господня»: деятельность приходских братств на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX вв. / Е.Ю. Казакова-Апкаримова // Семнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании: материалы международной научно-практической конференции, Челябинск, 16-17 мая 2019 года / Сост. О.В. Терехова. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2019. С. 129–137.

10. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство: 1917-1941г.г.: Документы и фотоматериалы. М.: ББИ, 1996.

11. Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского института. Вып. 21 (спецвыпуск). М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2017.

12. Современники о Патриархе Тихоне: В 2 т. / Сост. и автор коммент. М.Е.Губонин. Т. 1. М.: ПСТГУ, 2007.

13. Старостенкова Е.Е. Милосердие как образ жизни: история создания и деятельности Свято-Николаевского братства в Житомире (1918–1934 гг.) URL: <https://clck.ru/3P4m9S> (Дата обращения: 08.03.2025).

14. Цысь О.П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй пол. XIX–нач. XX вв. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2008.

15. Шкаровский М.В. Александро-Невское братство 1918–1932 гг. СПб.: Православный летописец Санкт-Петербурга, 2003.

16. Яшина С.А. Возникновение и деятельность Совета объединенных приходов Москвы (1918-1920 гг.). URL: <https://clck.ru/3P4mH6> (Дата обращения: 08.03.2025).

D.A. Sapko
Nefteyugansk, Russia

HIS HOLINESS PATRIARCH TIKHON OF MOSCOW AND ALL RUSSIA AND THE ORTHODOX BROTHERHOODS (1918-1925)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the emergence and activities of Orthodox brotherhoods in Russia during the critical historical period following the 1917 revolution. It examines the phenomenon of the mass creation of these voluntary associations of laity and clergy as a direct response to the call of Patriarch Tikhon to defend the Church from persecution by the new authorities. Using specific examples (the Alexander Nevsky Brotherhood in Petrograd, the St. Nicholas Brotherhood in Zhitomir, the Simeonovsky Brotherhood in Shadrinsk, the Council of United Parishes of Moscow, etc.), the main directions of their work are revealed: the physical protection of shrines, legal resistance, religious and moral education, publishing, and large-scale charitable activities. The author concludes that the brotherhood movement became a crucial form of the Church's survival, embodying the ideas of *sobornost* (conciliarity) and personal responsibility of the laity. In conclusion, the continuity of this tradition and the revival of brotherhoods in the modern period as an important element of parish life are noted.

Keywords: Orthodox brotherhoods, Patriarch Tikhon, persecution of the Church, protection of shrines, sobornost (conciliarity), laity.

About the author: Sapko Daniil Aleksandrovich, student of the Sunday school at the Church of the Holy Spirit in Nefteyugansk.

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И ОСВЯЩЕНИЯ В Г. СУРГУТЕ СОБОРНОЙ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ (1745 г.) И СВЯТО-ТРОИЦКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА (2023 г.): СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена истории строительства и освящения в г. Сургуте Соборной Троицкой церкви (1745 г.) и Свято-Троицкого кафедрального собора (2023 г.). Авторы предприняли попытку обозначить культурное, историческое и духовное преемство между утраченной деревянной Троицкой церковью и новым монументальным каменным Троицким собором г. Сургута. В исследовании проводится сопоставительный анализ исторических данных из архивных документов и открытых интернет-источников, посвященных обстоятельствам строительства и освящения храмов в XVIII и в XXI веках. Исследуются данные о том, сколько в храмах было приделов и кому они были посвящены, а также о том, кто, когда и как совершил освящение храмов.

Ключевые слова: Соборная Троицкая церковь г. Сургута, Свято-Троицкий кафедральный собор г. Сургута, святитель Антоний (Стаховский) митрополит Тобольский и Сибирский, Антоний (Нарожицкий) митрополит Тобольский и Сибирский, иеромонах Иосиф (до пострига – протоиерей Иоанн Сергеев), Кирилл (Гундяев) патриарх Московский и всея Руси, Павел (Фокин) митрополит Ханты-Мансийский и Сургутский.

Сведения об авторах: Клюкина Мария Сергеевна, Частное общеобразовательное учреждение гимназия во имя Святителя Николая Чудотворца, г. Сургут, ученица 10 класса, m_kliukina@mail.ru.; Филоненко Павел Леонидович, Частное общеобразовательное учреждение гимназия во имя Святителя Николая Чудотворца, г. Сургут, ученик 10 класса, popularnov63@gmail.com.

История Православия на сибирской земле представляет большой интерес как для историков, так и рядовых жителей региона. Обширная Тобольская епархия, в состав которой входил весь Ханты-Мансийский автономный округ в целом и г. Сургут в частности, была местом явления необычайного подвига веры. Русские поселенцы стремились просветить светом христианской веры местные народы, которые придерживались языческих верований. Помимо миссионерской и просветительской деятельности, важной частью жизни Русской Православной Церкви было строительство храмов. Внешнее и внутреннее благолепие православного храма должны были производить впечатление на иноверцев и побуждать их к принятию истинной веры. Многие из этих храмов были навсегда утрачены как в силу естественных причин (пожаров, наводнений), так и во времена гонений на Русскую Церковь во время советской власти.

Удивительна история сургутских храмов, посвященных Святой Троице: деревянного (утрачен во время пожара в сер. XVIII в.), каменного (разрушен в XX в.) и нового (построен в нач. XXI в.). Фактически, это три разных храма, которые, однако, тесно связаны между собой и могут восприниматься как единое целое в культурном, историческом и духовном плане. Несмотря на то что они значительно отличаются по целому ряду параметров – материалы, из которых они были построены, внутреннее и внешнее убранство и даже место расположения – эти храмы посвящены Святой Троице, имеют статус соборной церкви и в церковном сознании воспринимаются как один храм.

История каменного дореволюционного храма достаточно изучена, а вот история деревянной церкви покрыта мраком и представляет особый интерес исследователей. По истории строительства и освящения этой церкви сохранились немногочисленные архивные документы, которые используются в данном исследовании. Что касается нового Свято-Троицкого кафедрального собора, то история его строительства и освящения еще нешла

отражения в исторических исследованиях, но уже стала важным историческим событием, которое нуждается в анализе и осмыслении.

В данной статье анализируются материалы, касающиеся истории строительства деревянной Соборной Троицкой церкви г. Сургута в середине XVIII в. и Свято-Троицкого кафедрального собора в начале XXI в. В рамках исследования подвергаются историческому и культурно-лингвистическому анализу архивный документ 1745 г. «Дело о построении и освящении в Сургуте Соборной Троицкой церкви и других церквей» [2], хранящийся в Государственном архиве в г. Тобольске, а также данные из открытых интернет-источников о строительстве нового Свято-Троицкого кафедрального собора в г. Сургуте.

Строительство и освящение Соборной Троицкой церкви в г. Сургуте в 1745 г.

Устройство храма. Соборный храм, возведенный в городе Сургуте по благословению митрополита Тобольского и Сибирского Антония (Стаховского), представлял собой собор с четырьмя престолами, которые располагались на двух уровнях или этажах. На первом этаже располагались два придела: первый, основной, находился вблизи входа в храм и был посвящен Введению во храм Пресвятой Богородицы, второй был посвящен иконе Знамение Пресвятой Богородицы. Остальные два придела находились на втором этаже. Главный алтарь, как весь храм, был посвящен Святой Троице, а другой – святителю Николаю, архиепископу Мир Ликийских, Чудотворцу. Освящение первого престола в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы состоялось 31 января 1741 г., освящение второго престола в честь иконы Знамения – 23 октября 1742 г.

К 1745 г. второй этаж был достроен, однако приделы и престолы не были освящены. Жители Сургута обратились с прошением к митрополиту Тобольскому и Сибирскому Антонию (Нарожицкому) с просьбой освятить эти престолы. Автор прошения, участвовавший в постройке храма, также выражал готовность совершить освящение. В «покорнейшем прошении» на имя митрополита Тобольского и Сибирского Антония (Нарожицкого) от 12 июля 1745 г. эконом и казначей архиерейского дома иеромонах Иосиф (Сергеев) описывает устройство Соборной Троицкой церкви г. Сургута. Храм был двухэтажный, четырехпрестольный: на каждом этаже было два алтаря. Относительно нижнего храма иеромонах Иосиф отмечает: «Прошлых (1)739(го) и (1)740(го) Годов за благословением | Антецессора (предшественника – прим. автора) Вашего Преосщепенства Преосщепен|наго Митрополита Антония (Стаховского – прим. Автора) застроена в) го|роде сургуте соборная Црковь четверо|престольная о два партамента внизу два | престола первый входа во храм престыя | б(д)цы второй в пределе знамения Престой | Б(д)цы, которые по совершенном устройении за | благословением егож Преосщепенства мною ни|жайшим и осщены первой введенской (1)741 Генва|ря 31(го): вторый Знаменской (1)742 годов октя|бря 23: числа» [2, л. 1].

Относительно второго этажа иеромонах Иосиф пишет следующее: «А вверху оной соборной Цркви | построен дваж престола один во имя | Стой Тр(о)цы а другой стителя хр(с)това нико|лая Мирликийскаго которые потомуж в со|вершенное достроение пришли и к надлежащему | благолепию все уже изготовлено токмо | неосщепен, о котором тех перстолов осще|нии всепокорнейше просят Вашего Прео|сщепенства все города сургута обыватели | которое их прошение присем приобщено | чтоб за блгословением Вашего Преосщепенства | позволено было оные престолы остить менеж нижайшему понеже я будучи в сургуте || имел по своей возможности непостро|ению оной соборной Цркви некоторое тщание» [2, л. 1–1об.].

Следует отметить, что устройство каменного храма несколько отличалось от устройства деревянного. В книге «Тобольская епархия. Часть вторая. Описание церквей и монастырей тобольской епархии» 1892 г. содержится следующая информация по каменному собору: «В городе Сургуте. (От Тобольска 8641/2 версты). 1. Градо-Сургутская Троицкая церковь каменная, выстроена в 1781 году; главный престол в ней во имя Святыя Живоначальныя Троицы и приделы: 1-й во имя Введения во храм Пресвятыя Богородицы и 2-й во имя Святителя и Чудотворца Николая» [8, с. 55]. В «Справочной книге Тобольской

епархии к 1 сентября 1913 года» содержится та же самая информация: «Церковь в городе каменная, построена прихожанами в 1781 г., имеет три престола: 1) во имя Святой Троицы, 2) во имя Введения Пресвятой Богородицы и 3) во имя свят. Николая Чудотворца» [6, с. 121].

Строительство храма. Начало строительства было положено в 1740 г., когда по благословенной грамоте, данной митрополитом Тобольским и Сибирским Антонием (Стаховским), была заложена Троицкая церковь с четырьмя престоломи. Важно отметить личный вклад протоиерея Иоанна Сергеева, который, будучи в то время соборным протопопом, приложил немало усилий к возведению храма. Это подтверждается тем, что в прошении упоминается его деятельность во время строительства.

Автор прошения имеет ввиду, что приложил много сил для строительства храма, будучи соборным протопопом – протоиереем Иоанном Сергеевым. Вероятнее всего, священник овдовел и принял монашество и именем Иосиф. Во «всенижайшем и покорнейшем прошении» от 16 апреля 1774 г. жителей Сургута об освящении Троицкого и Никольского приделов второго этажа храма говорится следующее: «Просяшь вашего архипастырского благословения города сургута все обыватели нижеподписавшиеся а о чем том | следует ниже сего | В прошедшем (1)740 году по данной от вашего преосвященства | благословенной Грамоте начата здатися в городе сургу|те соборная троицкая четыре престолная церковь в дан|ной же Вашего преосвященства благословенной Грамоте | означено когда означенная церковь в совершенство | приидеть велено оную освятить по чиноположению це|рковному бывшему в то время в городе сургуте собо|рному протопопу иоанну сергееву которой ныне в | доме Вашего преосвященства определен экономом | Иеромонахъ иосиѳъ а ныне показанная церковь ваши|ми рхипастырскими свтыми млтвами и тщаниемъ оз|наченного Економа иеромонаха иосифа в соверше|нство прииде | Того ради сим предложивше вашего архипастыр|ского благословения все нижайше и покорности про|сим чтоб повелено было вашим архипастырским | благословением оную вновь построенную соборную | церковь освятить дому Вашего Преосвященства | эконому и казначею иеромонаху иосифу» [2, л. 3].

Освящение храма. Иеромонах Иосиф обратился к митрополиту с просьбой, чтобы последний благословил его в командировку из Тобольска в Сургут для освящения приделов и указанных престолов. В тексте прошения указано, что освящение предполагается провести с использованием заранее освященных антиминов. Иеромонах Иосиф также подчеркивает, что его прошение является ответом на просьбу жителей города Сургута. Иеромонах Иосиф выражает надежду на милостивое рассмотрение его прошения.

Иеромонах Иосиф просит благословения митрополита Антония (Нарожицкого) командировать его в Сургут для освящения храма уже готовыми и освященными антиминовыми: «Того ради при прошении означенного Города | сургута обывателей всепокорно Вашего | Преосщенства и я нижайший прошу дабы | соблаговолено было за вашим Архиерейским | благословением означенные в городе сургут | соборной Цккви верхние два престола | преждеданными стыми Антиминсь остить | мнеж нижайшему и для того отпустить | меня из Тоболска в сургут на уреченное время на какое Ваше Преосщенство | заблагоразсудить изволите и о томж | учинить млстивое свое Архипастырское | рассмотрение» [2, л. 1 об.].

Получив Указ митрополита, иеромонах Иосиф посетил г. Сургут и освятил Троицкий и Никольский пределы. В своем отчете о поездке – «репорте» от 2 сентября 1745 г. – он пишет следующее: «По указу вашего преосщенства писанному июля 12 дня | под № 937м сего (1)745 году велено мне нижеименованному ехать во град сургут и по прибытии туда новопостро|енную в том городе соборную троцкую с пределомъ чюдотво|рца николая црковь освидетельствовать буде она | совершенно построена престолы в указную меру | зделаны также буде в ней свтые иконы сосудовъ одеждь шелковыхъ довольно то преждепосланными | от антицессора вшего преосщенного митрополита | антония свтыми

антиминсами соборные священники и диаконы осветить и по освещении велеть | отправлять в ней божественное славословие» [2, л. 7].

В «репорте» (отчете) иеромонаха Иосифа от 2 сентября 1745 г. содержатся конкретные сведения о ходе выполнения указа митрополита по освящению соборного храма в Сургуте. В отчете указано, что согласно указу митрополита, датированному 12 июля 1745 г. (№ 937-м), иеромонаху Иосифу предписывалось прибыть в Сургут и осмотреть новопостроенную соборную Троицкую церковь с приделом Николая Чудотворца. Основной целью осмотра являлось подтверждение факта завершения строительства, соответствия размеров престолов установленным нормам, а также наличия необходимого церковного имущества: икон, сосудов и шелковых одежд.

В случае, если проверка покажет, что храм полностью готов, иеромонаху Иосифу надлежало соборно, совместно со священниками и диаконами, освятить храм, используя ранее присланные освященные антиминсы, полученные еще от митрополита Тобольского и Сибирского Антония (Стаховского). После освящения предписывалось распорядиться о начале совершения в храме регулярных богослужений.

В завершение своего отчета иеромонах Иосиф предоставляет информацию об обеспечении новопостроенного храма. Он подчеркивает, что действовал в соответствии с указом митрополита и лично убедился в полной готовности церкви к совершению богослужений. Священник свидетельствует, что строительство церкви было полностью завершено. Престолы были сделаны в соответствии с установленными нормами. Храм был также обеспечен всем необходимым для начала богослужений: имелись святые иконы, серебряные сосуды, на престольные одежды, шелковые священнические облачения, а также новые, а не старопечатные книги.

Подтвердив готовность храма, иеромонах Иосиф сообщает, что 28 июля он совершил освящение Троицкой церкви и придела Николая Чудотворца, при этом освящение было проведено в соответствии с церковными правилами. Относительно обеспечения святого храма он отмечает: «И по силе оного вшего преосщещенства указа | иа нижеименованный усмотрел что та новопо|строенная с пределом црковь совершенно строе|нием окончана и престолы в указную съделаны | меру и стыми образами сосудами сребренными | на престольными одеждами и щенническими обла|чениями шелковыми также и книгами всего || црковнаго круга новоисправными а не старопеча|тными удовольствована. И тогож июля 28 реченную | троцкую црковь а во пределе чудотворца Николая | по црковному чиноположению остил в которых | и службу бжию отправлять приказал о чесом преосще|нству вшему сим блгопочтенно и репортчу» [2, л. 7–7 об.].

Свято-Троицкий кафедральный собор г. Сургута.

Устройство храма. Современный облик кафедрального собора представляет собой смелое архитектурное решение, где традиционные мотивы переплетаются с новейшими инженерными разработками. Храм отличается своей монументальностью и функциональностью, что достигается за счет использования заводских панелей при изготовлении купольных сводов. Так, центральный барабан, диаметр которого составляет 13 метров, был собран из восьми специально изготовленных панелей, а общая высота купола от пола до его наивысшей точки достигает 40 метров. Помимо главного, собор украшают девять основных и восемь декоративных куполов.

В храме три предела: центральный, посвященный Святой Троице, южный – в честь праведных Симеона и Анны пророчицы, и северный – в честь мученицы Галины (Предстоятель Русской Церкви совершил великое освящение Свято-Троицкого собора г. Сургута). Внутри здания расположено не только богослужebное пространство, но и рабочие кабинеты для священнослужителей, трапезная и конференц-зал для проведения различных мероприятий, а на самом нижнем этаже размещена современная автомобильная парковка на 300 мест, что является важным элементом обеспечения комфорта прихожан. Как отмечается на официальном сайте Ханты-Мансийской митрополии: «Собор сможет

вместить более полутора тысяч прихожан, а современные технические решения позволяют обеспечить функциональность и удобство в эксплуатации здания» [5].

Возрождение храмового комплекса в Сургуте приобретает дополнительное значение с точки зрения культурно-исторического наследия. Объединение традиционных архитектурных мотивов с передовыми технологиями демонстрирует, что возможно создать здание, способное выдержать испытание временем, оставаясь одновременно символом древних традиций и воплощением новейших инженерных достижений. Такой подход позволяет не только сохранить историческую память, но и обеспечить функциональность здания, отвечающую современным требованиям. Все это свидетельствует о том, что современные технологии способны внести значительный вклад в развитие традиционной архитектуры, не утрачивая ее духовного содержания. В этом контексте можно говорить о синергии инноваций и традиций, когда каждая новая технологическая возможность становится инструментом для возрождения культурных и духовных ценностей.

Современное искусство храмостроения в Сургуте показывает, что инновационные методы могут успешно дополнять и обогащать традиционные архитектурные решения. Роспись интерьера, выполненная талантливыми иконописцами из Томска, становится завершающим штрихом, придающим зданию неповторимый духовный облик. Работа над декоративными элементами и настенными изображениями, отражающими сюжет «Святой Троицы», двенадцатые праздники и образы святых отцов, позволяет создать атмосферу истинного благоговения и сосредоточенности, способствующую духовному переживанию каждого прихожанина. Такое художественное оформление превращает собор в настоящий музей духовного творчества, где каждая деталь несет глубокий смысл и способствует укреплению веры.

Особое внимание заслуживает символическое содержание нового храма, которое отражается в тонко проработанной архитектуре, художественном оформлении и сакральном интерьере. Каждый элемент здания имеет глубокий смысл, отражающий мировоззрение и духовные ценности православия. Инновационные технологии изготовления куполов, позволяющие собрать своды из специально изготовленных панелей, в сочетании с традиционными мотивами, создают неповторимую атмосферу, способствующую сосредоточению и молитве. Художественное оформление интерьера, выполненное талантливыми иконописцами, привносит в храм современное понимание традиционного православного искусства, что позволяет не только сохранить, но и обогатить культурное наследие. В результате каждая деталь – от масштабных куполов до изящных росписей стен – становится источником вдохновения для прихожан и посетителей, побуждая их к глубоким размышлениям о духовных ценностях и смысле жизни.

Строительство храма. Процесс возведения нового храма сопровождался внимательным участием высших церковных и светских деятелей, что подчеркивает его общественную и духовную значимость. Значимым этапом в подготовке к строительству стало благословение, оказанное Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом во время визита в Югру в 2013 г. В тот момент место строительства, расположенное в центре города, на пересечении улиц Мира и Островского, было отмечено как священное, и его выбор стал символическим актом, подчеркивающим связь между историческим прошлым и будущим храмового комплекса [4].

Далее последовали этапы испытания строительных конструкций, когда 3 апреля 2016 г. митрополит Ханты-Мансийский и Сургутский Павел (Фокин) совершил освящение первой испытательной сваи, а 16 ноября 2019 г. – чин освящения куполов и крестов строящегося собора [9]. Эти церемониальные мероприятия не только подтвердили надежность инженерных решений, но и символизировали благословение Божие на всю предстоящую работу по возведению храма. В процессе строительства активно взаимодействовали представители духовенства, архитекторы и ведущие предприниматели региона, основным попечителем проекта стал ПАО «Сургутнефтегаз», а строительные

работы доверены компании «Сибпромстрой». Роспись интерьера, выполненная талантливыми художниками-иконописцами из Томска, которые ранее успешно работали над оформлением других крупных храмов региона, придает собору особый духовный колорит и подчеркивает стремление возродить богатое церковное наследие.

Освящение храма. Церемония великого освящения нового Свято-Троицкого кафедрального собора стала кульминационным событием в судьбе храма и получила широкое общественное признание. 28 мая 2023 г., в Неделю седьмую по Пасхе, в торжественной обстановке Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (Гундяев) совершил чин великого освящения собора и провел Божественную литургию в новоосвященном храме. В богослужении принимали участие не только церковные иерархи и духовенство, но и представители светской власти – губернаторы, руководство города, а также бизнеса [0, 3]. Присутствие высокопоставленных чиновников и предпринимателей подчеркивает, что храм является не только религиозным сооружением, но и важным культурным и общественным центром. Богослужение транслировалось на нескольких телеканалах, среди которых «Союз», «Спас» [7] и «Югра», а также в интернете, что позволило привлечь внимание широкой аудитории верующих по всей стране и подчеркнуло значимость данного события для современной российской церкви.

Обширный спектр мероприятий, связанных с возведением нового храма, – от благословения места строительства до торжественного освящения – подчеркивает, что этот проект стал не просто строительным мероприятием, а настоящим культурным и духовным праздником. В нем нашли отражение стремления не только к возрождению исторических традиций, но и к созданию современной, технологически совершенной площадки для молитвы и общения. Такое событие, объединяющее представителей духовенства, светских деятелей и обычных верующих, создает атмосферу единства и вдохновения, способствуя формированию нового культурного кода для города. Оно может стать отправной точкой для дальнейшего обновления городской инфраструктуры, способствуя развитию общественной и духовной жизни, что особенно важно в условиях современной динамичной реальности.

Благословение Святейшего Патриарха и участие церковных иерархов в церемонии освящения демонстрируют, что возведение храма воспринимается как священное дело, объединяющее все слои общества. Именно в этом объединении традиций и современности кроется глубокий смысл проекта, который способен вдохновлять и поддерживать веру, являясь местом не только богослужения, но и культурного диалога. Этот храм является не просто очередным архитектурным проектом, а символом возрождения и единения, способным вдохновлять как верующих, так и всех, кто стремится к гармоничному развитию общества. Освящение, проведенное в 2023 г., стало кульминацией многолетних усилий, отражающих не только технический прогресс, но и глубокое уважение к исторической преемственности, что несомненно станет примером для будущих поколений. Новый храм предстает как живой памятник веры, символ преемственности поколений и пример того, как инновации могут служить развитию традиций, обогащая духовную жизнь общества и вдохновляя на дальнейшие творческие свершения.

Новые перспективы, которые открываются благодаря возведению кафедрального собора, оказывают существенное влияние на все сферы жизни города и региона. Во-первых, архитектурное решение нового храма, сочетающее передовые строительные технологии с глубокими историко-религиозными традициями, служит мощным символом обновления не только церковного пространства, но и городского ландшафта в целом. Современные методы проектирования и монтажа конструкций, примененные в строительстве, способствуют формированию имиджа Сургута как динамично развивающегося мегаполиса, способного гармонично вписать в свою инфраструктуру объекты культурного и духовного наследия. В результате храм становится не только местом богослужения, но и значимым центром притяжения для туристов, историков, архитекторов и тех, кто ищет духовного обновления. Новый собор стимулирует развитие прилегающей территории: рядом с храмом

начинают появляться современные культурные и образовательные центры, а инфраструктура города получает дополнительный импульс для модернизации.

Важное значение имеет и социально-экономический аспект проекта. Возведение храма с участием крупных меценатов, таких как ПАО «Сургутнефтегаз», демонстрирует высокую степень взаимодействия Церкви и общества. Функционирование храмового комплекса тесно связано с организацией культурных мероприятий, туристическим сервисом и ремесленным производством. Образовательные программы, проводимые на базе храма, а также конференции, семинары и выставки, посвященные истории и искусству православной культуры, способствуют повышению уровня культурного образования среди населения, создавая условия для диалога между представителями различных социальных слоев. Таким образом, кафедральный собор становится катализатором положительных перемен, стимулируя не только духовное, но и экономическое развитие города.

Создание нового кафедрального собора оказывает мощное психологическое воздействие на местное население. В условиях современной городской жизни, насыщенной стрессами и быстрыми темпами, наличие величественного духовного центра становится опорой для многих людей, ищущих внутреннюю гармонию и поддержку. Храм, как место, где можно найти убежище от повседневной суеты, способствует формированию позитивного имиджа города и укреплению моральных устоев общества. Это не просто архитектурный объект, а живое свидетельство веры и надежды, способное вдохновлять на преодоление жизненных трудностей и укрепление чувства общности. Подобные объекты всегда играют важную роль в формировании культурной идентичности, способствуя сохранению духовных традиций и исторической памяти.

Перспективы дальнейшего развития проекта также включают создание дополнительных культурных инициатив, направленных на укрепление и распространение православной традиции в регионе. Планируется организация выставок, посвященных истории и искусству православия, проведение фестивалей духовной музыки, конференций и мастер-классов, где местные художники, историки и религиозные деятели смогут обменяться опытом и поделиться своими знаниями. Эти мероприятия будут способствовать не только развитию культурной жизни Сургута, но и расширению образовательных возможностей для молодежи, что в перспективе может положительно сказаться на интеллектуальном и духовном развитии региона. В этом контексте кафедральный собор становится не просто местом для богослужений, а активным участником культурного диалога, объединяющим представителей различных поколений и профессиональных сфер.

Таким образом, возведение нового Свято-Троицкого кафедрального собора в Сургуте является многогранным процессом, который затрагивает вопросы архитектуры, культуры, экономики и социальной политики. Этот проект демонстрирует, как можно сочетать древние традиции с современными технологиями, создавая не просто здание, а живой символ веры, надежды и обновления. Его влияние распространяется далеко за пределы религиозной сферы, способствуя развитию городской инфраструктуры, привлечению инвестиций и укреплению культурной идентичности региона. Новая архитектурная жемчужина Сургута, благодаря своему уникальному облику и глубокому духовному содержанию, станет центром притяжения для тысяч людей, объединяя их в стремлении к духовному совершенствованию и культурному развитию, а также послужит ярким примером того, как инновационные подходы могут способствовать возрождению исторического наследия и укреплению общественных связей.

Удивительная и, в отдельных моментах, трагическая история храма, посвященного Святой Троице в Сургуте, представляет собой наглядное отражение духовной силы Православия в сибирской земле. Достаточно скромный, по современным меркам деревянный храм, построенный в сер. XVIII в., как птица феникс дважды погибал, но восставал в большем великолепии. Сгорев в пожаре, он восстал в камне, а после разрушения в пожаре безбожного гонения, он возродился в небывалом великолепии. В каком-то смысле это является символом духовного возрождения России и победы Правды Божьей над

человеческим злом. В XVIII в. Никто не мог даже представить, что их деревянная церковь, построенная с большим трудом и любовью, не просто возродится через два с половиной столетия, но и освящать ее будет предстоятель Русской Православной Церкви в сослужении с митрополитом Сургутским.

Исторические корни нового Свято-Троицкого кафедрального собора г. Сургута уходят в глубокую древность – к небольшой четырехпрестольной деревянной Соборной Троицкой церкви. Обстоятельства строительства и освящения этих храмов почти не похожи: храмы расположены не на одном месте, имеют совершенно непохожие внешний вид и внутреннее убранство, а также несопоставимую историю освящения. Однако в культурном, историческом и духовном плане эти храмы едины: они посвящены Единому Истинному в Троице Поклоняемому Богу, являются соборными храмами, построенными сибиряками с глубокой заботой и любовью, продолжают свидетельствовать об истинности Православия в многоконфессиональном обществе, несут колоссальную духовно-просветительскую нагрузку. Перспективой развития данной темы может быть привлечение материалов о строительстве и освящении каменного Троицкого собора в XVIII в. для создания более полного исторического исследования, посвященного всем страницам существования Троицкого храма в г. Сургуте.

Список источников и литературы

1. В Сургуте состоялось великое освящение Свято-Троицкого кафедрального собора [Электронный ресурс]: <https://clck.ru/3NzHGS> (дата обращения: 13.03.2025).
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске Ф. И-156. Оп. 1. Д. 186.
3. Освящение храма и его значение [Электронный ресурс]: <https://www.patriarchia.ru/article/104799> (2025. 13 мар.).
4. Предстоятель Русской Церкви совершил великое освящение Свято-Троицкого собора г. Сургута [Электронный ресурс]: <https://clck.ru/3NzH7v> (2025. 13 мар.).
5. Свято-Троицкий кафедральный собор г. Сургут [Электронный ресурс]: <https://clck.ru/3NzHC7> (2025. 13 мар.).
6. Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года // Тобольск: Издание Тобольского Епархиального братства Св. Великом. Димитрия Солунского, 1913. 441 с. разд. паг.
7. ТК «СОЮЗ»: Патриарх Кирилл совершил чин великого освящения Свято-Троицкого собора Сургута [Электронный ресурс]: <https://clck.ru/3NzHLn> (2025. 13 мар.).
8. Тобольская епархия. Часть вторая. Описание церквей и монастырей тобольской епархии. Вып. 4. Омск, 1892. 170 с.
9. Этапы строительства Свято-Троицкого кафедрального собора города Сургута [Электронный ресурс]: <https://clck.ru/3NzHDF> (2025. 13 мар.).

M.S. Klyukina, P.L. Filonenko
Surgut, Russia

THE HISTORY OF THE CONSTRUCTION AND CONSECRATION OF THE TRINITY CATHEDRAL CHURCH (1745) AND THE HOLY TRINITY CATHEDRAL (2023) IN SURGUT: A COMPARATIVE ANALYSIS.

Abstract. The article is devoted to the history of the construction and consecration of the Trinity Cathedral Church (1745) and Holy Trinity Cathedral (2023) in Surgut. The authors attempted to identify the cultural, historical and spiritual continuity between the lost wooden Trinity Church and the new monumental stone Trinity Cathedral in Surgut. The study provides a comparative analysis of historical data from archival documents and open Internet sources on the circumstances of the construction and consecration of churches in the XVIII and XXI centuries. The article examines in detail the structure of temples and the circumstances of their consecration.

Keywords: Surgut Trinity Cathedral Church, Surgut Holy Trinity Cathedral, St. Anthony (Stakhovsky) Metropolitan of Tobolsk and Siberia, Anthony (Narozhitsky) Metropolitan of Tobolsk and Siberia, Hieromonk Joseph (prior to tonsure – Archpriest John Sergeev), Kirill (Gundyaev) Patriarch of Moscow and All Rus', Pavel (Fokin) Metropolitan of Khanty-Mansiysk and Surgut.

About the author: Klyukina Maria Sergeevna, Private educational institution Gymnasium named after St. Nicholas the Wonderworker, Surgut, 10th grade student.

Pavel Leonidovich Filonenko, Private educational institution Gymnasium named after St. Nicholas the Wonderworker, Surgut, 10th grade student.

ИСТОКИ НИЖНЕВАРТОВСКОГО ХРАМОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена комплексному историческому анализу роли первой церкви в становлении и духовной жизни города Нижевартовска. На основе архивных материалов и исторических источников детально реконструируется пятиэтапная история строительства, разрушения и восстановления храмового комплекса, начиная с основания церкви во имя преподобного Сергия Радонежского в селе Нижне-Вартовском в 1908 г. Автор прослеживает ключевые события: первоначальное строительство (1898–1908 гг.), пожар 1911 года и перенос строительства на Нижевартовскую пристань (1911–1917 гг.), период советской власти и закрытие храма (1917–1988 гг.), его кратковременное восстановление (1988–1994 гг.) и, наконец, строительство на историческом месте нового каменного храма в честь Рождества Иоанна Предтечи (2003–2011 гг.). Особое внимание уделяется роли ключевых исторических фигур (священника А.И. Сивиллова, купца В.И. Панкина), деятельности строительных комитетов, а также сложным процессам взаимодействия церковных и гражданских властных институтов. Актуальность исследования обусловлена значимостью изучения вклада православной традиции в формирование социально-культурного пространства сибирских городов. Делается вывод о том, что, несмотря на многочисленные испытания, храм оставался и остается духовным центром, символизирующим стойкость веры и преемственность традиций для жителей Нижевартовска.

Ключевые слова: Нижевартовск, церковь Сергия Радонежского, храм Рождества Иоанна Предтечи, история Русской Православной Церкви, духовная жизнь, краеведение, храмостроительство, Тобольская епархия.

Сведения об авторе: Кортузов Андрей Евгеньевич, обучающийся 10 «Б» класса, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя школа №8».

Существенную роль в становлении города Нижевартовск и укреплении духовности среди жителей будущего города сыграло строительство первой церкви в честь преподобного Сергия Радонежского. Данный процесс можно поделить на пять этапов: 1. 1898–1908 гг. Возведение церкви в селе Нижне-Вартовском; 2. 1911–1917 гг. Пожар в церкви. Перенос строительства нового прихода на противоположный берег Оби – Нижевартовскую пристань; 3. 1917–1988 гг. Период советской России и СССР; 4. 1988–1994 гг. Восстановление церкви, пожар. 5. 2003–2011 гг. Строительство на старом, намоленном месте каменного храма: Рождества Иоанна Предтечи. Актуальность исследования обусловлена важностью изучения истории возникновения первой нижевартовской церкви и ее роли в развитие населенного пункта и духовной жизни населения.

История появления церкви уходит глубоко корнями в 1898 г. После назначения в 1896 г. на должность священника Александра Ивановича Сивиллова в градо-Сургутской Троицкой церкви и новым исправляющим благочинного Сургутских церквей [6, с. 407], Александр Иванович совершил ряд инспекций по благочинию. На основании данных поездок в 1898 г., он написал рапорт в Тобольскую духовную консисторию. В нем обозначил необходимость в возведении молитвенных зданий в двух селениях, расположенных на большом расстоянии от приходских храмов: Охтеурских и Вартовских юртах.[4, с. 32] В документе выделялось, что «Построение Св. храма в юртах Вартовских при впадении Ваха в Обь – явление весьма желательное... Место в означенных юртах высокое, сухое и удобное для построек, а главным образом выгодно в том отношении, что будет центральным между приходами – Ваховским, Ларьякским и Нижне-

Лумпокольским... Но о постройке нового храма на местные средства инородцев, по бедности их, рассчитывать трудно, так как и существующие церкви поддерживаются с трудом» [4, с. 32]. Епископ Тобольский и Сибирский Антоний (Каржавин) одобрил предложение А.И. Сивиллова. «Рассмотреть вопрос в отношении в выборе места для постройки сего храма и отпуске леса бесплатно, если место будет признано удобным, то разрешить о. благочинному поместить в духовном журнале воззвание к благотворителям о пожертвовании на построение сего храма, во всяком случае о. благочинный озаботится приисканием на месте таких людей, которые могли бы быть членами Строительного Комитета в случае накопления достаточных средств для построения храма» [4, с. 33]. Постройка молитвенных домов допускается указом Тобольской духовной консистории за № 10249 от 13 октября 1898 г. А.И. Сивиллову было поручено заняться техническими вопросами. Благочинный 14 января 1899 г. обратился за помощью к епархиальному архитектору Б. Цинке. В свою очередь архитектор составил проект Вартовской часовни и смету 5 февраля 1899 г. [4, с. 33]. Оплатить расходы на строительство в Вартовских юртах взялся – «торгующий мещанин» из Сургута Василий Иванович Панкин. По просьбе Александра Ивановича и с дозволения Самаровского лесничего А.А. Дунина-Горкавича лес на возведение построек был отпущен бесплатно [4, с. 33]. Спустя время благочинный пришел к выводу, о том, что участок расположенный недалеко от устья реки Вах является благоприятным для организации нового прихода и строительства храма, а не часовни [4, с. 33]. Таким образом, пожертвованных В.И. Панкиным 150 руб., было недостаточно. Для решения вновь образовавшегося финансового вопроса в мае 1899 г. в журнале «Тобольских епархиальных ведомостей» было оставлено «Воззвание»: «Сургутский уезд, Тобольской губернии, населен инородцами-остяками, которые в настоящее время все просвещены св. крещением, но для удовлетворения религиозных потребностей существующих храмов далеко недостаточно для этого края. Есть приходы, напр. Ваховский, Ларьякский, Юганский, где юрты инородцев отстоят верст на 400-500 от своего приходского храма. Средств же на постройку новых храмов нет, на помощь со стороны самих инородцев при постройке рассчитывать невозможно ввиду их крайней бедности. Поэтому Преосвященнейший Антоний, епископ Тобольский и Сибирский, благословил составить строительный комитет по постройке нового храма в более центральном месте – при впадении реки Ваха в Обь, и обратиться к благотворителям с просьбою о помощи на этот предмет. К вам, милостивые благотворители, протягивают руки эти полунагие, полуголодные и юные по вере инородцы-остяки за помощью. Помогите им по своему усердию, по расположению своего доброго сердца» [7, с. 178].

В 1904 г. на просьбу откликнулся протоиерей П.Н. Соколов, пожертвовав 5 тыс. руб. с условием, что храм будет освящен во имя преподобного Сергия Радонежского Чудотворца. А, так же в нем будут устроены иконы преподобного Петра и мученицы Надежды, преподобных Серафима Саровского, Феодосия Черниговского, Митрофана Воронежского, пресвятой Троицы и что при жертвеннике будут помещены «дощечки с именами умерших храмоздателя и его родственников» [4, с. 34]. Таким образом, будущий нижевартовский храм получил свое название. В 1902 г. жители села Нижне-Вартовского выбрали самый большой проект строительства храма на 250 человек. В свою очередь консистория утвердила проект 12-13 февраля 1904 г. [4, с. 34] Позже строительный комитет, состоящий из местных жителей, пожелал добавить к церкви еще два купола. Место под строительство было определено техником Ремезовым 12 сентября 1904 г. Он нашел, что т.к. «в большую воду» территория вокруг храма затапливается на пол-аршина (36 см), нужно предварительно возвести насыпь или ряж высотой 1 аршин (72 см). В дальнейшем под фундамент использовался именно ряж – «деревянный сруб, погружаемый в грунт и заполняемый обыкновенно глиной или булыжником» [4, с. 34].

После почти четырех лет строительства 23 августа 1908 г. в юртах Вартовских был открыт приход во имя преподобного Сергия Радонежского Чудотворца. По указу Св. Синода № 10930 причт назначался из двух человек: священника с окладом в 600 рублей в

год и псаломщика с окладом в 200 рублей в г. [8, с. 359-360]. На должность священника был назначен Афиноген Собрин. До этого он являлся псаломщиком при градо-Сургутской церкви [9, с. 368]. Псаломщиком был назначен Петр Копылов [10, с. 86] В журнале Тобольская епархиальная ведомость номер 18 от 16 сентября 1909 г. имеется запись об увольнении за штат псаломщика П. Копылова и назначении на это место в село Вартовское псаломщиком градо-Сургутской церкви Арсения Вергунова [11, с. 191].

Согласно из записей клировых ведомостей можно сделать вывод, что церковь была довольно бедной. Здание деревянное в одной связи с такою же колокольнею, покрыта железом. Утвари недостаточно. Кружечным доходом за истекший год получено 52 руб. 40 коп. Других источников на содержание членов причта нет. Земли при церкви ни усадебной, ни пахотной и сенокосной нет. Дома для священноцерковнослужителей на общественной земле, деревянные, построены тщаниями прихожан в 1909 г. других зданий принадлежащих церкви нет. Приписанных к сей церкви церквей нет, часовен так же нет. Домов кладбищных и молитвенных домов к сей церкви приписанных нет. Опись церковного имущества не заведена. Книг церковного круга, а также церковной библиотеке принадлежащих для чтения нет [2, с. 164].

В ночь на 31 января 1911 г. в храме произошел пожар. Храм полностью сгорел вместе с иконами, антиминсом и церковной утварью. Причина пожара установлена не была. В письме из томского архива имеется описание пожара: «Глубокоуважаемый Петр Николаевич! Очень тяжело, что даже рука не повинуется писать вам эти черные строки. Опишу Вас какое сокровище Бог взял у нас. В 24 часа пополудни услышан был с нашей матушки церкви тревожный звон, созывающий прихожан тушить пожар. И что же видим глядим объят наш местный храм пламенем, как внутри, так и снаружи. Бросились все к месту пожара спасти что-либо из церковной утвари, и что же уже поздно, кто-то сказал, что нет трапезника, он ушел на колокольню и там остался. Несколько человек бросилось к двери, ведущей в колокольню, и там увидели трапезника, лежащего без чувства. Одежда, волосы на нем сгорели, сам он весь обгорел до неузнаваемости. Пожар сильно усилился, первым делом все бросились спасать из алтаря. Когда разбили стекла и рамы, то уже и там сразу показалось пламя и все с поникшей головой отступили от храма, дабы не задавило кого во время падения колокольни и самого корпуса. Пожарных приспособлений у нас никаких нет, и пошел народ на пожар только с одними лопатами» [4, с. 36] Запись из клировых ведомостей: Церковь построена в 1908 г. тщаниями неизвестного благотворителя из Москвы с помощью прихожан, но 31 января с/года от невыявленной причины – сгорела до тла (кроме документов). Священник – Собрин А.В. Псаломщик – Вергунов А.Г. [2, с. 166].

Поскольку церковь была застрахована в Страховом обществе при Св. Синоде, появлялась возможность ее восстановить. Предполагается постройка новой церкви на вырученную страховую премию в размере 7972 руб. 20 коп., но вопрос этот по настоящее время еще не закончен. В течении отчетного года службы совершались в частном доме или переносном пределе [2, с. 166]. 10 июля 1911 г. был создан строительный комитет из 8 человек: А.И. Кайдалов (председатель), М.М. Тырыков (его помощник), А.Я. Кушников (казначей), П.Д. Копылов (делопроизводитель), А. Павлов, Т.А. Слинкин, В.О. Сыкалев, И.А. Сыкалев (члены комитета) [4, с. 37]. Позже возник спор о месте строительства церкви. Часть сельчан считали, что необходимо ставить на том же месте. Главным аргументом являлось удобность расположения. За строительство церкви на противоположном берегу Оби выступили священник А.В. Собрин, псаломщик А.Г. Вергунов и И.А. Селихов [4, с. 37]. Они считали, старое место не пригодно для строительства из-за затопляемости местности. Кроме того, на пристани удобнее собирать пожертвования. Но, нужно понимать, что расположение церкви являлось экономически выгодным для некоторых граждан. В данном случае в селе были расположены места торговли местных купцов В.И. Панкин и А.Я. Кушников. Каждый прибывший на службу не смог бы пройти мимо предприятий купцов. Вероятно, поэтому, финансовую выгоду они ставили выше здравого смысла [4, с.

37]. До декабря 1912 г. проходили голосования за и против. 8 января 1913 г. И.А. Селихов представил в Тобольскую духовную консисторию «приговоры» жителей различных селений. За пристань высказалось 9 юрт: Савкины, М.-Тарховы, Б.-Тарховы, Соромины, М.-Палины, Б.-Палины, Кирилкины, Кол-Еганские, Вахпугольские (примечательно, что в трех селениях были взяты уже вторые по счету «приговоры», т.к. первоначально их жители проголосовали за строительство на старом месте); за старое место – 4: Маионские, Ермаковы, Ванпугольские, Велимские юрты. От 4 юрт – Ликрысовых, Килькиных, Кабиных, Калымских – «приговоры» не были получены «за отлучкой остяков» [4, с. 40]. 19 января 1913 г. Тобольская духовная консистория «приказала»: «Согласно отзывам местных о. благочинного священника Иоанна Селихова, Вартовского причта и большинства прихожан местом для постройки храма избрать русский поселок что против села Вартовского на противоположной стороне реки Оби, где имеется пароходная пристань, как место высокое, никогда не затопляемое водою...» [4, с. 40]. С данным решением согласны были далеко не многие. Поэтому, происходило торможение процесса строительства. В конечном итоге 30 июня 1913 г. прошло переизбрание строительного комитета. Новый состав: священник А.В. Калюжный (председатель), псаломщик А.Г. Вергунов (казначей), церковный староста и постоянно проживавшие на Нижневартовской пристани: Тобольский мещанин Николай Иванович Пермяков, крестьянин Бронниковской волости Тобольского уезда Спиридон Давыдович Панов, крестьянин этой же волости и уезда Илларион Михайлович Гребнев [4, с. 41]. 23 августа 1913 г. прошел осмотр места под строительство церкви. В акте было написано: «Выбор наш остановился на незатопляемой гриве, покрытой хвойным лесом в 80 саженьях от высокого Обского берега. Причем грунт оказался вполне прочным: сверху под перегноем идет толстый слой суглинка, как показал выкопанный шурф глубиной три аршина, куда поставлен деревянный» [4, с. 41]. Проект строительства рассматривался и утверждался строительным отделением Тобольского губернского управления, для чего в Нижне-Вартовское был командирован младший архитектор Л. Андриевский. Документ содержал общий план здания, его ограды, а также указания, количества бревен, их длина необходимая для заготовки [1, с. 42]. Позднее предприниматель Покура Василий Непомнящий, выиграв торги обязался доставлять строительный лес для новой церкви. Транспортировка шла из низовий Ваха. Лес сплавлялся до устья и далее по Оби к пристани Нижневартовской. 13 декабря 1913 г. строительным отделением Тобольского губернского управления были утверждены план и фасад. В августе 1914 г. разрешено было начать закладку храма. К августу 1915 г., завершилась рубка стен [1, с. 41]. После долгих лет произведенных работ 17 августа 1917 г. был подписан акт приемки церкви в честь преподобного Сергия Радонежского Чудотворца расположенной на пристани Нижневартовской [4, с. 42]. О результатах осмотра новопостроенного храма на Вартовской пароходной пристани, Вартовского прихода, Сургутского уезда, произведенного во исполнение распоряжения Епархиального Начальства, от 16 марта 1917 г. за № 5677, благочинных церковей Сургутского района, священником Аполлоном Сосуповым, при участии причта, старосты, строительного комитета и некоторых лиц, проживающих при церкви, под актом подписавшихся.

Из акта: 27 августа 1917 г., мы, нижеподписавшиеся, произведя осмотр новопостроенного деревянного храма на пристани «Вартовский» Вартовского прихода нашли следующее:

1) Храм построен на указанном подрядчиком месте, согласно плану и фасада, кои были утверждены Строительным отделением Тобольск. Губ. Управл. от 10-го декабря 1913 г. за № 318;

2) Глубина канавы под фундамент была приготовлена указанной в Договоре глубины;

3) По дну канавы, в основании храма, уложены сплошные лежки, кои обложены, осмолены и на них поставлены стойки, взятые прочно в шипы;

4) Лес в стенах выровнен по одной скобке, и рубка произведена в крюк;

5) Рубка колокольни и среднего купола произведена из брусьев, в лапу и обшиты;

б) Срезка в стенах в шипах и наклею, косяки на дверях и окнах положены также на паклю, хотя требовали положить на потниках, последнее отсутствие сделано Стр. Комит. ввиду невозможности достать потник, стены храма, снаружи и внутри проконопачены прочно за исключением углов и алтарного окна, конопатка оказалась смазанной;

7) Полы сточены, двойные, при коих белые зашпаклеваны и окрашены масляной краской и на два раза, прочно; потолки черные, как и требовалось, залиты глиной и сверху засыпаны сухой землей, а внутри обшиты тесом;

8) Крыши, купола, покрытые железом в гребень, и водосточные трубы выкрашены два раза масляной краской - медяного, а колокольня и карнизы – белилами;

9) Кресты, числом три. выкрашены под бронзу, а главы обшиты железом и окрашены.

10) Во всех окнах храма двойные рамы, застеклены и обмазаны. Рамы в окнах и дверях и все наличники выкрашены на 2 раза; при чем летних и зимних десять рам сделаны отворчатыми; боковые двери сделаны двойными, наружные – глухими, а внутренние филенчатые, со стеклами;

11) Поставлены три печи, в железных кожухах, с отдушинами и вентиляторами, окрашены, а сверху устроены капканы;

12) Сделаны и окрашены: два клироса, один аналой, один шкаф для ризницы, столярной работы престол и жертвенник;

13) храма снаружи и поколь обшиты жестью и окрашены;

14) За работу, из четырех тысяч, выдано три тысячи.

15) Остается приготовить: два шкафа (для ризницы и библиотеки), два простых стана, три табуретки. Крыша украшена недостаточно - никаких других устройств [2, с. 178–179].

Исследователь-краевед, член Союза писателей России В.Л. Михайловский в своей работе отмечает, что в 1922 г. церковь закрыли. Церковную утварь конфисковали большевики, действуя согласно Декрету об отчуждении церковных ценностей от 23 февраля 1922 г. Имуущество должны были передать нуждающимся [3, с. 127]. Накануне изъятия ценностей из Нижневартовской церкви в 1922 г. было составлено ее описание, скрепленное многочисленными подписями жителей (в том числе председателя сельского ревкома) и уполномоченного уездной подкомиссии по изъятию церковных ценностей П.И. Трофимова. В храме имелись переносной престол с двумя ситцевыми одеждами, один серебряный вызолоченный крест, одна бронзовая дароносица, одно железное копье, одна бронзовая дарохранительница, один серебряный позолоченный потир, такие же дискос, лжица, два блюдечка, бронзовый ковшик, маленький настольный подсвечник, панихидница из белой жести, плащаница, чаша для водосвятия, 5 лампад, два венца, флакон со святым миром, святой антиминос, платок с него, два железных подсвечника с ситцевыми одеждами, чаша для благословения хлебов, подсвечник из белой жести, металлические тарелочки и кадило. Из священных изображений в описании зафиксированы иконы Матери Божией в металлической оправе, образ Богоматери о взыскании погибших душ, иконы «Утешение о чаше». Святого Сергия Радонежского, Спасителя, Матери Божией, митрополита Иоанна, явление Божией Матери. Сергия и Германа. Волынского чудотворца, икона с 12 лицами (чеканной работы). Из числа священных облачений в храме имелись две простые ризы, две епитрахели, два подризника, венок, набедренник, пояс, поручи (4), два воздуха, 4 шали, два на аналойных покрывала, 4 платка. В церкви хранились евангелие, апостол, часослов, минеи, триоди постная и цветная, служебники, псалтыри, октоих, ирмологий, книги о нотном пении, правило к святому причащению, церковный устав. На колокольне висел один колокол. При храме находились дома для священника и псаломщика. 1 июня 1922 г. уполномоченный Сургутской уездной подкомиссии по изъятию церковных ценностей П. И. Трофимов с представителями от местного населения А.П. Шемелевым, А.Н. Гребневой и Д.В. Коробицыным конфисковали в Нижневартовском храме серебряный позолоченный крест весом 1 фунт 0,5 золотника. Остальные серебряные позолоченные вещи (звезда, лжица, дискос, потир, две тарелки) были оставлены в церкви до замены их изделиями, выполненными из «неблагородного» металла [2, с. 180–181].

Здание церкви отдали сначала под школу, затем под клуб. До 1988 г. там уже располагался склад нефтяного предприятия [4, с. 127]. В одной части помещения хранилась химическая соль и фортепиано, а в другой был кинозал, и там находились киноплёнки [5, с. 82]. 28 октября 1988 г. горисполком города Нижневартовска принял решение, позволяющее открыть храм. Прежде, чем церковь стала пригодной для богослужений, равнодушные прихожане вынесли весь мусор из помещений. Привели в порядок стены, пол. Поставили иконостас, престол, жертвенник. Так же в церкви было необходимо сделать полный ремонт и провести отопление. Все это будет сделано жителями города и местными властями к 1989 г. [5, с. 82].

25 июня 1994 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II посетил нижневартовскую церковь. После такого светлого события вновь обрушились испытания. 7 октября того же года здание церкви преподобного Сергия Радонежского Чудотворца сгорело. Вместе с ним ушла целая эпоха. На этом же месте было решено возвести новый храм, храм в честь Рождества Иоанна Предтечи. В 2003 г. был найден подрядчик. Первая литургия в строящемся храме была совершена 7 июля 2007 г., в престольный праздник Рождества Иоанна Предтечи. 1 октября 2011 г. храм был освящен правящим Архиепископом Ханты-Мансийским и Сургутским Павлом и совершена Божественная Литургия.

Таким образом, медленно, но, верно, в городе Нижневартовск восстанавливались православные устои, возвращалась духовность. Через тяжёлую историю возникновения и строительство храмов города можно провести параллель с верой. Как порой сложен в жизни праведный путь человека. И не смотря на преграды, нельзя отклоняться и опускать руки. Как не опускали рук равнодушные жители города. Благодаря которым, сегодня мы имеем развивающийся г. Нижневартовск с великолепными храмовыми постройками: Рождества Христова; храм благоверного князя Александра Невского; храм святителя Николая Чудотворца; церковь Пантелеимона Целителя; церковь Матроны Московской и конечно храм в честь Рождества Иоанна Предтечи.

Список источников и литературы

1. Алексеева Л.В., Цысь В.В., Чорев М.М., Сапожникова Н.В., Терентьева Н.В. Нижневартовск: прошлое и настоящее: коллективная монография. Нижневартовск: НВГУ, 2017. 244 с.
2. Демидова Н.Ф. Из клировых ведомостей. Документы по истории сооружения Вартовской церкви // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Выпуск II МУ «БИС»; НГПИ, Екатеринбург: ФГУИПП «Уральский рабочий», 1999. С. 157–179.
3. Михайловский В.Л. Расположить душу к исторической справедливости (к вопросу об истории возникновения Нижневартовска) // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие зап. Вып. XI МБУ «БИС»; НГГУ; Нижневартовск; Омск: «Омскбланкиздат», 2011. С. 127.
4. Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография. Нижневартовск: НВГУ, 2016. 193 с.
5. Тобольские епархиальные ведомости. 1896. №17. С. 407.
6. Тобольские епархиальные ведомости. 1899. №10. С. 178.
7. Тобольские епархиальные ведомости. 1908. №. 18. С. 359–360.
8. Тобольские епархиальные ведомости. 1908. №. 19. С. 368.
9. Тобольские епархиальные ведомости. 1909. № 18. С. 19.
10. Тобольские епархиальные ведомости. 1909. № 8. С. 86.
11. Шумбасов А.Я. Создание храма и прихода в честь Рождества Иоанна Предтечи в г. Нижневартовске (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) // «Православие. Наука. Образование». №2 (6). Нижневартовск: НВГУ, 2018. С. 81–87.

THE ORIGINS OF CHURCH CONSTRUCTION IN NIZHNEVARTOVSK

Abstract. This article provides a comprehensive historical analysis of the role of the first church in the formation and spiritual life of the city of Nizhnevartovsk. Based on archival materials and historical sources, it meticulously reconstructs the five-stage history of the construction, destruction, and restoration of the church complex, beginning with the foundation of the Church in the Name of St. Sergius of Radonezh in the village of Nizhne-Vartovskoye in 1908. The author traces key events: the initial construction (1898–1908), the fire of 1911 and the relocation of construction to the Nizhnevartovskaya pier (1911–1917), the Soviet period and the closure of the church (1917–1988), its brief restoration (1988–1994), and finally, the construction of a new stone church in honor of the Nativity of John the Baptist on the historical site (2003–2011). Particular attention is paid to the role of key historical figures (Priest A.I. Sivillov, merchant V.I. Pankin), the activities of construction committees, and the complex processes of interaction between ecclesiastical and civil authorities. The relevance of the study is determined by the importance of understanding the contribution of the Orthodox tradition to the formation of the socio-cultural space of Siberian cities. It is concluded that, despite numerous trials, the church has remained and continues to be a spiritual center, symbolizing the resilience of faith and the continuity of traditions for the residents of Nizhnevartovsk.

Keywords: Nizhnevartovsk, Church of St. Sergius of Radonezh, Church of the Nativity of John the Baptist, history of the Russian Orthodox Church, spiritual life, local history, church construction, Tobolsk Diocese.

About the author: Andrey E. Kortuzov, 10th Grade Student (Grade 10 «B»), Municipal Budgetary Educational Institution «Secondary School № 8».